

КОНВЕРГЕНЦИЯ УРОВНЕЙ СМЕРТНОСТИ И
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ
РОССИИ ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

ЕКАТЕРИНА ВЕТРОВА, НАТАЛЬЯ КАЛМЫКОВА

МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ
В 2010-Е ГОДЫ

НИКИТА МКРТЧЯН

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 2000 - 2020-Х ГОДАХ

КСЕНИЯ СУБХАНГУЛОВА

РАСХОДЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ
10-17 ЛЕТ В РЕГИОНАХ РОССИИ

ЕКАТЕРИНА СЕРЕДКИНА, ЕЛЕНА ВЬЮГОВСКАЯ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У УДМУРТОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х – 1950-Х ГОДАХ

НАТАЛЬЯ ЧЕРНЫШЕВА,

АЛЬБИНА АЖИГУЛОВА,

СЕРГЕЙ УВАРОВ

«РОССИЙСКАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА
ПЕРЕСТАЕТ СООТВЕТСТВОВАТЬ МИРОВЫМ
СТАНДАРТАМ...». ИЗ ОПЫТА БОРЬБЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ДЕМОГРАФОВ С ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ И
БЮРОКРАТИЧЕСКИМ ПРОИЗВОЛОМ В ОТНОШЕНИИ
СИСТЕМЫ ТЕКУЩЕГО УЧЕТА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
СОБЫТИЙ В КОНЦЕ 1990-Х ГГ.

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«МИГРАЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ»

ОКСАНА ХАРАЕВА

демографическое обозрение

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Сергей Владимирович ЗАХАРОВ

Заместитель главного редактора

Сергей Андреевич ТИМОНИН

Заместитель главного редактора

Никита Владимирович МКРТЧЯН

Ответственный секретарь редакции

Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА

Корректор

Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА

Компьютерная вёрстка и графика

Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Виктор АГАДЖАНЯН
Евгений АНДРЕЕВ
Василий ВЛАСОВ
Ольга ГАГАУЗ
Михаил ДЕНИСЕНКО
Сергей ЗАХАРОВ
Сергей ИВАНОВ
Алла ИВАНОВА
Ольга ИСУПОВА
Ирина КАЛАБИХИНА

Михаил КЛУПТ
Никита МКРТЧЯН
Анна МИХЕЕВА
Владимир МУКОМЕЛЬ
Лилия ОВЧАРОВА
Павел ПОЛЯН
Анастасия ПЬЯНКОВА
Мария САВОСКУЛ
Сергей ТИМОНИН
Андрей ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Барбара А. АНДЕРСЕН
Мишель ГИЙО
Павел ГРИГОРЬЕВ
Ирина ЕЛИСЕЕВА
Наталья ЗУБАРЕВИЧ
Владимир ИОНЦЕВ
Казухиро КУМО
Дэвид ЛЕОН
Элла ЛИБАНОВА
Массимо ЛИВИ БАЧЧИ
Тамара МАКСИМОВА

Татьяна МАЛЕВА
Франс МЕЛЕ
Борис МИРОНОВ
Светлана НИКИТИНА
Томаш СОБОТКА
Влада СТАНКУНЕНЕ
Марк ТОЛЬЦ
Владимир ШКОЛЬНИКОВ
Сергей ЩЕРБОВ
Николас ЭБЕРШТАД

ЖУРНАЛ ОСНОВАН АНАТОЛИЕМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ВИШНЕВСКИМ (1935-2021) В 2014 ГОДУ.

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.

Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл № ФС77-67362.

ISSN 2409-2274

Контакты 109028 Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824

www.demreview.hse.ru

demreview@hse.ru

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief
Sergei V. ZAKHAROV
Deputy Editor-in-Chief
Sergey A. TIMONIN
Deputy Editor-in-Chief
Nikita V. MKRTCHYAN
Managing Editor
Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader
Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up
Kirill V. RESHETNIKOV

EDITORIAL BOARD:

Victor AGADJANIAN	Anna MIKHEEVA
Evgenny ANDREEV	Vladimir MUKOMEL
Mikhail DENISSENKO	Lilia OVCHAROVA
Olga GAGAUZ	Pavel POLIAN
Olga ISUPOVA	Anastasia PYANKOVA
Sergey IVANOV	Maria SAVOSKUL
Alla IVANOVA	Sergey TIMONIN
Irina KALABIKHINA	Andrey TREIVISCH
Mikhail KLUPT	Vasily VLASSOV
Nikita MKRTCHYAN	Sergey ZAKHAROV

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Barbara ANDERSON	Tatyana MALEVA
Nicholas EBERSTADT	France MESLE
Irina ELISEEVA	Boris MIRONOV
Pavel GRIGOREV	Svetlana NIKITINA
Michel GUILLOT	Tomas SOBOTKA
Vladimir IONTSEV	Sergei SCHERBOV
Kazuhiro KUMO	Vladimir SHKOLNIKOV
David LEON	Vlada STANKUNIENE
Ella LIBANOVA	Mark TOLTS
Massimo LIVI BACCI	Natalia ZUBAREVICH
Tamara MAKSIMOVA	

FOUNDED BY ANATOLY G. VISHNEVSKY (1935-2021) IN 2014.

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.

Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Editorial address

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
demreview@hse.ru

Оригинальные статьи

Convergence of mortality rates and life expectancy in Russia's major cities before and after the pandemic

*Ekatерина Ветрова,
Наталья Калмыкова*

Migration of the rural population in Russia in the 2010s

Nikita Mkrtchyan

Family policy in Central and Eastern European countries in the 2000 - 2020s

Ksenia Subkhangulova

Household expenditures on additional education and health of children aged 10-17 in Russian regions

*Ekaterina Seredkina,
Elena Vyugovskaya*

Ethnodemographic processes among the Udmurts from the mid-1930s through the 1950s

*Natalya Chernysheva,
Albina Azhigulova,
Sergey Uvarov*

«Russian demographic statistics ceases to meet world standards...». From the experience of domestic demographers' struggle against legislative and bureaucratic arbitrariness with regard to the system of current accounting of demographic events in the late 1990s.

Sergei Zakharov

4-20

Конвергенция уровней смертности и продолжительности жизни в крупных городах России до и после пандемии

Екатерина Ветрова, Наталья Калмыкова

21-43

Миграция сельского населения в России в 2010-е годы

Никита Мкртчян

44-61

Семейная политика в странах Центральной и Восточной Европы в 2000 - 2020-х годах

Ксения Субхангулова

62-85

Расходы домохозяйств на дополнительное образование и здоровье детей в возрасте 10-17 лет в регионах России

Екатерина Середкина, Елена Выуговская

86-99

Этнодемографические процессы у удмуртов во второй половине 1930-х – 1950-х годах

Наталья Чернышева, Альбина Ажигулова, Сергей Уваров

100-110

«Российская демографическая статистика перестает соответствовать мировым стандартам...».

Из опыта борьбы отечественных демографов с законодательным и бюрократическим произволом в отношении системы текущего учета демографических событий в конце 1990-х гг.

Сергей Захаров

Архивы

Review of the book «Migration Legal Policy of Russia: Trends and Ways of Development»

Oxana Kharaeva

111-116

Рецензия на монографию

«Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития»

Оксана Хараева

Рецензии

Конвергенция уровней смертности и продолжительности жизни в крупных городах России до и после пандемии

Екатерина Дмитриевна Ветрова
(ekat.vetrova@gmail.com), Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Россия.

Наталья Михайловна Калмыкова
(natalia-kalmykova@yandex.ru), Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Россия.

Convergence of mortality rates and life expectancy in Russia's major cities before and after the pandemic

Ekaterina Vetrova
(ekat.vetrova@gmail.com),
Lomonosov Moscow State University,
Russia.

Natalia Kalmykova
(natalia-kalmykova@yandex.ru),
Lomonosov Moscow State University,
Russia.

Резюме: В статье на данных Федеральной службы государственной статистики анализируются процессы конвергенции в смертности в городах России с населением от 100 тыс. до 1 млн человек в допандемийный период (2012-2019 гг.), во время пандемии COVID-19 (2020 г.) и после ее окончания (2021-2022 гг.). Показано, что наибольшая конвергенция интервальной продолжительности жизни наблюдается в возрастных группах 0-15 и 15-35 лет, а группа 35-65 лет остается наиболее значимым резервом для снижения смертности и дальнейшей конвергенции. Также показано, что пандемия затормозила конвергенцию регионов по уровню смертности, дифференциация ожидаемой продолжительности жизни в возрастном интервале 35-65 лет практически не сокращается с годами, т. е. отстающие города не заимствуют практики городов-лидеров.

Ключевые слова: Россия, смертность, интервальная продолжительность жизни, конвергенция, крупные города, пандемия COVID-19.

Для цитирования: Ветрова Е.Д., & Калмыкова Н.М. (2024). Конвергенция уровней смертности и продолжительности жизни в крупных городах России до и после пандемии. Демографическое обозрение, 11(2), 4-20. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21824>

Abstract: In the article the authors used data from the Federal State Statistics Service to analyze the processes of convergence in mortality in Russian cities with a population of 100 thousand to 1 million people in the periods before, during and after the COVID-19 pandemic. The greatest convergence of interval life expectancy is observed in the age groups 0-15 years and 15-35 years, while the group of 35-65 years remains the most significant reserve for reducing mortality and for further convergence. The pandemic slowed down the convergence of regions in terms of mortality. The differentiation of life expectancy in the age range of 35-65 years has decreased slightly over the years, which means that lagging cities are not adopting the practices of leading cities.

Keywords: Russia, mortality, life expectancy by age intervals, convergence, large cities, COVID-19 pandemic.

For citation: Vetrova E., & Kalmykova N. (2024). Convergence of mortality rates and life expectancy in Russia's major cities before and after the pandemic. Demographic Review, 11(2), 4-20. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21824>

20 лет назад Ф. Меле и Ж. Валлен в одной из статей писали о том, что переход в здоровье, подразумевающий поэтапное сближение уровней смертности между странами, проходит через несколько стадий конвергенции и дивергенции, вызванных различным уровнем развития здравоохранения, социокультурными и экономическими особенностями разных стран. При этом авторы отмечали, что «было бы полезно развить (эти идеи) дальше, чтобы увидеть, насколько они могут быть применимы к тенденциям и различиям в смертности, наблюдаемым внутри стран, либо с точки зрения внутренних географических различий, либо даже с точки зрения экономических, социальных, культурных, гендерных и других различий» (Vallin, Meslé 2004: 38). На примере Европы можно увидеть, что близкие по уровню экономического развития страны постепенно проходят по пути конвергенции в смертности, хотя и с разной скоростью (Coleman 2002).

В большей части работ конвергенция в смертности анализируется на межстрановом уровне (Mackenbach 2013; Liou et al. 2020) или для регионов мира (Aksan, Chakraborty 2023). Конвергенция на внутристрановом уровне рассматривается реже. Например, (Edwards, Tuljapurkar 2005) анализировали возрастные паттерны смертности в США, в частности вариацию среднего возраста смерти во взрослых возрастах, в этнических группах и группах населения, различавшихся по доходам и уровню образования. В работах (Hrzic et al. 2023; van Raalte et al. 2020) сравнивались динамика и сближение ожидаемой продолжительности жизни при рождении в регионах Западной и Восточной Германии.

Можно предположить, что подобная конвергенция в смертности должна наблюдаться и в России. В предшествующих исследованиях неоднократно подчеркивалась существенная неоднородность регионов России по уровню смертности (Данилова 2017; Щур, Тимонин 2020; Андреев, Кваша, Харькова 2014). Для России актуальна проблема неравенства в смертности с выраженным градиентом центр-периферия (Щур 2018; Щур, Тимонин 2020; Зубаревич 2007). При этом крупные города опережают средние показатели своих регионов, сближение уровней смертности внутри регионов не наблюдается.

Исследовательский вопрос заключается в проверке наличия конвергенции в смертности между крупными городами России. Различия в доступе к услугам здравоохранения, качественному питанию, здоровому образу жизни, занятости в крупных городах могут делать городскую среду менее привлекательной для жителей. Это в свою очередь провоцирует внутреннюю миграцию и увеличивает разрыв в экономическом развитии городов (Bortz et al. 2015).

В нашей работе гипотезу о конвергенции в смертности проверяли на всем массиве городов России с населением свыше 100 тыс. человек. Такое определение выборки обеспечивает похожий уровень социально-экономического развития и человеческого капитала между объектами, помогает снизить проблему центр-периферийного градиента. Города-миллионники не включены в анализ, так как прошлые исследования (Щур 2018) показывают, что структура смертности в таких городах слишком индивидуальна, не наблюдается общий тренд на сближение или отдаление городов-миллионников по уровню ожидаемой продолжительности жизни за последние 30 лет. Процесс конвергенции по уровню смертности между регионами шел неравномерно даже в годы роста ожидаемой продолжительности жизни до внешнего шока пандемии (Timonin et al. 2017). Выбор объекта данной работы основывается на выводах исследований территориальных различий в смертности в России (Щур 2018; Щур, Тимонин 2020; Зубаревич 2007; Попова 2019).

Мы тестируем гипотезы о бета- и сигма-конвергенции для ожидаемой продолжительности жизни в крупных городах России, а также для интервальной ожидаемой продолжительности жизни в возрастных группах 0-15, 15-35, 35-65 и 65 лет и старше. Концепция бета-конвергенции заключается в том, что более отсталые города с низкой ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ) при рождении растут быстрее, чем изначально более успешные по уровню ОПЖ города-лидеры. То есть скорость роста показателя зависит от его начального значения. Сигма-конвергенция предполагает снижение дисперсии ОПЖ при рождении между городами со временем.

На примере США (Bianchi, Bianchi, Song 2023) выявлено неравномерное влияние пандемии COVID-19 на разные социальные группы. Подобные тенденции заметны и для городов России. Поэтому в работе отдельно рассмотрены период по пандемии (2012-2019 гг.), пандемия COVID-19 (2020 г.) и период восстановления (2021-2022 гг.), а также дана оценка влияния пандемии на скорость конвергенции в крупных городах России.

Данные и методы

Эмпирическая база исследования – данные Федеральной службы государственной статистики: таблицы ЗТС «Таблицы смертности и ожидаемой продолжительности жизни» с 2012 по 2021 г. для городов России с населением свыше 100 тыс. человек. Данные содержат таблицы смертности по пятилетним возрастным интервалам отдельно для мужчин, женщин и обоих полов. В выборку включены 150 крупных городов. Это полный список городов, население которых, по данным Росстата, превышало 100 тыс. человек на протяжении всего периода.

В рамках исследования использованы интервальные продолжительности жизни для возрастных интервалов 0-14 лет, 15-34, 35-64 года, 65 лет и старше. Интервальная продолжительность жизни рассчитана на основе пятилетних таблиц смертности по формуле:

$$x+n e_x = \frac{T_x - T_{x+n}}{l_x}, \quad (1)$$

где $x+n e_x$ – средняя ожидаемая продолжительность жизни в интервале от x до $x+n$ лет, T_x – число человеко-лет предстоящей жизни поколения в возрасте x лет и старше, l_x – число доживших до точного возраста x лет.

Для проверки гипотезы о сближении уровня смертности в крупных городах используются модели бета- и сигма-конвергенции. Хотя изначально эти модели были созданы в рамках макроэкономической теории, их применение к демографическим данным также получило широкое распространение (Edwards 2011; Edwards, Tuljapurkar 2005; Coleman 2002; Kashnitsky, De Beer, Van Wissen 2017; Kalabikhina, Shatalova, Fang 2020).

Основное предположение модели бета-конвергенции заключается в том, что в городах с изначально более низкой ожидаемой продолжительностью жизни прирост этого показателя будет выше, чем в городах с более высоким начальным уровнем. Таким образом, отстающие города будут постепенно догонять лидеров.

Основная регрессия модели описывается выражением:

$$\log\left(\frac{E_{i,t}}{E_{i,t-1}}\right) = \alpha + \beta \log(E_{i,t-1}) + \varepsilon_{i,t}, \quad (2)$$

где $\log\left(\frac{E_{i,t}}{E_{i,t-1}}\right)$ показывает прирост ОПЖ при рождении, $\varepsilon_{i,t}$ – случайные ошибки.

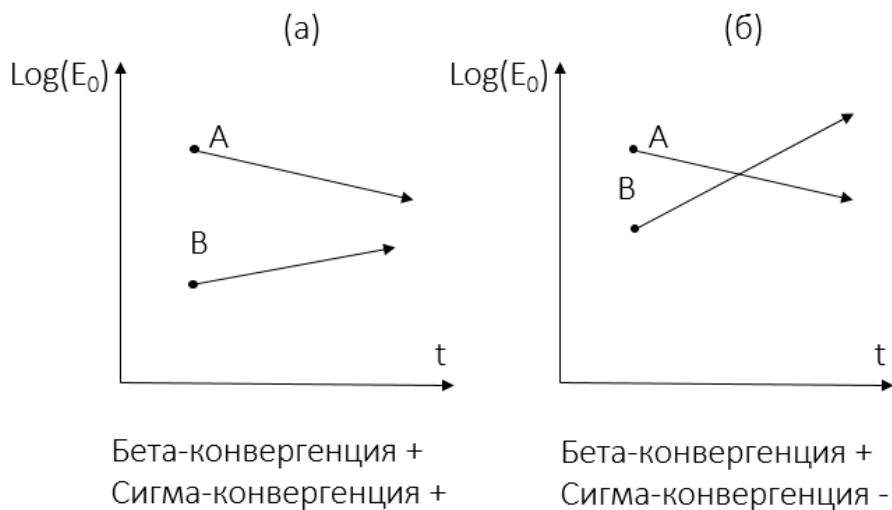
Коэффициент α можно рассматривать как средний темп роста. Гипотеза о бета-конвергенции подтверждается, если коэффициент $\beta < 0$, т. е. чем выше уровень ОПЖ в текущий момент, тем меньше будет его прирост в следующем периоде.

О сигма-конвергенции говорят в том случае, если со временем снижается разброс значений интересующего показателя. В этой работе вспомогательная регрессия модели сигма-конвергенции описана следующим уравнением:

$$SD(E_t) = \gamma + \delta * t + \mu_t, \quad (3)$$

где $SD(E_t)$ – стандартное отклонение ожидаемой продолжительности жизни в городах для года t , μ_t – случайная ошибка. Если коэффициент δ окажется значимым и отрицательным, в данных присутствует сигма-конвергенция.

Рисунок 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в зависимости от комбинации бета- и сигма-конвергенции

Источник: Основано на статье (Sala-i-Martin 1996.)

Мы рассматриваем несколько вариантов сочетания бета- и сигма-конвергенции. Одна из возможных комбинаций – обе гипотезы подтверждаются, в данных присутствует и бета-конвергенция, и сигма-конвергенция. В таком случае отстающие по ожидаемой продолжительности жизни города догоняют лидеров, разброс значений уменьшается (рисунок 1а). Однако возможна ситуация, когда в данных наблюдается бета-конвергенция, но сигма-конвергенция отсутствует. Это значит, что в городах с более низким начальным уровнем ожидаемой продолжительности жизни значение показателя увеличивается быстрее, чем в городах с высоким начальным уровнем, однако разброс значений не сокращается (рисунок 1б) (Sala-i-Martin 1996). Такая ситуация менее благоприятна, так как означает потерю лидерами своего преимущества, города развиваются неравномерно. Лидеры и аутсайдеры меняются местами. При этом нужно обратить внимание на города,

которые теряют своё начальное преимущество, так как значение ожидаемой продолжительности жизни в них, вероятно, снижается или остается на прежнем уровне при том, что снижение смертности в остальных городах ускоряется.

В исследовании гипотезы бета- и сигма-конвергенции проверяются для ожидаемой продолжительности жизни при рождении, а также для интервальной продолжительности жизни в возрастных группах 0-15, 15-35, 35-65 и 65 лет и старше для людей, которые дожили до начала каждого из возрастных интервалов. Проверка гипотез для интервальной продолжительности жизни позволяет сделать выводы о том, за счет каких групп идет конвергенция ОПЖ при рождении, а также определить перспективные возрастные группы, за счет которых конвергенция могла бы усиливаться.

Для проверки гипотезы о влиянии пандемии на конвергенцию оценены две спецификации модели с учетом бинарной переменной COVID-19, равной 1 для 2020 и 2021 г. и 0 для всех остальных лет. Для 2022 г. введена дополнительная бинарная переменная года (after), так как процесс восстановления после пандемии может повлиять на скорость конвергенции иначе, чем сам внешний шок.

Для того, чтобы учесть эффект пандемии, оценивали расширенную спецификацию модели бета-конвергенции:

$$\log\left(\frac{E_{i,t}}{E_{i,t-1}}\right) = \alpha + \beta \log(E_{i,t-1}) + \gamma * \log(E_{i,t-1}) * Covid_{19} + \delta * \log(E_{i,t-1}) * after + \varepsilon_{i,t} \quad (4)$$

Для периода «до пандемии» уравнение регрессии выглядело следующим образом:

$$\log\left(\frac{E_{i,t}}{E_{i,t-1}}\right) = \alpha + \beta \log(E_{i,t-1}) + \varepsilon_{i,t} \quad (5)$$

Для периода пандемии:

$$\log\left(\frac{E_{i,t}}{E_{i,t-1}}\right) = \alpha + (\beta + \gamma) * \log(E_{i,t-1}) + \varepsilon_{i,t} \quad (6)$$

В 2022 г.:

$$\log\left(\frac{E_{i,t}}{E_{i,t-1}}\right) = \alpha + (\beta + \delta) * \log(E_{i,t-1}) + \varepsilon_{i,t} \quad (7)$$

Если коэффициент γ значим, пандемия оказывает существенное влияние на скорость конвергенции. Значимость коэффициента δ будет указывать на влияние процесса восстановления после пандемии на скорость конвергенции.

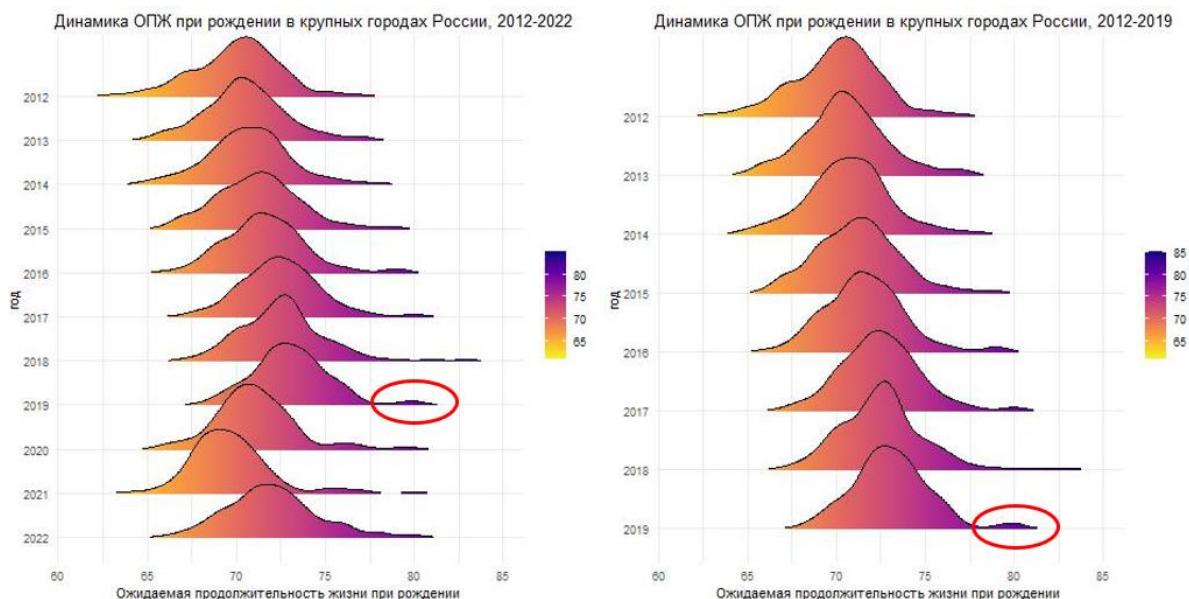
Для анализа данных, построения регрессий и визуализации применяли программное обеспечение R и RStudio.

Результаты

Распределение городов по ожидаемой продолжительности жизни при рождении становится более сжатым с 2012 по 2019 г. (рисунок 2). В 2012 г. было заметно пятое в распределении на уровне ОПЖ 67-68 лет, что ниже среднего значения. К 2019 г. города из левой части распределения приближаются к среднему значению ОПЖ, а само оно растет. Левый край распределения – большая группа городов с показателем ниже среднего значения. В 2020-2021 гг. распределение сжимается еще больше, но среднее значение ОПЖ снижается из-за пандемии COVID-19. В 2022 г. разброс городов снова увеличивается

вследствие неравномерного восстановления ожидаемой продолжительности жизни в городах.

Рисунок 2. Распределение городов по ожидаемой продолжительности жизни при рождении с 2012 по 2022 г.

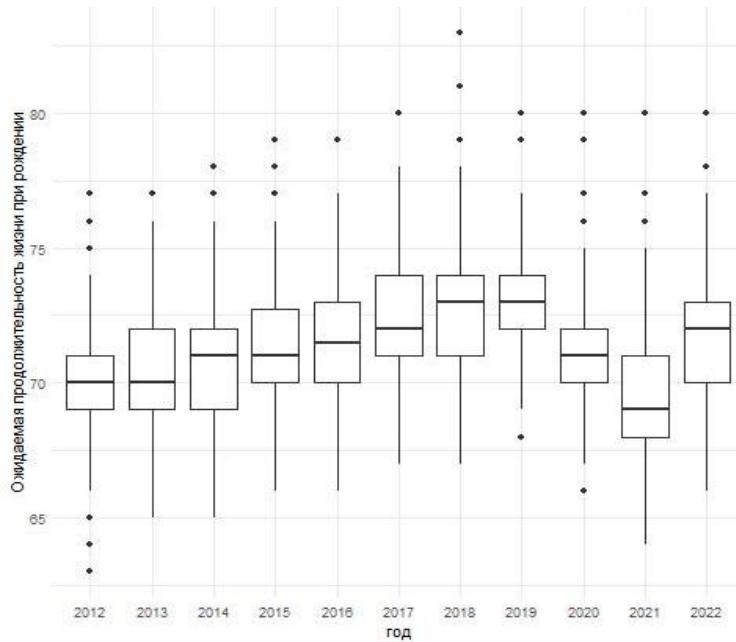

Источник: Расчеты авторов.

В связи с существенными изменениями в динамике ОПЖ после 2019 г. далее гипотезы о бета- и сигма-конвергенции проверяли отдельно для интервалов 2012-2019 и 2012-2022 гг. До 2019 г. распределение городов по ожидаемой продолжительности жизни становится существенно более сжатым, первые и третий квартиль распределения сблизились по значениям (таблица П1 Приложения). Однако к концу периода выделился правый «хвост» распределения – города, существенно опережающие средний уровень по ОПЖ при рождении.

На рисунке 2 эта особенность распределения выделена красным. Если рассмотреть статистику городов по ОПЖ при рождении (рисунок 3), выделенный «хвост» – это отдельные точки, отличающиеся от общего распределения. В такую категорию попали четыре города со значениями выше 77 лет (Махачкала, Каспийск и Хасавюрт (Республика Дагестан), а также Назрань (Республика Ингушетия)). В других исследованиях (Мкртчян 2019) обсуждается аномально высокая продолжительность жизни в кавказских республиках, поэтому этот результат будем рассматривать скорее как выброс, чем как устойчивую тенденцию.

Рисунок 3. Распределение городов по ожидаемой продолжительности жизни при рождении с 2012 по 2022 г.

Источник: Расчеты авторов.

Конвергенция смертности в крупных городах до пандемии

Чтобы оценить конвергенцию без учета внешнего шока, модель 1 построена на данных с 2012 по 2019 г. Модель 2 включает 2020 и 2021 г., чтобы проверить, сохранилась ли конвергенция между городами в условиях пандемии (таблица 1). В модель 3 также включен 2022 г., в котором наблюдался процесс восстановления ожидаемой продолжительности жизни после пандемии. В таблице представлены результаты оценки моделей на всех городах выборки, однако модели были протестированы на устойчивость и построены без учета городов, которые по предварительному анализу были классифицированы как выбросы. Результаты устойчивы, значимость и направление влияния переменных сохраняются. Коэффициенты модели меняются менее, чем на 0,01.

Таблица 1. Результаты оценки регрессии бета-конвергенции методом наименьших квадратов (МНК)

Переменная	Модель 1 2012-2019 гг.	Модель 2 2012-2021	Модель 3 2012-2022
Const (α)	0,146 *** (0,020)	0,101 *** (0,02)	0,069 *** (0,02)
Начальный уровень ОПЖ (β)	- 0,033 *** (0,005)	- 0,024 *** (0,005)	- 0,016 *** (0,005)
R ²	0,254	0,143	0,067

Примечание: В скобках указаны стандартные ошибки; *** – значимость на 1%-ном уровне.

Регрессионный анализ показывает наличие абсолютной бета-конвергенции ожидаемой продолжительности жизни между крупными городами. То есть города с более низким начальным уровнем ожидаемой продолжительности жизни растут по этому показателю быстрее чем те, в которых ожидаемая продолжительность жизни изначально была более высокой. Но внешний шок пандемии внес вклад в динамику ОПЖ городов,

процесс восстановления идет неравномерно. Наиболее сильная бета-конвергенция наблюдается на данных до 2019 г. В модели 1 коэффициент β принимает наибольшее по модулю значение. После пандемии конвергенция становится слабее, хотя по-прежнему остается статистически значимой.

Результаты оценки регрессии сигма-конвергенции приведены в таблице 2. До 2019 г. сигма-конвергенция в данных также присутствует. Коэффициент при переменной времени отрицательный и значимый, что говорит о том, что разброс значений ОПЖ при рождении (стандартное отклонение) уменьшается со временем. Однако с учетом пандемийных лет сигма-конвергенция в данных пропадает. С 2020 по 2022 г. продолжился процесс бета-конвергенции, но разброс значений не уменьшился.

Таблица 2. Результаты оценки регрессии сигма-конвергенции методом МНК

Переменная	Модель 3 2012-2019	Модель 4 2012-2021	Модель 5 2012-2022
Const	0,923 ** (0,318)	0,434 (0,27)	-0,021 (0,34)
Время	-0,0004 ** (0,0002)	-0,0002 (0,0001)	0,00002 (0,0001)
R ²	0,57	0,22	0,003

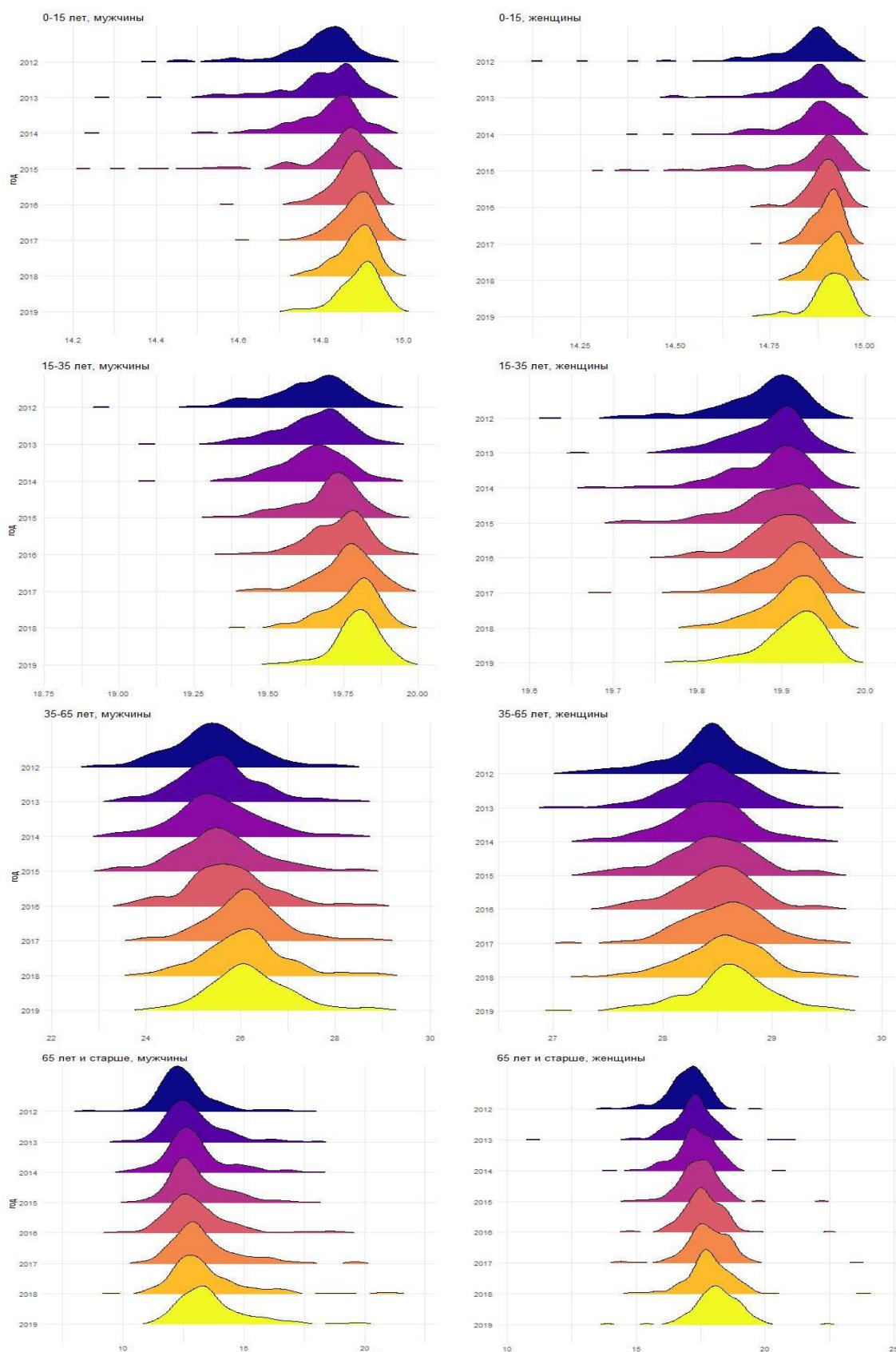
*Примечание: В скобках указаны стандартные ошибки; ** – значимость на 5%-ном уровне*

В результате явной смены трендов во время пандемии COVID-19 нужно отдельно рассматривать процесс конвергенции до 2019 и после 2020 г.

Говоря о конвергенции, проходившей до 2019 г. включительно, нужно выделить возрастные группы, которые являлись драйверами этого процесса, а также те возрастные группы, разница в уровне смертности которых по-прежнему сильно различается между городами. Чтобы выделить наиболее уязвимые группы и наиболее перспективные с точки зрения повышения продолжительности жизни был проведен анализ интервальной ожидаемой продолжительности жизни в возрастных группах 0-15, 15-35, 35-65 и 65 лет и старше. Разница в структуре причин смертности в этих возрастных группах была выявлена в более ранних исследованиях (Данилова 2017). Интервальная продолжительность жизни выбрана в качестве ключевого элемента анализа как аналог ОПЖ, позволяющий оценить конвергенцию между возрастными группами.

Основными драйверами конвергенции являются возрастные группы 0-15 и 15-35 лет как у мужчин, так и у женщин. Наименьшая конвергенция наблюдается в возрастных группах 65+ мужчин и женщин, а также 35-65 лет у мужчин (рисунок 4). Для наглядности динамики распределения внутри каждой группы со временем размерность осей отличается.

Рисунок 4. Динамика распределения крупных городов по интервальной продолжительности жизни в возрастных группах, мужчины и женщины, 2012-2019

Источник: Расчеты авторов.

Наибольшая конвергенция наблюдается в возрастных группах 0-15 и 15-35 лет. В этих возрастных группах левый «хвост» распределения (города с наименьшей ожидаемой продолжительностью жизни в этом возрастном интервале) с 2012 до 2019 г. подтягивается к среднему значению. Пик распределения растет, что говорит о большой концентрации городов с приблизительно одинаковой ожидаемой продолжительностью жизни. Эти группы являются драйверами сближения городов по общей ожидаемой продолжительности жизни. Подтверждение этому – декомпозиция вклада возрастных групп в отставание от ведущих городов по ожидаемой продолжительности жизни при рождении. На рисунке П Приложения приведен график вклада возрастных групп в отставание групп городов от лидера по ОПЖ в России – Москвы. По расчетам, группы возрастов 0-14 лет и 15-34 года на данном этапе вносят минимальный вклад в отставание городов от Москвы или даже находятся на более низком уровне смертности. Это подтверждает тот факт, что по внутри этих возрастных групп идет процесс конвергенции. Пандемия практически не снизила среднее значение ожидаемой продолжительности жизни в этих возрастных группах, и распределение городов в 2020-2021 гг. осталось сжатым.

Самая высокая дифференциация городов по ожидаемой продолжительности жизни наблюдается в старших трудоспособных возрастах (35-65 лет). В этой возрастной группе рост среднего значения ожидаемой продолжительности жизни несуществен. Разброс был высоким как в 2012, так и в 2019. Во время пандемии ожидаемая продолжительность жизни в этом возрастном интервале снизилась, а распределение городов в 2021 г. вернулось к уровню 2012 г.

В возрастной группе 65 лет и старше также присутствует высокая дифференциация, но она носит несколько другой характер. В пенсионных возрастах есть ярко выраженный правый «хвост» распределения: города, значительно опережающие по ожидаемой продолжительности жизни средние значения. Однако учет населения в пенсионных возрастах не всегда проводится корректно (Мкртчян 2012). В этой возрастной группе наиболее заметно снижение ожидаемой продолжительности жизни. Эти выводы подтверждаются другими исследованиями (Кучмаева, Калмыкова, Колотуша 2021).

Краткие результаты анализа бета- и сигма-конвергенции методом построения регрессий для возрастных групп приведены в таблице 3. Полные результаты оценок регрессий приведены в таблицах П2-П5 Приложения.

β -коэффициенты во всех уравнениях отрицательны и значимы на уровне 1%. Таким образом, статистические тесты подтверждают бета-конвергенцию в ожидаемой продолжительности жизни в крупных городах.

Подтверждается гипотеза, что самая сильная конвергенция присутствует в возрастных группах до 15 и от 15 до 35 лет. Для этих возрастных интервалов коэффициент β самый большой по модулю. Самая слабая конвергенция наблюдается в старших трудоспособных возрастах 35-65 лет. Однако для этой возрастной группы сходимость городов также статистически значима.

Сигма-конвергенция наблюдается только в возрастных группах от 0 до 35 лет. Таким образом, процесс конвергенции, т. е. приближения изначально отстающих городов к городам-лидерам по ожидаемой продолжительности жизни, происходит в первую очередь за счет детских и молодых трудоспособных возрастных групп. В этих группах

разброс значений ожидаемой продолжительности жизни в возрастных интервалах сокращается.

Таблица 3. Краткие результаты оценок регрессий для бета- и сигма-конвергенции в крупных городах России по возрастным группам, 2012-2019

	Мужчины	Женщины
ОПЖ при рождении	$\beta = -0,3^{***}$ $\delta = -0,0002$	$\beta = -0,04^{***}$ $\delta = -0,0004$
0-15 лет	$\beta = -0,12^{***}$ $\delta = -0,0007^{**}$	$\beta = -0,12^{***}$ $\delta = -0,0007^{**}$
15-35 лет	$\beta = -0,10^{***}$ $\delta = -0,0005^{***}$	$\beta = -0,09^{***}$ $\delta = -0,0001^{***}$
35-65 лет	$\beta = -0,03^{***}$ $\delta = -0,0005^{*}$	$\beta = -0,03^{***}$ $\delta = -0,00006$
65+ лет	$\beta = -0,03^{***}$ $\delta = 0,002$	$\beta = -0,03^{***}$ $\delta = -0,0002$

Примечание: * – значимость на 10%-ном уровне; ** – значимость на 5%-ном уровне;
*** – значимость на 1%-ном уровне. Зеленым отмечены группы, для которых гипотезы работы подтверждаются: есть значимые бета- и сигма-конвергенции. Желтым отмечены группы, для которых гипотезы работы подтверждаются с низким уровнем значимости результатов, красным – гипотеза о наличии сигма-конвергенции не подтвердилась.

В группе 35-65 лет сигма-конвергенция практически не значима, а для возрастов старше 65 лет сигма-конвергенция полностью отсутствует. Отстающие по ожидаемой продолжительности жизни города постепенно догоняют лидеров, однако разброс значений ОПЖ с годами остается существенным. Эти возрастные группы на данный момент тормозят процесс конвергенции ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Так как группа старших трудоспособных возрастов (35-65 лет) вносит больший вклад в ОПЖ при рождении, именно она наиболее перспективна для дальнейшего снижения смертности в отстающих городах. Фокус социальной политики должен быть направлен в первую очередь на снижение смертности в старших трудоспособных возрастах.

Влияние внешнего шока пандемии на конвергенцию смертности в крупных городах

Согласно графику разброса значений ожидаемой продолжительности жизни при рождении (рисунок 2), с 2020 г. распределение городов сдвинулось влево, среднее значение ОПЖ снизилось. Но в 2020 и 2021 г. распределение по-прежнему остается сжатым. В 2022 г. начинается процесс восстановления после пандемии, но он проходит неравномерно. Распределение городов по ОПЖ при рождении снова становится широким, как и в 2012 г. Для проверки значимости влияния пандемии на процесс конвергенции оценена расширенная спецификация модели бета-конвергенции (формула 4).

По результатам оценки модели, приведенной в таблице 4, коэффициенты γ и δ оказались значимыми и положительными. Следовательно, пандемия и процесс восстановления паттернов смертности в городах после пандемии повлияли на бета-конвергенцию значимо отрицательно. Коэффициент при начальном уровне ОПЖ при рождении снижался как во время пандемии в 2020-2021 гг., так и в 2022 г. в период восстановления.

Таблица 4. Модель бета-конвергенции ОПЖ при рождении с учетом эффекта пандемии, 2012-2022

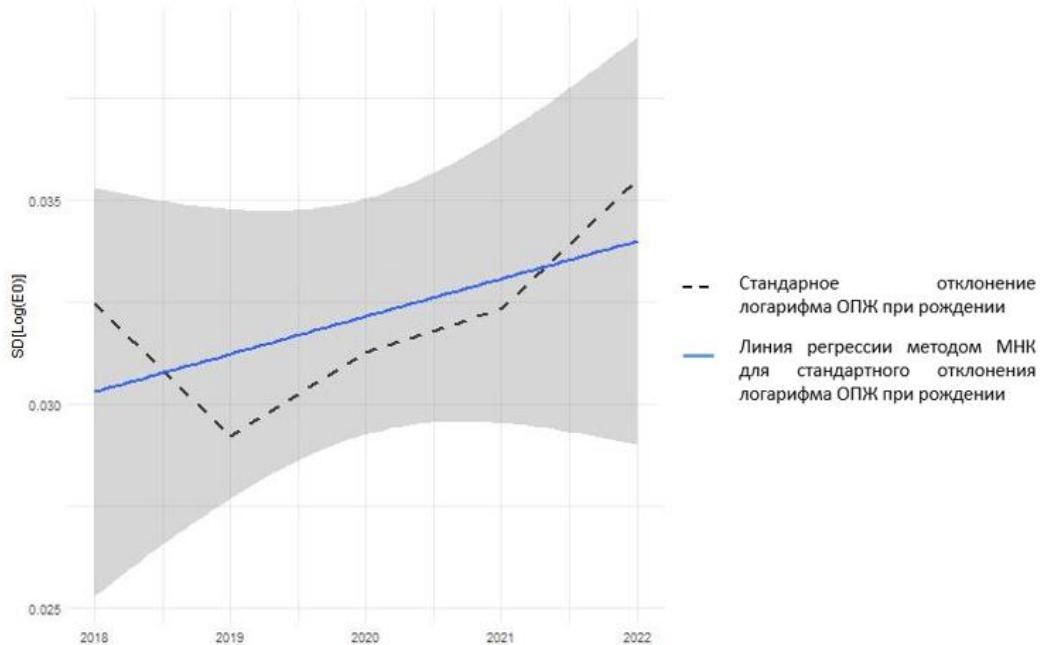
	Модель бета-конвергенции с учетом пандемии
Const	0,37 *** (0,05)
β	-0,09 *** (0,01)
$\beta^*COVID-19$	0,0008 *** (0,0002)
β^*After	0,0009 *** (0,0003)
R ²	0,05

Примечание: В скобках указаны стандартные ошибки;

*** – значимость на 1%-ном уровне.

Сигма-конвергенция в период пандемии и сразу после неё становится незначимой. Разброс значений в период с 2019 по 2022 г. увеличивается, стандартное отклонение ожидаемой продолжительности жизни при рождении в этот период возрастает (рисунок 5).

Рисунок 5. Стандартное отклонение логарифма ожидаемой продолжительности жизни при рождении по годам, линейная регрессия, 2018-2022

Источник: Расчеты авторов.

Выводы и дискуссия

За последние 10 лет между городами России с населением от 100 тыс. до 1 млн человек наблюдается конвергенция в ожидаемой продолжительности жизни. Это важный результат, так как предыдущие исследования по регионам и городам России, как правило, показывали значительную неоднородность в смертности. Например, для городов-миллионников исследователи не выявляют явного сближения, но для более маленьких по численности городов уровень ожидаемой продолжительности выравнивается (Андреев,

Кваша, Харькова 2016; Щур 2018; Кваша, Ревич, Харькова 2017). Возможно, объяснение состоит в том, что города-стотысячники ближе по экономическим показателям и уровню развития инфраструктуры. В дальнейшем можно дополнить это исследование включением в анализ экономических факторов, а также административного статуса городов.

Конвергенция в ожидаемой продолжительности жизни происходит в первую очередь за счет молодых возрастов. Наиболее сильное сближение наблюдается в группе 15-35 лет, на втором месте по силе конвергенции – возрастная группа 0-15 лет. Самая слабая конвергенция выявлена в старших трудоспособных возрастах, 35-65 лет. Также города существенно различаются по ожидаемой продолжительности жизни в интервале 35-65 лет. Именно эта возрастная группа определяет тенденции в ОПЖ при рождении в последние годы. Дифференциация ожидаемой продолжительности жизни в этом возрастном интервале практически не сокращается с годами, а значит, отстающие города не заимствуют практики городов-лидеров.

Пандемия COVID-19 отрицательно повлияла на общий тренд конвергенции. Процесс сближения продолжается, но темп замедлился. Кроме того, нужно отметить неравномерное восстановление городов в 2022 г. после пандемии. Разброс значений ожидаемой продолжительности жизни снова увеличился почти до уровня начала рассматриваемого периода – 2012 г. Процесс конвергенции часто проходит неравномерно, это является следствием изменений в структуре причин смерти (Vallin, Meslé 2004). Однако выявление уязвимых групп населения, за счет которых произошел спад, помогает сгладить влияние шока с помощью целевой социальной политики. Отдельной задачей для будущих исследований является выявление категорий городов, в которых процесс восстановления проходит наименее успешно, так как это тормозит процесс конвергенции.

В данной работе остается открытым ряд вопросов о причинах наличия конвергенции и её замедления в крупных городах, а также о её драйверах. Для точных ответов необходимы исследования, включающие анализ экономических и социальных характеристик городов с населением выше 100 тыс. человек.

На смертность в детских и подростковых возрастах, как правило, влияет уровень медицины, развитость инфраструктуры для скорой помощи, а также уровень образования. К сожалению, далеко не все эти показатели представлены в муниципальной статистике. Однако именно уровень инфраструктуры и образования может объяснять тот факт, что различия в уровне смертности между регионами остаются существенными, в то время как для городов с населением выше 100 тыс. человек идет процесс конвергенции.

Для объяснения различий в скорости конвергенции в возрастных группах требуется дополнительные исследования ведущих причин смерти. Можно предположить, что в старших возрастных группах процесс конвергенции идет более медленными темпами, так как ведущие для этих возрастных групп классы причин смерти (болезни системы кровообращения, новообразования) зависят от поведения людей на протяжении всей жизни. Таким образом, при росте уровня образования и качества жизни происходит задержка, когда взрослеет и входит в возрастную группу 35-64 года или 65+ лет новое поколение. Требуется время на изменение привычек к превентивному поведению населения (ограничению вредных для здоровья практик, более здоровому питанию, регулярным обследованиям у врачей), которые становятся всё более доступными с ростом уровня медицины и уровня благосостояния.

Замедление конвергенции в процессе и после пандемии может быть вызвано повышенной нагрузкой на систему здравоохранения в крупных городах, в которых происходил догоняющий рост. Кроме того, пандемия в первую очередь сказалась на самых старших возрастах, для которых процесс конвергенции и до пандемии шел с существенными трудностями.

Литература

- Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харькова Т.Л. (2016). Смертность в Москве и других мегаполисах мира: сходства и различия. *Демографическое обозрение*, 3(3), 39-79.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1746>
- Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харькова Т.Л. (2014). Продолжительность жизни в России: восстановительный рост. *Демоскоп Weekly*, 621-622, 1-22.
- Данилова И.А. (2017). Межрегиональное неравенство в продолжительности жизни в России и его составляющие по возрасту и причинам смерти. *Социальные аспекты здоровья населения*, 57(5), 3. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2017-57-5-3>
- Зубаревич Н.В. (2007). Региональные тенденции социального развития в период экономического роста. М.: МАКС Пресс.
- Кваша Е.А., Ревич Б.А., Харькова Т.Л. (2017). Сходство и различия смертности населения в 4-х мегаполисах России. *Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени НА Семашко*, 4, 69-75.
- Кучмаева О.В., Калмыкова Н.М., Колотуша А.В. (2021). Факторы региональной дифференциации смертности в России 2019-2020 гг.: эпидемия COVID 19 и не только. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*, 13 (4(42)), 34-64. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2021-13-4-34-64>
- Мкртчян Н.В. (2012). Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых. *Демографические аспекты социально-экономического развития*, 22, 197-214.
- Мкртчян Н.В. (2019). Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики. *Журнал исследований социальной политики*, 17(1), 7-22.
<https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22>
- Попова Л.А. (2019). Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 12(6), 228-242.
<https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.13>
- Щур А.Е. (2018). Города-миллионники на карте смертности России. *Демографическое обозрение*, 5(4), 66-91. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8663>
- Щур А.Е., Тимонин С.А. (2020). Центр-периферийные различия продолжительности жизни в России: региональный анализ. *Демографическое обозрение*, 7(3), 108-133.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11638>
- Aksan A.M., Chakraborty S. (2023). Life expectancy across countries: Convergence, divergence and fluctuations. *World Development*, 168, 106263.
<https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106263>

- Bianchi F., Bianchi G., Song D. (2023). The long-term impact of the COVID-19 unemployment shock on life expectancy and mortality rates. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 146, 104581. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2022.104581>
- Bortz M., Kano M., Ramroth H., Barcellos C., Weaver S.R., Rothenberg R., Magalhães M. (2015). Disaggregating health inequalities within Rio de Janeiro, Brazil, 2002-2010, by applying an urban health inequality index. *Cadernos de saude publica*, 31, 107-119. <https://doi.org/10.1590/0102-311X00081214>
- Coleman D.A. (2002). Populations of the industrial world—a convergent demographic community? *International Journal of Population Geography*, 8(5), 319-344. <https://doi.org/10.1002/ijpg.261>
- Edwards R.D. (2011). Changes in world inequality in length of life: 1970–2000. *Population and Development Review*, 37(3), 499–528. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00432.x>
- Edwards R.D., Tuljapurkar S. (2005). Inequality in life spans and a new perspective on mortality convergence across industrialized countries. *Population and Development Review*, 31(4), 645–674. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2005.00092.x>
- Hrzic R., Vogt T., Brand H., Jansse, F. (2023). District-Level Mortality Convergence in Reunified Germany: Long-Term Trends and Contextual Determinants. *Demography*. <https://doi.org/10.1215/00703370-10422945>
- Kalabikhina I., Shatalova E., Fang L. (2020). Demographic situation in China: Convergence or divergence? *BRICS Journal of Economics*, 1(1), 81-101. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-6>
- Kashnitsky I., De Beer J., Van Wissen L. (2017). Decomposition of regional convergence in population aging across Europe. *Genus*, 73, 1-25. <https://doi.org/10.1186/s41118-017-0018-2>
- Liou L., Joe W., Kumar A., Subramanian S.V. (2020). Inequalities in life expectancy: An analysis of 201 countries, 1950–2015. *Social Science & Medicine*, 253, 112964. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.112964>
- Mackenbach J.P. (2013). Convergence and divergence of life expectancy in Europe: a centennial view. *European Journal of Epidemiology*, 28, 229-240. <https://doi.org/10.1007/s10654-012-9747-x>
- van Raalte A.A., Klüsener S., Oksuzyan A., Grigoriev P. (2020). Declining regional disparities in mortality in the context of persisting large inequalities in economic conditions: the case of Germany. *International Journal of Epidemiology*, 49(2), 486-496. <https://doi.org/10.1093/ije/dyz265>
- Sala-i-Martin X.X. (1996). The classical approach to convergence analysis. *The economic journal*, 106(437), 1019-1036. <https://doi.org/10.2307/2235375>
- Timonin S., Danilova I., Andreev E., Shkolnikov V.M. (2017). Recent mortality trend reversal in Russia: are regions following the same tempo? *European Journal of Population*, 33, 733-763. <https://doi.org/10.1007/s10680-017-9451-3>
- Vallin J., Meslé F. (2004). Convergences and divergences in mortality: a new approach of health transition. *Demographic research*, 2, 11-44. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2004.S2.2>

Приложение

Таблица П1. Описательные статистики динамики ОПЖ при рождении в крупных городах, 2012-2022

Характеристика\Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Минимум	66	65	65	67	66	67	68,0	69	67	64	66
Первый квартиль	69	69	69	70	70	71	71,0	72	70	68	70
Медиана	70	70	71	71	71	72	72,5	73	71	69	72
Третий квартиль	71	72	72	72	73	74	73,0	74	72	71	73
Максимум	74	76	75	75	77	77	76,0	77	75	75	77
Стандартное отклонение	2,19	2,07	2,06	2,06	1,97	1,95	2,02	1,90			

Таблица П2. Модели бета-конвергенции по возрастным группам, мужчины, 2012-2019

Переменная	Мужчины, все возраста	Мужчины, 0-15 лет	Мужчины, 15-35 лет	Мужчины, 35-65 лет	Мужчины, 65+
Const (α)	0,12 *** (0,02)	0,32 *** (0,015)	0,28 *** (0,013)	0,1 *** (0,016)	0,1 *** (0,022)
Начальный уровень ОПЖ (β)	-0,03 *** (0,005)	-0,12 *** (0,005)	-0,10 *** (0,004)	-0,03 *** (0,005)	-0,03 *** (0,009)
R ²	0,13	0,76	0,75	0,18	0,09

Примечание: *** – значимость на 1%-ном уровне.

Таблица П3. Модели бета-конвергенции по возрастным группам, женщины, 2012-2019

Переменная	Женщины, все возраста	Женщины, 0-15 лет	Женщины, 15-35 лет	Женщины, 35-65 лет	Женщины, 65+
Const (α)	0,17 *** (0,02)	0,32 *** (0,012)	0,27 *** (0,019)	0,09 *** (0,02)	0,11 *** (0,02)
Начальный уровень ОПЖ (β)	-0,04 *** (0,005)	-0,12 *** (0,004)	-0,09 *** (0,006)	-0,03 *** (0,006)	-0,03 *** (0,008)
R ²	0,24	0,84	0,59	0,11	0,11

Примечание: *** – значимость на 1%-ном уровне.

Таблица П4. Модели сигма-конвергенции по возрастным группам, мужчины, 2012-2019

Переменная	Мужчины, все возраста	Мужчины, 0-15 лет	Мужчины, 15-35 лет	Мужчины, 35-65 лет	Мужчины, 65+
Const	0,4 (0,37)	1,41 ** (0,43)	0,95 *** (0,07)	0,99 * (0,5)	-3,32 (2,14)
Время	-0,0002 (0,0002)	-0,0007 ** (0,0002)	-0,0005 *** (0,00003)	-0,0005 * (0,0002)	0,002 (0,001)
R ²	0,13	0,64	0,96	0,38	0,3

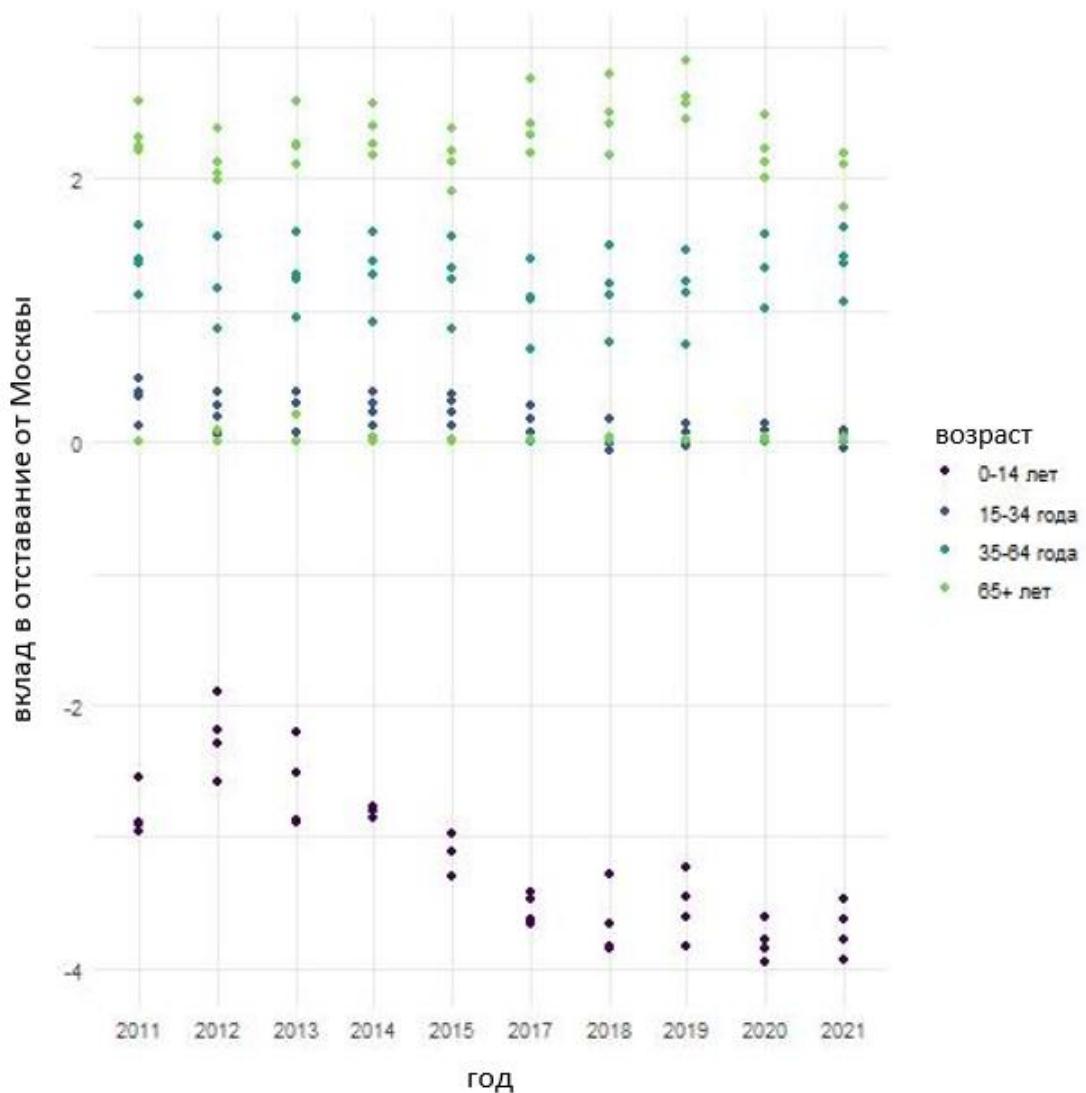
Примечание: * – значимость на 10%-ном уровне; ** – значимость на 5%-ном уровне;
*** – значимость на 1%-ном уровне.

Таблица П5. Модели сигма-конвергенции по возрастным группам, женщины, 2012-2019

Переменная	Женщины, все возрасты	Женщины, 0-15 лет	Женщины, 15-35 лет	Женщины, 35-65 лет	Женщины, 65+
Const	0,75 (0,42)	1,44 ** (0,56)	0,30 *** (0,06)	0,15 (0,19)	0,53 (1,46)
Время	-0,0004 (0,0002)	-0,0007 ** (0,0003)	-0,0001 *** (0,00003)	-0,00006 (0,0001)	-0,0002 (0,0007)
R ²	0,32	0,52	0,8	0,07	0,02

Примечание: ** – значимость на 5%-ном уровне; *** – значимость на 1%-ном уровне.

Рисунок П. Вклад возрастных групп в отставание городов от Москвы, декомпозиция ожидаемой продолжительности жизни при рождении

Источник: Расчеты авторов.

Миграция сельского населения в России в 2010-е годы

Никита Владимирович Мкртчян
(Mkrchan2002@rambler.ru), Российская
академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Россия.

Migration of the rural population in Russia in the 2010s

Nikita Mkrtchyan
(Mkrchan2002@rambler.ru), The Russian
Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (The Presidential
Academy, RANEPA), Russia.

Резюме: Внутренняя миграция сельского населения проанализирована с акцентом на ее различия в сельских пригородных и периферийных территориях в 2010-е годы, а также на особенности миграционного баланса сельских населенных пунктов разного размера. Рассмотрены возрастные особенности миграции с учетом этих различий. Расчеты выполнены с использованием индивидуальных деперсонифицированных данных мигрантов, позволяющих анализировать миграцию на детальном пространственном уровне, а также оценить влияние автоворвата на миграцию сельского населения и вскрыть его возможное искажающее влияние. Убыль сельского населения России в результате внутренней миграции в исследуемое десятилетие оценивается в 1,5-2,5 млн человек, периферийные села потеряли 2,5-3,5 млн. Сельские пригороды крупных городов и сельская глубинка принципиально различаются не только общим балансом миграции, но и ее структурными характеристиками. При том что периферийная сельская местность теряет молодое население, из малых сел часто уезжают семьи с детьми. На периферии идет переток населения из малых населенных пунктов в сравнительно крупные (т. е. он встроен в общестрановой переток населения вверх по поселенческой иерархии), но автоворват сильно занижает его масштабы.

Ключевые слова: Россия, внутренняя миграция, сельские населенные пункты, пригороды, периферия, размеры населенных пунктов, возраст мигрантов.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Для цитирования: Мкртчян Н.В. (2024). Миграция сельского населения в России в 2010-е годы. Демографическое обозрение, 11(2), 21-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>

Abstract: Internal migration of the rural population is analyzed with an emphasis on its differences in rural suburban and peripheral territories in the 2010s, as well as on the features of the migration balance of rural settlements of different sizes. The age-related characteristics of migration are considered taking into account these differences. The calculations were conducted using individual de-identified migrant data, which allows us to analyze migration at a detailed spatial level, as well as to assess the impact of auto-return on the migration of the rural population and reveal its possible distorting influence. The rural population decline of Russia, which is a result of internal migration in the decade under study, is estimated at 1.5-2.5 million people, while peripheral villages lost 2.5-3.5 million. Rural suburbs of large cities and the countryside differ fundamentally not only in the overall balance of migration, but also in its structural characteristics. While the peripheral rural areas are losing their young population, small villages are losing families with children. On the periphery, there is a flow of population from small settlements to relatively large ones (i.e., it is built into the countrywide flow of population up the settlement hierarchy), but auto-return greatly reduces its scale.

Keywords: Russia, Internal migration, rural settlements, suburbs, periphery, size of settlements, age of migrants.

Funding: The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Mkrchyan N. (2024). Migration of the rural population in Russia in the 2010s. Demographic Review, 11(2), 21-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>

Введение

На протяжении многих десятилетий сельское население России сокращалось в результате миграции. На ранних этапах урбанизации именно это обеспечивало быстрый, в отдельные годы (индустриализация, 1930-е годы) – взрывной рост городского населения страны (Рыбаковский и др. 1988; Зайончковская 1999). Одновременно эта миграция вела к изменению половозрастной структуры, сокращению численности населения, а впоследствии – к депопуляции прежде заселенных сельских территорий (Иоффе, Нефедова 2004). Однако за последние три десятилетия роль миграции в динамике численности сельского населения России менялась.

Сразу после распада СССР миграционный прирост населения России резко возрос, в отдельные годы он достигал 1 млн человек и был представлен в основном «репатриацией русских» из бывших республик в Россию. Этот миграционный приток населения в условиях трансформационного экономического кризиса подпитывал не только городское, но и сельское население, в результате чего оно за несколько лет практически компенсировало потери последнего советского десятилетия. Однако отток сельского населения в города в результате внутренней миграции если и прекращался, то на 1-2 года, после чего убыль сельского населения в результате миграции возобновилась пусть не в прежних, но в достаточно значительных объемах.

Административно-территориальные преобразования, происходившие в 1989-2021 гг., увеличили, по нашей оценке, сельское население на 2,1 млн человек. Эти преобразования включали как перевод городских поселений в сельские и наоборот, так и включение сельских населенных пунктов (СНП) в черту городов с переменой статуса проживающего в них населения с сельского на городское. Также есть и обратные случаи: выделение сел из состава городов, например, Ново-Бенойское сельское поселение выделено из г. Гудермес в 2017 г. При этом сельское население сокращается и переток населения в города играет в этом очень заметную роль.

Но сельская местность неоднородна, и эта неоднородность связана не столько с огромными размерами территории России, сколько с особенностями расселения населения, влиянием крупных городов на сельскую местность, формированием сельских пригородов и сохранением обширной сельской глубинки – периферийных территорий. Представленное исследование ставит целью проанализировать различия миграции в сельских пригородных и периферийных территориях в 2010-е годы, а также изучить возрастные особенности миграции сельского населения с их учетом. Кроме того, в работе предпринята попытка дать ответ на вопрос, как влияет размер сельских населенных пунктов, с учетом пригородного или периферийного положения, на их миграционный баланс.

Обзор ранее проведенных исследований

Вопросам неоднородности сельской местности (Алексеев, Сафонов 2017; Нефедова 2019), сложности разграничения сельского и городского населения в России (Трейвиш 2016) посвящены отдельные работы отечественных исследователей. Постепенно формируется целое направление исследований, изучающих пригороды крупных городов, в том числе сельские (Махрова 2014; Григоричев 2013; Бреславский 2020), появились работы, выполненные на крупномасштабном уровне, посвященные сельской глубинке (Ткаченко, Смирнов, Смирнова 2019; Аверкиева, Зернов 2023). Исследования формируют понимание,

что социально-экономические и демографические различия между сельскими территориями очень велики. Происходит концентрация населения и трудовых ресурсов сельской местности на наиболее пригодных для ведения сельского хозяйства территориях страны, а также в крупнейших агломерациях (Нефедова, Мкртчян 2017). В этом процессе велика роль миграции, но о масштабах ее влияния на население сельских территорий разных типов и отдельных групп сельских населенных пунктов (СНП), тем более не на локальных территориях, а в масштабах страны, существует весьма общее представление.

Структурные особенности миграции, дающие представление о различиях ситуации в крупных городах, их пригородах и глубинке, нашли отражение в изучении прежде всего миграции молодежи (Мкртчян 2013; Эндрюшко 2018). Этот процесс получает дополнительный импульс в 2010-е годы, когда вузы и их филиалы вне региональных столиц активно закрывались (Габдрахманов и др. 2022). Поэтому отъезд из сельской местности с целью продолжения образования – массовая стратегия для сельской молодежи. Это подтверждают и социологические исследования (например, в Алтайском крае в 2003-2016 гг.), согласно которым после окончания школы из больших сел уезжают учиться в города 70-75% выпускников, из малых – 90-95% (Сергиенко, Иванова 2018). Значимость получения образования как причину миграции в городах и поселках городского типа (пгт) Республики Хакасия показали результаты опроса 1000 респондентов, проведенного в 2018 г. (Тиникова 2020). Отсутствие социальных и образовательных учреждений в сельской местности – одна из основных причин отъезда молодежи (Чучкалова, Мищук, Греля 2021). Разумеется, все это происходит на фоне иных социально-экономических трансформаций.

Говоря о сельско-городской миграции, нельзя не упомянуть и о миграции горожан в село, например, в рамках «сельской джентрификации» (Аверкиева 2022), хотя миграция горожан в село может, естественно, идти и вне этого процесса. Сельская местность рассматривалась как «прибежище» в COVID-19 (Покровский, Макшанчикова, Никишин 2020) и новое место работы для удаленщиков (Никулина, Арефьева, Сарайкин 2022). Подобные люди, или потоки миграции, получившие, с легкой руки Н.Е. Покровского, название «центробежники» (Аверкиева и др. 2021), немногочисленны, их приток в сельскую местность, в глубинку не способен переломить идущий много десятилетий отток сельских жителей в города. Но он существует, и в локальных социумах благодаря социальной активности отдельных переселенцев оказывает важное влияние на сельскую местность. Однако эта миграция не является темой настоящего исследования. В данной статье также не рассматриваются вопросы дачного освоения сельской местности, и в целом «дачеизации» (Трейвиш 2014), это – предмет отдельного, углубленного исследования.

Методика и данные

В статье рассмотрена внутренняя миграция сельского населения. Для анализа были использованы индивидуальные деперсонифицированные данные о миграции в России за 2011-2020 гг., полученные в Росстате по специальному запросу. Это данные можно детализировать вплоть до отдельных населенных пунктов (НП). Для геопространственной привязки населенных пунктов использовали их географические координаты. Это давало возможность рассчитывать расстояния от каждого сельского населенного пункта до крупных городов по прямой (так называемое «евклидово расстояние»). На сравнительно малых расстояниях оно может не учитывать кривизну земной поверхности.

Расстояние от сельских населенных пунктов до крупных городов рассчитывались с целью выделения пригородных населенных пунктов крупных, с числом жителей 100 тыс. человек и более, городов. К пригородам были отнесены:

- для гг. Москва и Санкт-Петербург – все населенные пункты, удаленные от центров этих городов на расстояние до 100 км;
- для городов с населением 750 тыс. человек и более (или миллионников и «подмиллионников»; на дату Всероссийской переписи населения 2010 г. к подмиллионникам относились гг. Пермь, Красноярск, Воронеж и Саратов. К 2020 г. первые три из них преодолели миллионный рубеж) – до 50 км от центра;
- для городов с населением 500-750 и 250-500 тыс. жителей – до 30 км от центра;
- для городов с числом жителей 100-250 тыс. человек – до 20 км от центра.

Остальные населенные пункты, за пределами этих радиусов – средние и малые города, поселки городского типа, многочисленные сельские населенные пункты отнесены к периферии. В данном случае периферия – это, скорее, местность, населенные пункты, находящиеся вне зоны влияния крупных городов. Отдавая отчет в механистичности подобного способа делимитации пригородов и периферии, отметим, что пригороды, выделенные данным образом, достаточно близко совпадают с границами крупногородских агломераций (Антонов, Махрова 2019), но не искажаются административными границами муниципальных образований. Для городов с людностью менее 100 тыс. человек пригороды не выделяли. Такие города, на наш взгляд, чаще всего не могут оказать существенного влияния на миграционный баланс окружающих сельских населенных пунктов, по крайней мере, такого серьезного, как крупные города. В отдельных частях страны, например в районах Крайнего Севера, где крупных городов почти нет, их роль (административную, обслуживающую и др.) начинают выполнять средние и даже малые города (Мкртчян 2024). Но они все равно в подавляющем большинстве не имеют миграционного прироста населения и, следовательно, не могут распространить его на ближайшие к ним населенные пункты.

Предпринятое в данной статье деление территории России на крупные города и их пригороды, с одной стороны, и периферию – с другой, достаточно грубое. Такое разделение предпринято для оценки перетока населения в масштабах всей страны, выявления ключевых различий миграционного баланса сельских населенных пунктов, находящихся в сфере непосредственного влияния крупных городов и вне его. Автор отдает себе отчет в том, что в России, наряду с центрами и их пригородами и периферией, существуют «полупригороды» и «полупериферия», но обоснование их выделения и оценка миграционного баланса отнесенных к ним сельских населенных пунктов не входило в круг задач данной работы.

Используемые данные позволяют отдельно рассматривать миграцию с учетом и без учета автоворвата, об искажающем влиянии которого на миграцию в Россию уже известно из некоторых работ (Мкртчян 2020; 2023), в данном исследовании проводится оценка его влияния на миграцию сельского населения.

К сельским населенным пунктам были отнесены, помимо прочих, поселки, села и деревни, входящие в состав городских округов, в том числе федеральных городов Москвы и Санкт-Петербурга. Это – важное методическое замечание, имеющее существенное влияние на численность сельского населения и итоги его миграции. До самого последнего

времени население поселков, сел и деревень т.н. «Новой Москвы» считалось сельским, его численность по текущему учету на начало 2022 г. составляла 220,8 тыс. человек. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН-2020), фактически проведенной по состоянию на 1 октября 2021 г., оно сильно увеличилось (до 411,5 тыс. человек), но перестало быть сельским (как ни странно, Росстат не сообщал об этом достаточно масштабном изменении в муниципально-территориальном устройстве). В данной работе население поселков, сел и деревень Новомосковского и Троицкого округов г. Москвы отнесено к сельскому населению. Также, чтобы данные по двум «столицам» были сопоставимыми, население внутригородских поселков Санкт-Петербурга с суммарным числом жителей (согласно ВПН-2010) 120,6 тыс. человек отнесено к сельскому населению. Мы понимаем, что в случае Москвы это абсолютно оправданно, так как миграция сельского населения «Новой Москвы» учитывалась в рассматриваемый период как миграция сельского населения. В случае Санкт-Петербурга эта миграция учитывалась как миграция городского населения, поэтому такое отнесение завышает миграцию сельского населения в данной крупногородской агломерации и в целом в пригородах крупных городов России. Однако это принципиально не влияет на переток населения между пригородами и крупными городами.

Группировка сельского населения по размерам населенных пунктов приведена на начало исследуемого периода, т. е. на основе данных ВПН-2010. Это вносит определенные методологические ограничения в исследование: с одной стороны, отдельные СНП, особенно в пригородах, многократно увеличили численность населения и стали городами (Мурино и Кудрово Ленинградской области); с другой стороны, во многих СНП, прежде всего, на периферии, за этот период сократилось число жителей, и они к концу 2010-х годов перешли в другую «размерную» группу населенных пунктов. Кроме того, часть НП перестала существовать, а часть вновь возникла. Решения, позволяющего полностью учесть все происходящие изменения, нет, но все эти ограничения не меняют коренным образом картины анализируемых в статье миграционных процессов.

Численность сельского населения России по данным ВПН-2010 составила 37,5 млн человек, согласно ВПН-2020 – 37,1 млн. С учетом вышеописанных методических подходов, согласно нашим расчетам, численность сельского населения составила, соответственно, 38,5 млн¹ и 37,6 млн человек. Из них в пригородах крупных городов в 2010 г. проживали 9,3 млн человек, за их переделами, на периферии – 29,2 млн. В 2021 г. численность сельских жителей в пригородах увеличилась до 11,7 млн человек, на периферии сократилась до 25,9 млн.

В работе предпринята попытка минимизировать влияние административно-территориальных преобразований (АТП), или муниципально-территориальных преобразований (МТП) на состав сельского населения и число населенных пунктов. Так, достаточно многочисленные СНП в Забайкальском крае (по непонятной причине, видимо, объясняющейся какими-то местными условиями, села здесь были буквально разделены надвое и сразу после ВПН-2020 вновь «соединены») и в Республике Карелия, выделившиеся из других СНП в межпереписной период, также рассматривали вместе с «материнскими» СНП. Но все такие изменения учесть было невозможно, особенно если они касались очень мелких СНП с населением в несколько человек.

¹ С учетом Республики Крым и г. Севастополь.

Можно выделить группу населенных пунктов, не имевших по переписи 2010 г. населения, но за межпереписной период население в них появилось. Общая численность этого населения на периферии оценивается в 22,8 тыс. человек. Это могут быть немногочисленные возрожденные села или поселки; выделенные из других населенных пунктов территории, ставшие самостоятельными; вновь возникшие населенные пункты. В пригородах такие населенные пункты также есть, на дату ВПН-2020 (1 октября 2021 г.) число их жителей составило 31,1 тыс. человек, но не все они являются СНП (например, Иннополис близ Казани). Конечно, значительная часть населения этих вновь образованных или возродившихся населенных пунктов – результат миграции.

Результаты

Сельская местность в России испытывает миграционную убыль населения, которая, если и прерывается, то ненадолго, и не всегда цифры, которые показывает статистика, имеют безупречную основу. За более-менее длительный период в разных официальных статистических изданиях можно найти данные о миграционном приросте (убыли) сельского населения, различающиеся кардинальным образом. В особенности, это касается данных за 1990-е гг. Единственное, что можно сказать с определенностью – если миграционный прирост сельского населения имеет место, то он обеспечивается международной миграцией. Сильнейший вклад в разнобой оценок вносят и пересчеты от итогов переписей населения, причем они могут влиять с противоположным знаком (таблица 1).

Таблица 1. Миграционный прирост (убыль) сельского населения России в 1989-2021 гг. с учетом и без учета корректировок от итогов ВПН-2002, 2010 и 2020 (2021) гг., тыс. человек

Период	До корректировок от итогов переписей	После корректировки в 2002 и 2010 гг.	Корректировка
1989-2002	700,6	684,2	-16,4
2003-2010	-243,8	-813,8	-570,0
2011-2021	-793,1	-404,1*	389,0*

Источники: Демографические ежегодники России 2002, 2005, 2009, 2021, 2023 г.;

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2002 г. Статистический бюллетень;

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г.;

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 г.

Примечание: * – Данные без учета 2014 г., корректировка по которому не была опубликована.

В этих условиях оценивать результаты миграции сельского населения можно только за среднесрочные отрезки данных, которые являются однородными по применяемой методике сбора и обработки. В данной статье выбран период 2011-2020 гг., за который имеются данные с возможностью их точной пространственной привязки.

Миграция пригородного и периферийного сельского населения

За 2011-2020 гг. сельская местность ежегодно теряла за счет внутренней миграции 138,7 тыс. человек, однако без учета автовозврата эти потери увеличивались до 257,6 тыс. (таблица 2). Автовозврат снижал отток из периферийных сел, а пригородным, напротив, немного уменьшал прирост. Без учета автовозврата пригородные СНП ежегодно увеличивали население на 1% за счет внутренней миграции, периферийные же теряли 1,3%. Получается, сельские пригороды являются, наряду с крупными городами, наиболее

миграционно привлекательными населенными пунктами страны, тогда как сельская периферия располагается на другом полюсе – оттока.

Таблица 2. Прирост (убыль) пригородного и периферийного сельского населения России в миграции в пределах России, 2011-2020 гг., в среднем за год

	Всего		Без учета автовозврата		Автовозврат	
	тыс. человек	на 1000	тыс. человек	на 1000	тыс. человек	на 1000
Сельская местность - всего	-138,7	-3,6	-257,6	-6,8	118,8	3,1
пригородные НП	97,3	9,3	105,4	10,0	-8,1	-0,8
периферийные НП	-236,1	-8,6	-363,0	-13,2	126,9	4,6

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Как следует из более ранних исследований (Мкртчян 2023), автовозврат в первой половине 2010-х годов проявлялся менее явно, чем во второй половине десятилетия, поэтому в последние годы его влияние на баланс периферийного сельского населения наиболее велико. Расчеты показывают (таблица 3), что в начале 2010-х годов влияние автовозврата на снижение потерь периферийного сельского населения быстро нарастало, к 2016 г. автовозврат занижал миграционную убыль сельской глубинки почти наполовину, а в 2020 г. это занижение стало более чем двукратным. С учетом автовозврата миграционная убыль сельской периферии к 2020 г. сократилась относительно 2011 г. в 2,46 раза, без учета автовозврата – только на 12%, а если не брать в расчет 2020 г., то она к концу десятилетия увеличилась. Отток из всей сельской местности, включая пригороды, за исключением 2020 г., не падал ниже 200 тыс. человек год.

Таблица 3. Динамика миграционного прироста (убыли) сельского населения с учетом и без учета автовозврата, миграция в пределах России, тыс. человек

	С учетом автовозврата			Без учета автовозврата		
	сельская местность, всего	в том числе:		сельская местность, всего	в том числе:	
		пригороды	периферия		пригороды	периферия
2011	-226,8	76,1	-302,8	-227,3	76,3	-303,6
2012	-233,0	68,6	-301,5	-283,3	80,0	-363,2
2013	-242,4	67,1	-309,6	-324,3	76,8	-401,1
2014	-203,1	68,6	-271,6	-312,9	85,8	-398,8
2015	-118,7	98,1	-216,8	-268,0	106,1	-374,0
2016	-97,6	89,6	-187,2	-254,5	99,3	-353,8
2017	-98,9	109,6	-208,5	-265,5	115,2	-380,6
2018	-99,7	145,4	-245,2	-266,4	151,7	-418,0
2019	-49,2	145,4	-194,6	-214,9	150,0	-364,9
2020	-18,0	104,9	-122,9	-158,7	112,9	-271,6
Итого	-1387,5	973,3	-2360,8	-2575,7	1054,1	-3629,8

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Размер сельских населенных пунктов совсем по-разному влияет на миграционный баланс в пригородах и на периферии. Как видно из таблицы 4, наиболее интенсивный миграционный прирост в пригородах имели самые малые села, а на периферии те же села испытывали самую интенсивную миграционную убыль. Это может быть следствием того, что в пригородах, в особенности расположенных в непосредственной близости от крупных городов, территория именно малых СНП может служить удобной площадкой для нового жилищного строительства: многоэтажек, вынесенных за черту города вследствие его

разрастания за свои границы, или коттеджных поселков. На периферии же чем меньше СНП, тем с большей вероятностью проживающие в нем жители будут лишены тех или иных базовых услуг, так как в них нет или закрыты в ходе оптимизации школы (Егоров, Николаев 2022; Егоров 2022) или учреждения здравоохранения. В отличие от жителей пригородов, которые в большинстве своем совершают регулярные поездки в крупные города, для жителей периферии получить необходимые услуги в соседнем СНП зачастую проблематично. Видимо, это является важной причиной интенсивной миграционной убыли населения периферийных сел.

Таблица 4. Прирост (убыль) сельского населения России по размерам СНП, миграция в пределах России, 2011-2020 гг., в среднем за год

Численность населения, тыс. человек	С учетом автовозврата		Без автовозврата	
	тыс. человек	на 1000	тыс. человек	на 1000
Пригородные НП				
более 10	4,9	5,3	4,9	5,4
1-10	54,4	8,5	58,4	9,1
0,5-1	4,5	3,8	4,5	3,8
0,1-0,5	23,6	17,9	25,4	19,3
менее 0,1	9,9	18,9	12,2	23,1
Периферийные НП				
более 10	-3,1	-1,5	-6,7	-3,4
1-10	-71,0	-5,8	-117,1	-9,6
3-10	-22,5	-4,0	-41,1	-7,2
1-3	-48,4	-7,5	-76,0	-11,7
0,5-1	-56,8	-10,5	-86,2	-15,9
0,1-0,5	-85,8	-13,3	-125,8	-19,5
менее 0,1	-19,4	-13,1	-27,1	-18,4

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Составляющие миграционного баланса пригородных и периферийных сел различны (таблица 5). Пригородное село имеет миграционный прирост не только в миграции с периферийными территориями (как городскими, там и сельскими), но и с крупными городами, вокруг которых они формируются. Этот переток может измерять субурбанизацию в России, но лишь формально. На территории СНП, особенно граничащих с крупными городами, зачастую вырастают и заселяются многоэтажные кварталы, неотличимые от городской застройки. Села Мурино и Кудрово Ленинградской области – не единственные примеры, подобные районы можно найти вблизи многих крупных городов. В отличие от пригородных, периферийные СНП теряют население прежде всего из-за миграции в крупные города и их пригороды, а также в сравнительно крупные населенные пункты на периферии. Большие потери населения из-за перетока в крупные города и их пригороды у сельской глубинки складываются не столько потому, что ее жители стремятся переехать сразу в них, минуя малые и средние города, а по причине того, что в России уже почти 2/3 населения проживают в крупных городах и их пригородах, т. е. они имеют огромный демографический вес.

Без учета автовозврата переток из села в глубинке в крупные города еще более усиливается. Нельзя утверждать, что возвращения в сельскую местность после проживания с оформлением регистрации по месту пребывания (во время учебы в вузах и колледжах, работы в городе и утраты ее) не существует. Поэтому неверно считать, что автовозврат – полная статистическая фикция, артефакт. С другой стороны, нет никаких оснований считать,

что массовое возвращение в село после окончания временной регистрации в городах (по окончании учебы, по иным причинам) имеет место.

Таблица 5. Составляющие миграционного прироста (убыли) сельского населения с учетом его пригородного/периферийного положения, миграция в пределах России, 2011-2020 гг., тыс. человек

Группы населенных пунктов	Сельское население - всего		Пригородные НП		Периферийные НП	
	с учетом авто-возврата	без учета авто-возврата	с учетом авто-возврата	без учета авто-возврата	с учетом авто-возврата	без учета авто-возврата
Россия, всего	-1381,9	-2568,5	974,1	1054,2	-2356,1	-3622,7
Крупные города и их пригороды - всего	-1178,4	-2253,6	579,3	556,6	-1757,7	-2810,2
Москва и Санкт-Петербург	-42,5	-187,2	67,2	43,2	-109,7	-230,3
Пригороды Москвы и Санкт-Петербурга	-250,3	-386,2	-20,8	-39,9	-229,5	-346,3
Города с населением 750-1600 тыс. человек	-110,3	-330,5	190,9	188,5	-301,1	-519,0
Пригороды 750-1600	-103,6	-132,7	3,0	5,3	-106,6	-137,9
Города с населением 100-750 тыс. человек	-499,0	-1003,1	329,0	343,8	-828,0	-1347,0
Пригороды 100-750	-172,8	-213,9	10,0	15,8	-182,8	-229,7
Периферия - всего	-203,5	-314,9	394,8	497,6	-598,4	-812,5
В том числе населенные пункты с численностью населения:						
50000-100000	-102,6	-176,9	41,1	47,5	-143,7	-224,4
20000-50000	-155,1	-216,7	60,9	75,3	-215,9	-292,0
10000-20000	-125,4	-154,6	37,9	46,8	-163,4	-201,4
3000-10000	-188,1	-225,3	66,4	81,0	-254,6	-306,4
1000-3000	11,0	14,7	50,4	64,2	-39,3	-49,5
500-1000	75,0	96,7	50,2	64,5	24,8	32,2
100-500	201,5	247,3	67,2	89,2	134,3	158,1
1-100 человек	76,8	95,6	19,5	27,2	57,4	68,3
НП без населения на дату ВПН-2010	3,4	4,5	1,3	1,9	2,1	2,5

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

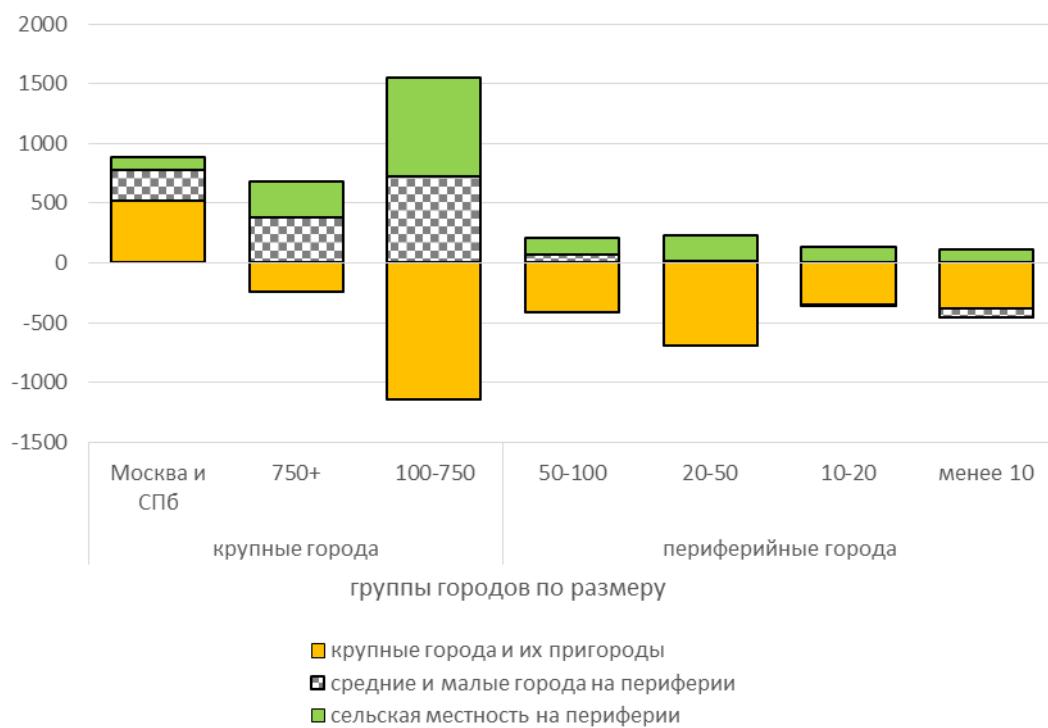
Примечание: Населенные пункты сгруппированы по численности проживающего в них населения на дату ВПН-2010.

Отток из сельской периферии

Сельская периферия – почти абсолютный миграционный донор всех городских населенных пунктов России, независимо от их размера. Для Москвы и Санкт-Петербурга роль периферийной сельской местности в миграционном приросте в 2011-2020 гг. была невелика и составляла 12,6% (рисунок 1). У городов-миллионников и «подмиллионников» роль периферийной сельской местности в миграционном балансе существенно уступала роли периферийных городских поселений. Миграционный баланс городов с населением 100-750 тыс. человек от периферийной сельской местности зависел уже немного больше, чем от притока из городских поселений на периферии. В самих же малых и средних городах и пгт приток из сельской местности – единственный источник, позволяющий лишь частично компенсировать отток в крупные города и их пригороды. Причем эта компенсация

составляет 30-37% и практически не зависит от размера городов.

Рисунок 1. Основные составляющие миграционного прироста городов разного размера, с учетом автовозврата, 2011-2020, тыс. человек

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Тем не менее крупнейшие сельские НП сохраняют свое население. Причина этого – переток населения из населенных пунктов меньшего размера. В целом сельское население глубинки перетекает в пользу СНП с числом жителей свыше 1 тыс. человек (таблица 6). В случае периферийных сельских населенных пунктов работают два правила: первое и главное – их размер, чем крупнее СНП, тем сравнительно благоприятнее в нем проживание. Например, райцентры, представленные сельскими населенными пунктами (их в России немного, но они есть), обладают полным набором социальных услуг (Егоров 2022), многими функциями обладают также села – центры сельских поселений (Ткаченко, Смирнов, Смирнова 2019).

Второе правило – исторически на базе физико-географических и природных особенностей российской территории сложилось, что крупные СНП в основном располагаются на юге страны, в регионах с более благоприятным климатом. В условиях, когда население России в результате миграции сдвигается на юг, это дает бонус СНП юга страны.

В том числе по причине «южности» самые крупные периферийные СНП с числом жителей более 10 тыс. человек отдают население средним городам, но немного прирастают за счет миграции из малых городов и пгт. За счет миграции из НП меньшего размера они компенсируют 54,5% оттока в более крупные НП. Населенные пункты размером 3-10 тыс. жителей компенсируют «снизу» 40% оттока «наверх», 1-3 тыс. жителей – 12,2%, 0,5-1 тыс. – 7,3%, 0,1-0,5 тыс. – всего 1,8%. Чем меньше размер СНП, тем меньше возможности получить хоть какую-то подпитку снизу.

Таблица 6. Составляющие миграционного прироста (убыли) периферийных СНП с разной численностью населения, с учетом автовозврата, тыс. человек

Группы населенных пунктов	Периферийные СНП, всего	В том числе НП с численностью населения, тыс. человек					
		более 10	3-10	1-3	0,5-1	0,1-0,5	менее 0,1
Всего	-2356,1	-30,9	-224,6	-482,6	-567,0	-857,1	-193,8
Москва, Санкт-Петербург и их пригороды	-339,2	-17,9	-57,5	-76,6	-64,7	-89,4	-33,0
750-1600 тыс. и их пригороды	-407,8	-17,5	-83,5	-87,0	-99,8	-108,9	-11,1
500-750 тыс. и их пригороды	-337,0	-20,3	-75,3	-78,3	-74,4	-80,3	-8,5
250-500 тыс. и их пригороды	-425,1	-11,4	-67,1	-103,6	-94,8	-127,0	-21,3
100-250 тыс. и их пригороды	-248,6	-5,3	-46,6	-61,1	-57,8	-68,5	-9,3
50-100	-143,7	-0,1	-17,5	-29,8	-35,2	-52,9	-8,3
20-50	-215,9	0,8	-19,4	-46,4	-57,1	-80,2	-13,6
10-20	-163,4	1,2	-6,6	-31,2	-44,7	-67,5	-14,6
3-10	-254,6	5,0	-0,4	-36,0	-66,1	-124,9	-32,2
1-3	-39,3	8,9	24,7	0,0	-17,2	-43,0	-12,8
0,5-1	24,8	10,8	42,4	16,0	0,0	-30,5	-13,9
0,1-0,5	134,3	12,3	67,6	39,2	30,5	0,0	-15,3
Менее 0,1 тыс. человек	57,4	2,3	14,0	11,7	13,9	15,3	0,0
НП без населения на дату ВПН-2010	2,1	0,1	0,5	0,3	0,4	0,5	0,1

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Примечание: Населенные пункты сгруппированы по численности проживающего в них населения на дату ВПН 2010 г.

Половина миграционной убыли сельской глубинки приходится на крупные города с населением свыше 100 тыс. жителей. Четверть оттока из сельской периферии приходится на периферийные малые и средние городские НП. Учитывая, что в крупных городах (без учета их пригородов) проживает более чем вдвое больше населения, чем в периферийных малых и средних, отток из сельской глубинки происходит равномерно в городские НП разных размеров.

Остальная четверть оттока населения сельской глубинки идет в пригороды крупных городов; 60% его идет в пригородные городские НП, 40% – в пригородные СНП. Это склоняет чашу весов в пользу привлекательности крупных городов для жителей сельской глубинки, так как пригороды не имеют самостоятельной миграционной аттрактивности. Уже первые исследования сельских пригородов показали, что люди селятся в них вынужденно, не имея возможности переехать в крупный город из-за высокой цены жилья (Бреславский 2014). До сих пор в пригородах Улан-Удэ существует проблема острой нехватки социальной инфраструктуры, вывоза мусора, даже доступа к чистой воде².

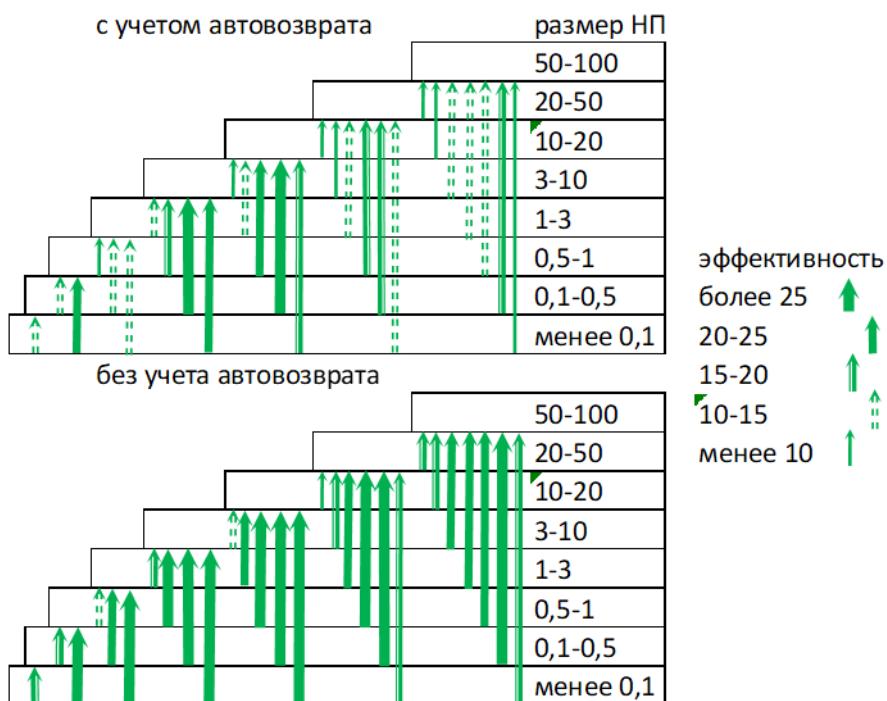
Какая-то часть горожан, переселяясь в пригороды, может видеть преимущества проживания именно в пригороде, например, экологичность окружающей среды,

² Студенческая экспедиция НИУ ВШЭ «Внутренняя миграция и урбанизация вmonoцентрическом регионе (на примере Республики Бурятия)», октябрь 2019 г. <https://foi.hse.ru/openrussia/migration-ulan-ude>

удаленность от мегаполиса, возможность иметь свой клочок земли (Карачурина 2022), но для бывших сельских жителей важно жить именно близко к городу, пользуясь его рынком труда, социальной инфраструктурой и иными удобствами.

На периферии переток населения в пользу сравнительно крупных населенных пунктов (средних и малых городов) повторяет картину общестранового перетока вверх по поселенческой иерархии (Мкртчян, Гильманов 2023). Был рассчитан показатель демографической эффективности миграции (по аналогии с расчетами в работе (Plane, Henrie, Perry 2005)) – как отношение нетто-миграции к брутто-миграции, или миграционного прироста к миграционному обороту между каждым уровнем поселенческой иерархии. Демографическая эффективность гипотетически колеблется от 0%, если потоки в обоих направлениях равны по размеру, до 100%, если бы был поток миграции только в одном направлении. Расчеты между 8 уровнями поселенческой иерархии показывают, что на периферии население перетекает строго вверх по иерархии (рисунок 2). Наверху «периферийной» иерархии располагаются средние города (с населением до 100 тыс. человек), внизу – малые СНП. Видно, что автовозврат сильно снижает эффективность перетока и только между соседними уровнями иерархии переток имеет слабую эффективность даже без его учета.

Рисунок 2. Эффективность миграции между уровнями поселенческой иерархии периферийных территорий (группы НП по числу жителей, тыс. человек), с учетом и без учета автовозврата, 2011-2020, %

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Причина слабой эффективности перетока между соседними уровнями поселенческой иерархии на периферии понятна и объясняется тем, что качественно улучшить условия жизни, переехав, например, из СНП с числом жителей 600 человек в СНП с числом жителей 1100 человек, не получится. Эффективнее сразу переехать в малый город или в райцентр, т. е. через 3-4 этажа поселенческой иерархии. Кроме того, переезды между соседними СНП, в пределах одного сельского поселения не обязательно сопровождаются

изменением регистрации. Но и переток из самых малых СНП в малые и средние города не так эффективен. Видимо, далеко не везде такие города есть, между этими НП выше разница в ценах на жилье и подобный переезд слишком затратен.

Возрастные особенности миграции сельского населения

Миграция сельского населения имеет выраженные структурные особенности, которые прежде всего выражаются в ее возрастном профиле. Село теряет молодое население и, в гораздо меньшей мере, привлекает лиц старших возрастов. Но, как уже было показано выше, пригородные и периферийные СНП кардинально отличаются по показателям миграционного прироста (убыли) населения; кроме того, на периферии крупные и мелкие села могут существенно отличаться по возрастному профилю миграции.

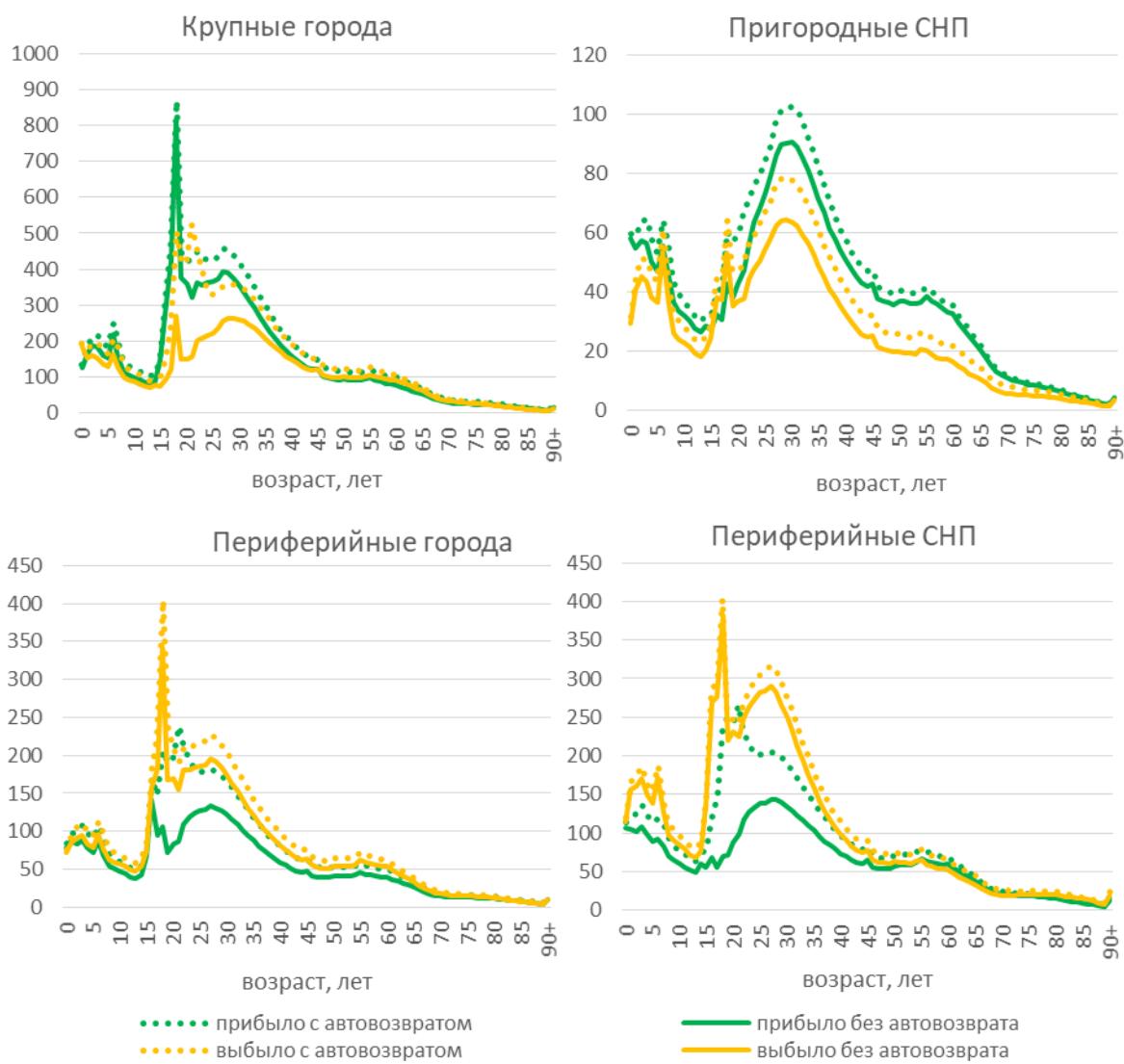
Особенности возрастной структуры прибытий и выбытий городского и сельского населения в 2011-2020 гг. представлены на рисунке 3. Данные приведены в разных шкалах и в абсолютных значениях, так как разница в численности населения между группой крупных городов и группами СНП слишком велика, а для представления возрастных коэффициентов не имелось данных для расчета знаменателя. Поэтому сразу обратим внимание, что на характер профиля оказывают влияние различия в численности населения по отдельным возрастам, прежде всего – молодого населения как наиболее активного во внутренней миграции.

Для крупных городов характерен явно выраженный пик, приходящийся на возраст 18 лет – время окончания школы и поступления в вузы. Именно в этом возрасте люди наиболее активно переселяются в связи с учебой с периферии в вузовские центры. Поэтому для периферийных городов и пгт, а также для СНП в этом возрасте характерны пики выбытий. Обратим внимание, что у периферийного сельского населения «подъем» выбытий приходится на возраст 15-16 лет – это возраст окончания основной школы и поступления в колледжи, в этих целях молодые люди часто переселяются в ближайшие города, чаще всего – райцентры и межрайонные центры. С этим связан более ранний пик прибытий в периферийные города.

Из сел (как периферийных, так и пригородных) часто уезжали в возрасте около 30 лет, о чем свидетельствуют соответствующие пики. Также виден отток семей с детьми в возрасте 3 и 6 лет – пики в этих возрастах наиболее выражены у сельского населения, прежде всего, периферийного. Устройство детей в школы и детские дошкольные учреждения в глубинке может вызвать необходимость переезда семей. Также на это влияет невысокое качество образования в сельских школах, особенно в малокомплектных (Еремин 2021).

Больше всего отличает миграцию в двух полярных группах сел превышение прибытий над выбытиями во всех возрастах в пригородах и обратная картина на периферии. А также крайне слабо выраженный пик выезда из пригородов во время окончания школы. Видимо, жители пригородов чаще всего совершают регулярные поездки на учебу в города или, если переезжают в города, то не спешат оформлять в них регистрацию.

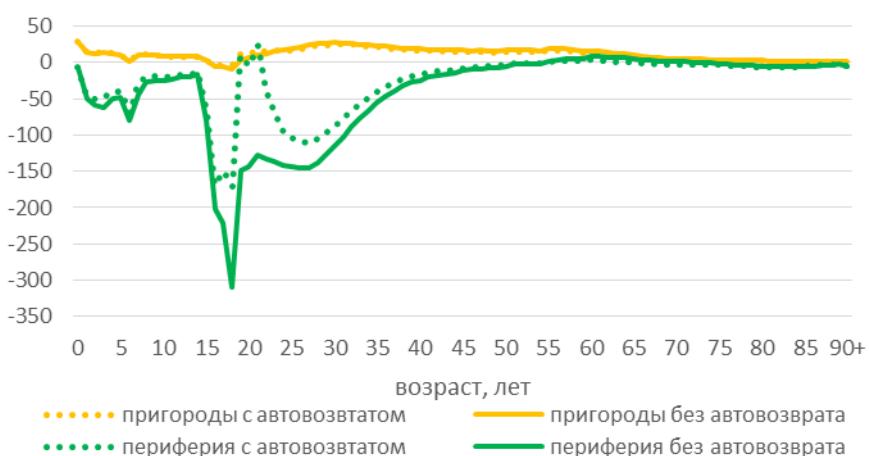
Рисунок 3. Миграция в пределах России по отдельным группам городских и сельских населенных пунктов, по 1-летним возрастным группам, 2011-2020, тыс. человек

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

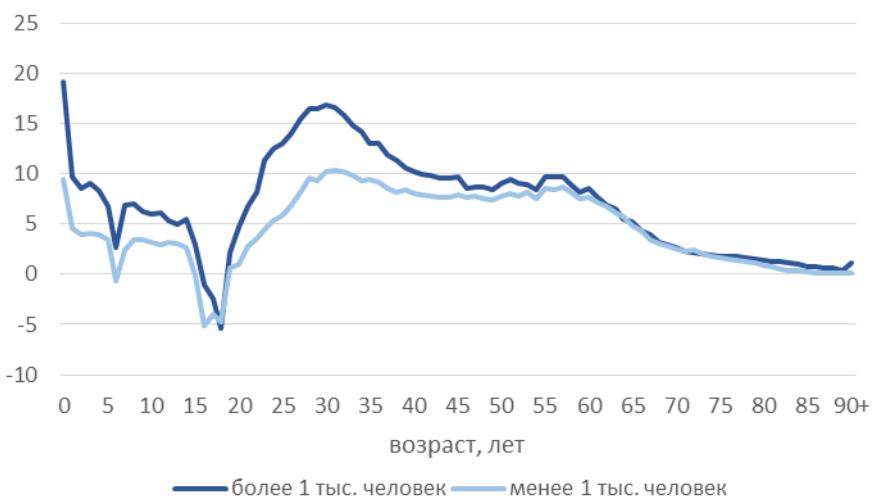
Отметим, что автозврат больше всего влияет на прибытия на периферию – как в сельскую местность, так и в города в молодых возрастах. Также он влияет на выбытия из крупных городов в молодых возрастах, что неудивительно – это одни и те же, в значительной мере, фиктивные переселения. На показатель миграционного прироста пригородных сел автозврат практически не влияет ни в каких возрастах (рисунок 4), в периферийных селах он сильно сокращает отток молодежи, причем в возрасте 19 и 21 год он даже обеспечивает миграционный прирост. Без учета автозврата сокращение численности периферийного сельского населения в возрасте 15-39 лет за 2011-2020 гг. составило 3,0 млн человек, автозврат же сократил эти потери до 1,7 млн, что тоже немало, но сглаживающий эффект нельзя не признать. Ежегодные потери 18-летних сельской периферии составляют без учета автозврата 31 тыс. человек, автозврат снижает их до 17 тыс.

Рисунок 4. Миграционный прирост (убыль) пригородных и периферийных СНП, 2011-2020, по однолетним возрастным группам, тыс. человек

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Рисунок 5. Миграционный прирост (убыль) населения пригородных СНП по однолетним возрастным группам, без учета автовозврата, 2011-2020, тыс. человек

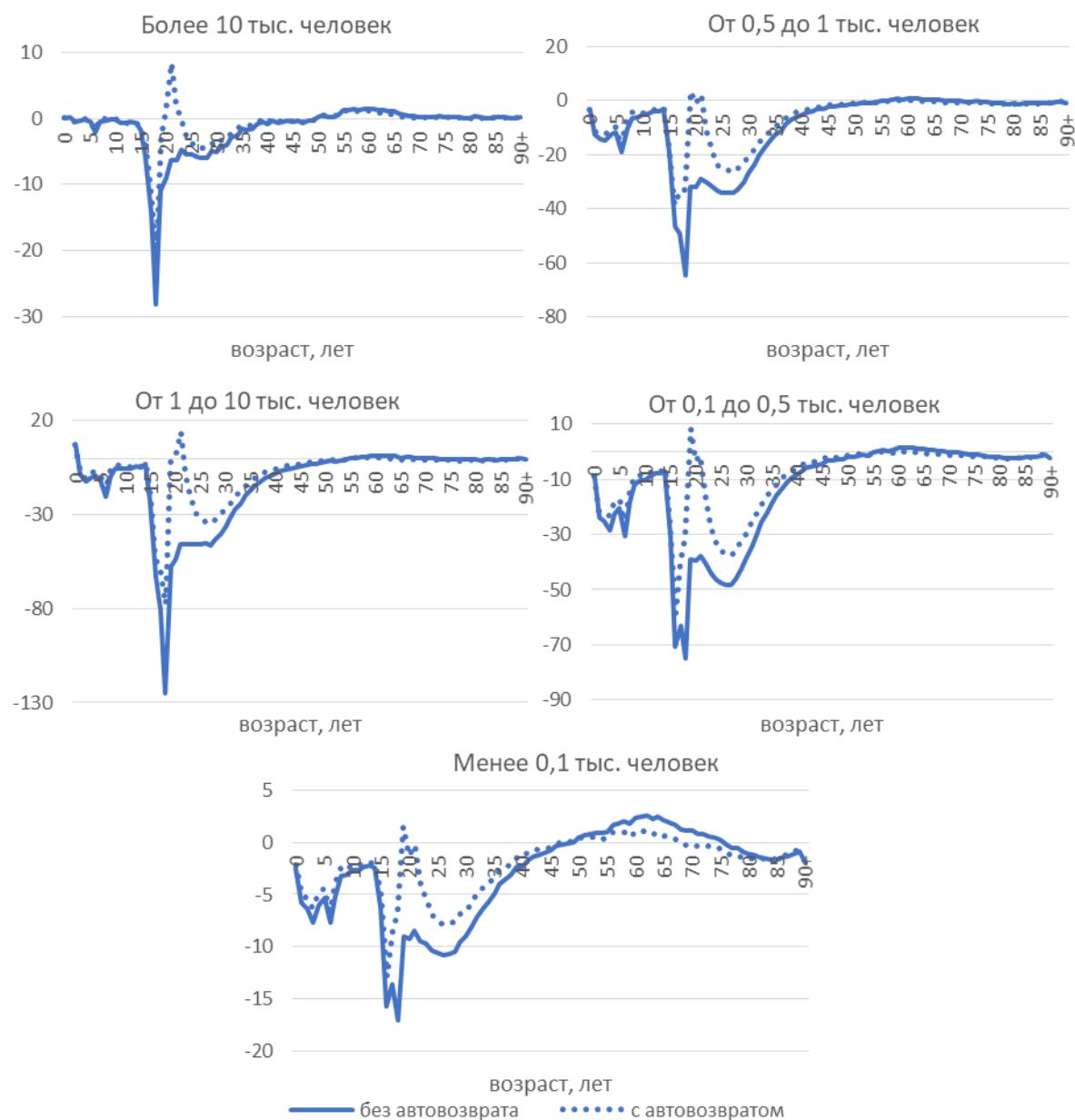
Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Расчеты миграционного прироста наиболее ярко характеризуют различия миграции в СНП разных размеров. В пригородах эти различия выражены мало, из-за сильно различающейся численности их жителей, проживающих в разных по размеру СНП, они были объединены в две группы: крупные и мелкие (рисунок 5). Возрастные профили миграционного прироста имеют очень много сходства: виден пик притока семей с детьми 0 лет, отток в возрасте 6 и 18 лет (для малых СНП – и в 16 лет, что, видимо, связано с дальними пригородами, из которых регулярные поездки в город в этом возрасте практикуются реже, проще осуществить переезд). Но в любом случае отток молодежи возраста окончания школы в пригородных СНП не сравним тем, что наблюдается на периферии. Проживание в сельской местности в глубинке настолько не привлекательно для молодежи, что исследователи отмечают трудовую миграцию из города в село, «когда

сельская молодежь остается после учебы жить в городе, но ездит на работу в село» (Сергиенко и др. 2019: 172). Подобные практики отмечаются и в других регионах России.

Периферийные СНП не менее сложны для сравнения с использованием абсолютных данных, но не будем обращать много внимания на сильную разницу шкал на рисунке 6. Даже в разном их «масштабе» видно, что в крупных СНП практически не отмечается оттока семей с детьми дошкольного возраста, но чем меньше размер села, тем этот отток становится заметнее относительно остальных возрастов. Из крупных периферийных сел практически не уезжают перед поступлением в школу, в СНП малых размеров пики оттока в 3 и 6 лет сопоставимы с пиками в возрастах 16 и 18 лет.

Рисунок 6. Миграционный прирост (убыль) населения периферийных СНП по однолетним возрастным группам, без учета автовозврата, 2011-2020, тыс. человек

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Чем меньше села по размеру, тем более выражен отток из них в возрасте 16 лет (по окончании основной школы). Подобное отмечается и в периферийных малых и мельчайших городах. После окончания средней школы отток высок из сел и периферийных городов всех размеров (и даже городов с числом жителей от 100 до 250 тыс. человек). Это связано с ограниченным распространением учреждений высшего образования на периферии и в нестоличных городах.

Без учета автовозврата периферийные села за 2011-2020 гг. потеряли 3,5 млн населения в возрасте 0-39 лет, в возрасте 40-49 лет отток был существенно, почти в 5 раз ниже, чем у тридцатилетних, в 50-69 лет отмечался небольшой приток населения в сельскую глубинку, составивший, впрочем, менее 60 тыс. человек. После 70 лет отток периферийного сельского населения возобновляется, но и близко не сопоставим с оттоком молодежи, составив всего 70 тыс. человек. При этом составляющие миграционного баланса населения разных возрастов различны для СНП разного размера (таблица 7). Если не принимать во внимание автовозврат, самые крупные села теряют поровну молодежь, отправляющуюся на учебу, и лиц в возрасте 20-29 лет. При этом потери детского населения совсем невелики. Чем мельче СНП, тем больше в общем оттоке детского и молодого населения убыль детей и меньше – молодежи, оканчивающей школу. Видимо, ввиду проблем с получением образования в малых селах семьи часто принимают решение уехать еще до поступления детей в школу.

Таблица 7. Составляющие миграционной убыли детского и молодого населения в периферийных СНП, без учета автовозврата, 2011-2020, %

Возраст, лет	Все периферийные СНП	В том числе по численности населения, тыс. человек				
		более 10	1-10	0,5-1	0,1-0,5	менее 0,1
0-6	10,1	2,3	5,8	10,8	13,5	14,7
7-15	7,9	3,4	6,0	7,8	9,6	10,8
16-19	24,8	38,8	29,2	23,6	21,0	19,8
20-29	38,9	39,2	40,9	39,4	37,3	35,4
30-39	18,3	16,3	18,1	18,3	18,6	19,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

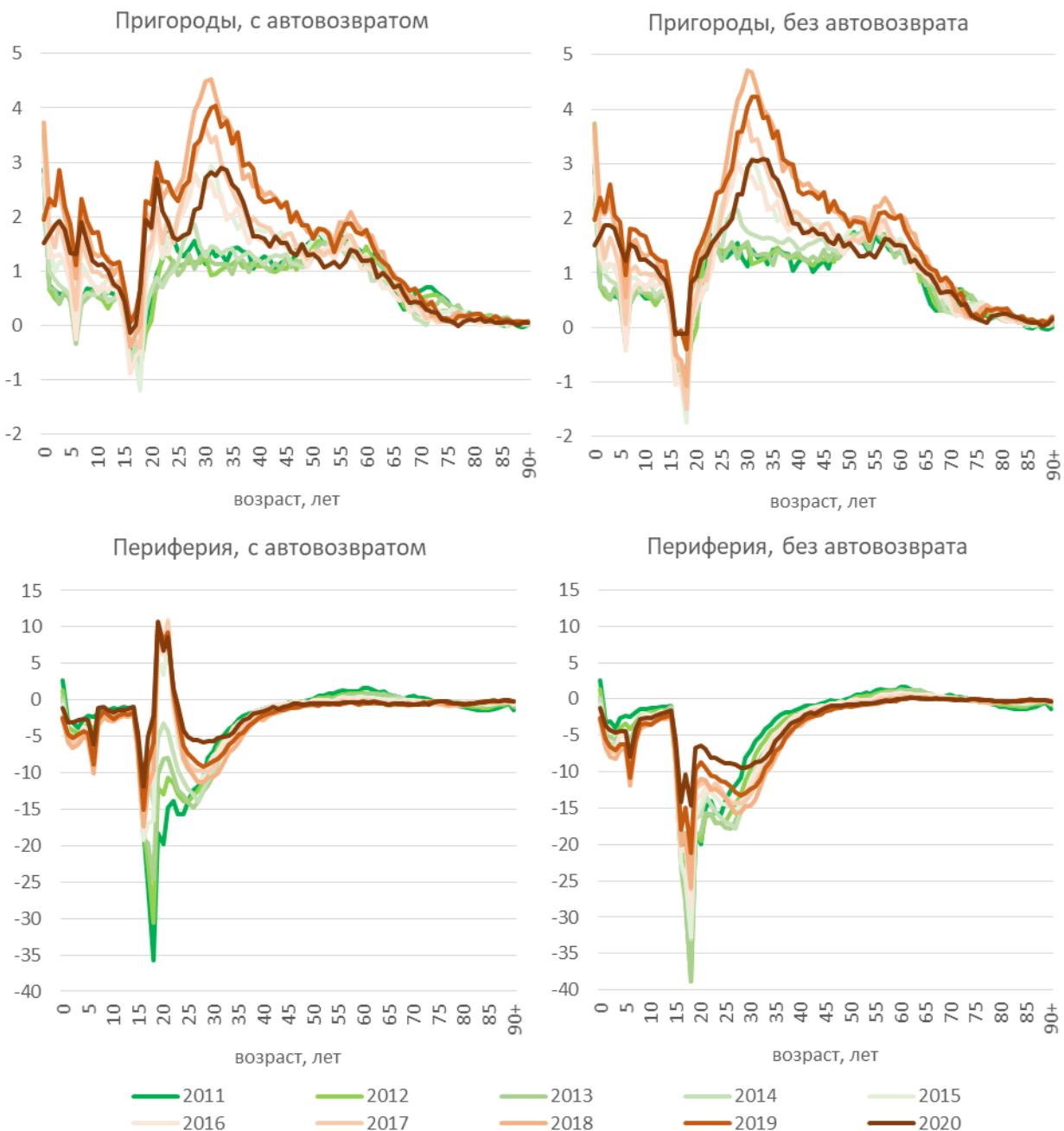
Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Отток населения прекращается к возрасту 50 лет из самых крупных и самых мелких СНП, в селах среднего размера он продолжается до возраста 55 лет. В селах среднего размера отток пожилых возобновляется в более раннем (с 66-67 лет) возрасте, в самых малых он стартует после 75 лет, но достигает относительно больших масштабов, чем в более крупных СНП. В самых крупных СНП, сопоставимых по размеру с малыми городами, оттока «старых» пожилых не наблюдается. Видимо, в «старом» пожилом возрасте, по мере нуклеаризации семей вследствие смерти одного из супругов проживание в селах с проблемами доступа к самым элементарным услугам здравоохранения становится для части пожилых критически важной, что побуждает их переезжать. Люди пожилого возраста сталкиваются в глубинке с обеднением сельского социального пространства, оказываются без доступа к услугам (Фомкина 2017), что также вынуждает их уезжать из села. Эти процессы получили распространение во многих странах (Карачурина, Иванова 2017), российский кейс в этом не уникален.

Как было показано в таблице 3, миграционный прирост сельских пригородов в 2010-е гг. нарастал, этот рост обеспечивали все возрастные группы, кроме пожилых (рисунок 7). Особенно заметно увеличение миграционного притока в пригороды семей с

детьми дошкольного и младшего школьного возраста, а также людей в возрасте 25-40 лет. Возможно, это – следствие роста привлекательности пригородов для этой категории населения, но нельзя исключать и влияния волновых изменений возрастной структуры населения, характерных для России.

Рисунок 7. Динамика миграционного прироста (убыли) сельского населения с учетом и без учета автовозврата, 1-летние возрастные группы, тыс. человек

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Изменение миграционной убыли периферийных СНП во второй половине 2010-х годов заметно по молодым возрастам, но здесь она была, видимо, в первую очередь следствием волновых процессов, чередования сравнительно малочисленных и

многочисленных поколений. Убыль детей 0-14 лет во второй половине 2010-х увеличилась, отток молодежи 15-29 лет сократился, убыль 30-39 летних увеличилась. Но очень большое влияние оказывал и автовозврат: пик миграционного прироста в возрастах 19-22 лет появился в 2015 г., сильно занижен и отток населения в более старших возрастах. В 2018-2019 гг. автовозврат 19-22-летних компенсировал 2/3 миграционной убыли 15-18-летних в тех же годах или 51% убыли в 2014-2015 гг. Понятно, что такая доля возвратившихся в сельскую глубинку после обучения в колледжах и вузах нереальна. Возвратная миграция могла в реальности иметь место, но какая доля молодежи возвратилась в сельскую глубинку после обучения – большой вопрос. Это может быть 10-15% или больше, но таких значений она не достигает.

Низкую долю желающих вернуться после обучения в городе в сельскую местность показывают и результаты социологических обследований, например, обследование молодежи Алтайского края, проведенное в 2017 г. (Сергиенко 2019). Многие из тех, кто все же возвращается, участвуют в маятниковой миграции в города или ездят на работу вахтовым методом. Это могут быть возвращаются на «подготовленное» рабочее место – дети сельских предпринимателей (Сергиенко и др. 2019) или немногочисленные закончившие обучение на целевых местах в вузах (Андреева, Каракурина 2021). Поэтому полевые исследования фиксируют расхождение реальных оценок молодого сельского населения с официальными данными (Фомкина 2017), подтверждают эти оценки и студенческие экспедиции НИУ ВШЭ³.

Выводы

Миграция в города неуклонно ведет к сокращению сельского населения России. Темпы этого сокращения не так высоки, как в советский период, но и людские ресурсы сельской местности в глубинке зачастую сократились с того времени в разы. Данные, публикуемые Росстатом, не позволяющие оценить автовозврат, существенно занижают миграционную убыль сельского населения периферии, особенно в последние годы. Занижается как общий отток сельского населения из глубинки, так и, в еще большей мере, отток молодежи. В то же время автовозврат искажает приток сельского населения в города, в том числе малые и средние на периферии. Однако этот процесс компенсируется, в свою очередь, занижением оттока населения из них в крупные города и их пригороды.

Как показали предыдущие исследования (Mkrtchyan 2019), зональность в миграции сельского населения выражена слабо. Сельская местность юга России также теряет население в результате миграции, но лишь немного меньшими темпами, чем село других частей страны. Решающую роль оказывает положение СНП по отношению к крупным городам, т. е. являются ли они пригородными или находятся вдали от крупных городов, на периферии. Приток населения в сельские пригороды крупных городов камуфлирует отток сельского населения из периферийных территорий.

Сельские пригороды привлекательны для мигрантов благодаря близости крупных городов, и чем они привлекательнее для мигрантов, тем привлекательнее их пригороды.

³ Проект студенческих экспедиций НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново» был запущен в 2017 г. (см.: <https://foi.hse.ru/openrussia/>). Экспедиции стали важной частью магистерской программы «Демография» (подробнее см.: <https://www.hse.ru/ma/demography/expeditions>).

Привлекательность пригородов мало зависит от привлекательности конкретных НП, главное – близость или удаленность от городов

На периферии способность удержать население зависит от размера СНП. Идет переток населения из малых населенных пунктов в сравнительно крупные (в полном соответствии с общестрановым перетоком населения вверх по поселенческой иерархии), но автовозврат сильно занижает его масштабы. На локальном уровне сельско-городская и сельско-сельская миграция способствует концентрации населения в крупных и крупнейших сельских населенных пунктах. Продолжается *поляризация освоенных пространств* (Нефедова, Трейвиш 2020). Идут взаимосвязанные процессы: депопуляция ведет к деградации сети СНП и базовых функций по обслуживаю населения, которые, в свою очередь, ведут к дальнейшему оттоку населения из села (Ткаченко, Смирнов, Смирнова 2019). Малые СНП теряют не только молодое население, но и семьи с детьми, причина – отсутствие в них базовой социальной инфраструктуры или низкое качество социальных услуг.

Соотношение численности селян, проживающих в сельской периферии и в сельских пригородах крупных городов, быстро меняется в пользу последних. Пригородные СНП испытывают интенсивный миграционный прирост, в то время как периферийное село не менее интенсивно убывает за счет миграции. Без учета этого миграционный баланс сельского населения подобен «средней температуре по больнице».

По нашей оценке, за счет внутренней миграции сельское население в 2010-е годы ежегодно сокращалось на 150-250 тыс. человек, сельская периферия испытывала отток в 250-350 тыс. в год и эту убыль почти полностью обеспечивает молодое население, семьи с детьми. Небольшой миграционный прирост сельской периферии обеспечивает только население предпенсионных и младших пенсионных возрастов, но и он сходит на нет вследствие оттока «старых» пожилых. В целом миграция усиливает старение сельского населения, но позволяет несколько снижать темпы старения в городах.

Литература

- Аверкиева К.В. (2022). Сельская джентрификация в российском Нечерноземье. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 6, 119-128.
<https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414-5-2022-6-119-128>
- Аверкиева К.В., Зернов Ф.В. (2023). Вологодско-Костромское пограничье: однородны ли “медвежьи углы”? *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2023 87(8), 1287-1302. <https://doi.org/10.31857/S2587556623080046>
- Аверкиева К.В., Глезер О.Б., Нефедова Т.Г., Никулин А.М., Покровский Н.Е., Пугачева М.Г., Смирнов С.Н., Трейвиш А.И. (2021). Дискуссия по докладу Т.Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России». *Крестьяноведение*, 6(1), 154-169. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-154-169>
- Алексеев А.И., Сафонов С.Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации. *Вестник Московского Университета. Серия 5. География*, 6, 55-61.

- Андреева Е.А., Карабурина Л.Б. (2021). Стратегии миграции врачей в периферийные муниципальные образования (на примере Тверской области). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 316-338.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>
- Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения надагломерационного уровня в России (2019). *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 4, 31-45. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>
- Бреславский А.С. (2020). Кто и как изучает пригороды крупных городов в современной России? *Городские исследования и практики*, 5(4), 16-34.
<https://doi.org/https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>
- Бреславский А.С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Габдрахманов Н.К., Карабурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. (2022). Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах. *Вопросы образования*, 2, 88-116. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
- Григоричев К.В. (2013). В тени большого города: социальное пространство пригорода: монография. Иркутск: Оттиск.
- Егоров Д.О. (2022). Трансформация расселения и сети школ в сельской местности республики Татарстан. *Региональные исследования*, 1(75), 42-55.
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-1-4>
- Егоров Д.О., Николаев Р.С. (2022). Основные этапы, направления и факторы реформирования школьной сети в сельской местности России. *Вестник Московского Университета. Серия 5. География*, 4, 64-78.
- Еремин С.В. (2021). Неравенство в образовании на селе. *Крестьяноведение*, 6(3), 124-134.
<https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-3-124-134>
- Зайончковская Ж.А. (1999). Внутренняя миграция в России и в СССР в ХХ веке как отражение социальной модернизации. *Мир России*, 4, 22-34.
- Иоффе Г., Нефедова Т. (2004). Фрагментация сельского пространства России. *Вестник Евразии*, 4, 69-93.
- Карабурина Л.Б. (2022). Урбанизация или субурбанизация определяет миграцию населения в Московской области? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 67(2), 360-381. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.208>
- Карабурина Л.Б., Иванова К.А. (2017). Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.). *Региональные исследования*, 3(57), 51-60.
- Махрова А.Г. (2014). Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России. *Известия РАН. Серия географическая*, 4, 49–59. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2014-4-49-59>
- Мкртчян Н.В. (2023). Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности. *Демографическое обозрение*, 10(3), 21-42.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17968>

- Мкртчян Н.В. (2024). Динамика населения Крайнего Севера и Арктики: анализ на основе данных всероссийских переписей 2010 И 2020 гг. *Проблемы прогнозирования*, 2, 98-112. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-98-112>
- Мкртчян Н.В. (2013). Миграция молодежи в региональные центры России в конце ХХ – начале XXI века. *Известия РАН. Серия географическая*, 6, 19-32
- Мкртчян Н.В. (2020). Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. *Демографическое обозрение*, 7(1), 83-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>
- Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. (2023). Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 1, 29-41. <https://doi.org/10.31857/S2587556623010132>
- Нефедова Т.Г. (2019). Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России. *Пространственная экономика*, 15(4), 36–56. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
- Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 5, 58-67
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения. *Демографическое обозрение*, 7(2), 31-53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>
- Никулина Ю.Н., Арефьева В.А., Сарайкин В.А. (2022). Альтернативная сельская занятость и её связь с возвратной миграцией горожан. *Народонаселение*, 25(1), 118-128. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.10>
- Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. (2020). Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации. *Социологические исследования*, 12, 54-64 <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1>
- Рыбаковский Л.Л., Зайончковская Ж.А., Вишневский А.Г., Тольц М.С., Синельников А.Б., Журавлева И.В., Филиппов Ф.Р., Костаков В.Г. (1988). *Население СССР за 70 лет*. М., Наука.
- Сергиенко А.М., Иванова О.А. (2018). Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и регуляторы. *Регион: экономика и социология*, 1(97), 116–141
- Сергиенко А.М. (Ред.) (2019). Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край. Коллективная монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Сергиенко А.М., Родионова Л.В., Колесникова О.Н., Иванова О.А. (2019). Практики и драйверы миграционного поведения сельской молодежи в сибирском аграрном регионе. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 47, 168-178. <https://doi.org/10.17223/1998863X/47/18>
- Тиникова Е.Е. (2020). Урбанизация в Хакасии в постсоветский период: основные векторы развития. *Городские исследования и практики*, 5(4), 87-102. <https://doi.org/10.17323/usp54202087-102>

- Ткаченко А.А., Смирнов И.П., Смирнова А.А. (2019) Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России. *Вестник Московского Университета. Серия 5. География*, 2, 78-85.
- Трейвиш А.И. (2014). «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 4, 22-32.
<https://doi.org/10.15356/0373-2444-2014-4-22-32>
- Трейвиш А.И. (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения. *Демографическое обозрение*, 3(1), 52-70.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1763>
- Фомкина А.А. (2017). Трансформация сельских систем расселения в староосвоенном Нечерноземье с конца XIX до начала XXI в. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 5, 68-75
- Чучкалов А.С., Мищук С.Н., Греля Н.К. (2021) Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области). *Крестьяноведение*, 6(4), 136-163.
<https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-4-136-163>
- Эндрюшко А.А. (2018). Масштабы и направления молодежной миграции Иркутской области (1989–2015 гг.). *Региональные исследования*, 2(60), 32-43.
- Mkrtchyan N.V. (2019). Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences. *Population and Economics*, 3(1), 39-51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>
- Plane D.A., Henrie C.J., Perry M.J. (2005). Migration up and down the urban hierarchy and across the life course. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS)*, 102(43), 15313–15318. <https://doi.org/10.1073/pnas.0507312102>

Семейная политика в странах Центральной и Восточной Европы в 2000 - 2020-х годах

Ксения Альмировна Субхангулова
(ksubkhangulova@yandex.ru), Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской Академии Наук, Россия.

Family policy in Central and Eastern European countries in the 2000 - 2020s

Ksenia Subkhangulova
(ksubkhangulova@yandex.ru),
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEМО), Russia.

Резюме: Усиление неблагоприятных демографических тенденций в Центрально-Восточной Европе порождает серьезные экономические и социальные вызовы, требуя неотложных мер от государств региона. Семейная политика считается единственным инструментом, при грамотном использовании которого возможно существенное повышение уровня жизни семей с детьми, создание условий для личностного развития их членов и в целом укрепление демографического потенциала страны. Целью данной статьи является характеристика демографических процессов, а также модели и направлений семейной политики в странах Центрально-Восточной Европы. Семейную политику анализировали с позиции концепции государства всеобщего благосостояния (welfare state) с применением инструментов статистического анализа международных баз данных. Результаты исследования показали, что в текущем веке в рассматриваемом регионе при отрицательном естественном приросте и высоком уровне эмиграции наблюдается стабилизация показателей рождаемости, а в ряде государств – их рост, хотя и не достаточный для замещения поколений. Испытывая влияние общеевропейских процессов сближения паттернов семейной политики, Центрально-Восточный регион выделяется моделью материнской заботы с минимальным участием отцов в воспитании детей. Матерям предоставляются продолжительные (более протяженные, чем в западном регионе Европы) отпуска по уходу за детьми, однако относительно небольшие размеры пособий (в сравнении с более богатыми европейскими государствами) нередко подталкивают женщин к преждевременному возобновлению трудовой деятельности. В регионе значительно расширилась сеть учреждений дошкольного образования, тем не менее женщины при выходе на работу сталкиваются с их нехваткой. Извлечение уроков из опыта стран Центральной и Восточной Европы может способствовать совершенствованию семейной политики российского государства.

Ключевые слова: Страны Центральной и Восточной Европы, семейная политика, рождаемость, эмиграция, государство благосостояния, модель помощи материнству, региональный индекс социального прогресса.

Для цитирования: Субхангулова К.А. (2024). Семейная политика в странах Центральной и Восточной Европы в 2000 - 2020-х годах. Демографическое обозрение, 11(2), 44-61.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826>

Abstract: The increasingly unfavorable demographic trends in European countries, especially in the Central-Eastern region, pose serious economic and social challenges requiring a quick response. One effective tool in this response is family policy, the proper use of which helps not only to strengthen a country's demographic potential, but also to achieve a decent living standard for families with children and provide opportunities for personal development. The purpose of the article is to describe the demographic processes, as well as the model and directions of family policy, in Central-Eastern Europe states. The research methodology was based on an analysis of family policy from the perspective of the concept of the welfare state, using tools of statistical analysis of international databases. The results showed that despite negative natural increase and high emigration, the current century has seen stabilization and even growth in fertility rates. Against the background of the convergence of European models of family policy, the Central-Eastern region stands out as a model of maternal childcare with minimal involvement of fathers. The granting of long parental leave, together with low benefits, encourages women to return to work prematurely. Along with the significant expansion of the kindergarten network in the region, women may face a shortage of preschool education institutions when they return to work from maternity leave. Implementing family policy measures in Russia which take into account the experience of Central and Eastern European states could help improve the demographic situation in the country.

Keywords: CEE countries, family policy, fertility, emigration, welfare state, maternal care model, regional social progress index.

For citation: Subkhangulova K. (2024). Family policy in Central and Eastern European countries in the 2000 - 2020s. Demographic Review, 11(2), 44-61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826>

Введение

На фоне общего ухудшения демографической ситуации на европейском континенте его Центрально-Восточный регион выделяется интенсивным нарастанием угроз депопуляции. Семейная политика с учетом сложных современных социально-экономических реалий рассматривается как перспективное направление решения обострившихся демографических проблем и институциональной адаптации обществ к демографическим вызовам.

В чем же специфика демографических вызовов в Центрально-Восточной Европе (далее – ЦВЕ), и можно ли дать на них адекватный ответ? Существует ли там единая модель социального государства? Каковы характерные черты семейной политики в регионе и ее отличия от ведущих стран Западной Европы? Каких результатов удалось добиться государствам ЦВЕ в сфере семейной политики? В предлагаемой статье предпринята попытка ответить на эти вопросы.

Данная работа основывается на типологии моделей социального государства, опирается на результаты отечественных и зарубежных исследований по вопросам демографии и семейной политики в европейских странах. Использованы статистические данные международных организаций (ООН, ОЭСР, Евростат), а также результаты расчетов автора.

Демографическая ситуация в Центрально-Восточной Европе

Регион ЦВЕ не имеет единого общепринятого определения, что сказывается в нерегламентированности состава его стран, не совпадающего у различных международных организаций, экспертов и политиков (Маркова 2009: 5-15). Отсутствие консенсуса по данному вопросу позволяет с некой степенью свободы, сообразуясь с целями исследования и с учетом контекста анализируемых процессов, формировать перечень стран, образующих Центрально-Восточный регион Европы. Автор данной работы взял за основу классификацию ОЭСР, согласно которой к ЦВЕ отнесены 12 государств: Албания, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Болгария, Румыния, Хорватия (OECD 2008: 69). При этом, ориентируясь не только на географическую близость этих стран, но и в большей мере на принадлежность их подавляющей части к общей интеграционной экономической, социальной и политической платформе, исследование было сфокусировано на 11 странах региона, присоединившихся к Европейскому Союзу (далее – ЕС), оставив за пределами рассмотрения Албанию, переговоры о вступлении которой в Союз еще продолжаются.

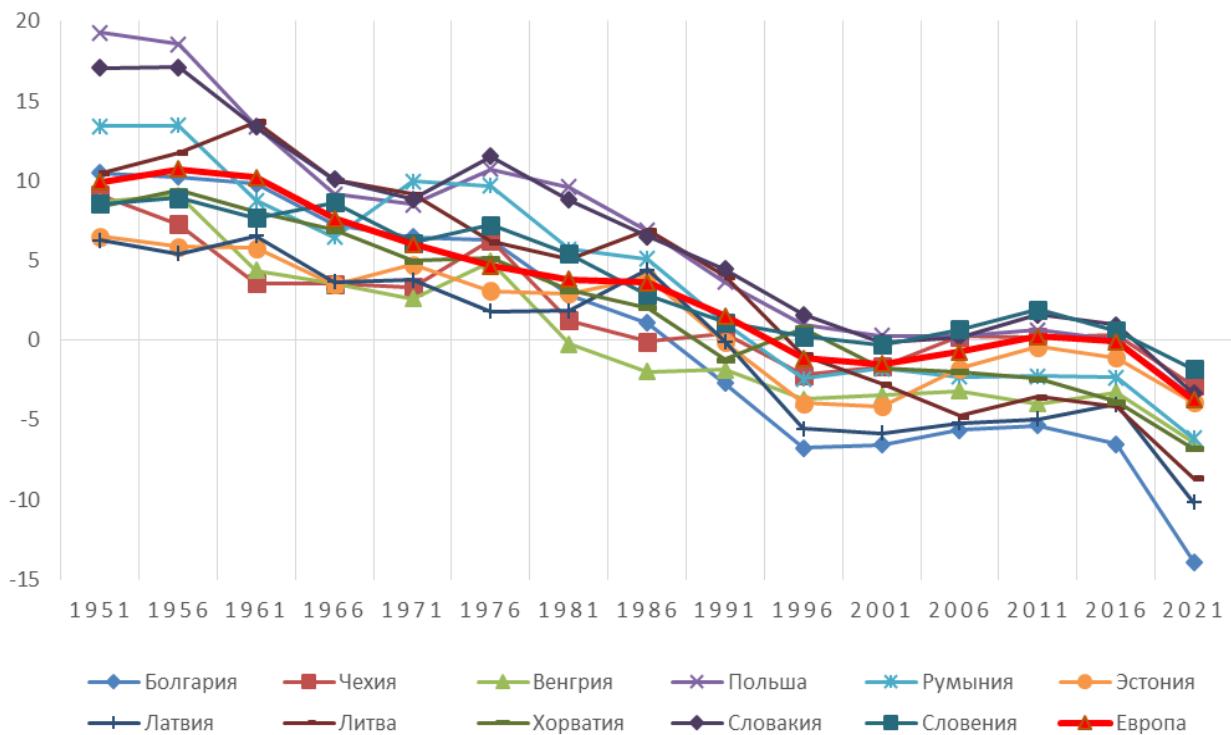
С конца 80-х – начала 90-х годов страны ЦВЕ вступили в трансформационный период, ознаменованный развертыванием рыночных реформ и преобразований, связанных с включением в ЕС¹. А именно переносом правил и стандартов ЕС на национальную почву и их имплантацией в местные национальные институты (Куликова 2017: 32-48). Гармонизация социальной и составляющей ее семейной политики присоединившихся к союзу стран с коммунитарной (ЕС) происходила в мягких формах. Меры ЕС в этой области носят рекомендательный характер и не содержат директив и распоряжений в отличие от макроэкономической политики (Куликова 2019: 14-37). Одним из главных регулирующих

¹ В ЕС вступили в 2004 г. Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения; в 2007 г. – Румыния, Болгария; в 2013 г. – Хорватия.

инструментов ЕС в сфере семейной политики является свод правил, касающихся социальных прав «The European Pillar of Social Rights». В частности, предусматривается равный доступ к образованию, стратегия по установлению гендерного равенства на рынке труда, право детей на дошкольное и школьное образование и медицину, защиту от бедности детей и др.

Как и во всем европейском регионе, в большинстве стран ЦВЕ начиная с 90-х годов фиксировалась естественная убыль населения. Коэффициент естественного прироста еще в начале 80-х годов пробил нулевую отметку в Венгрии, а к середине 90-х – во всех странах, исключая Польшу. К 2018 г. этот показатель стал отрицательным и в Польше (рисунок 1). Убыль населения в большинстве стран региона (Болгария, Венгрия, Румыния, Латвия, Литва, Хорватия) уже достигла серьезных масштабов и превышает общеевропейский уровень в 2-3,7 раза.

Рисунок 1. Коэффициент естественного прироста в 11 странах Центрально-Восточной Европы и в Европе в среднем, на 1000 чел. населения

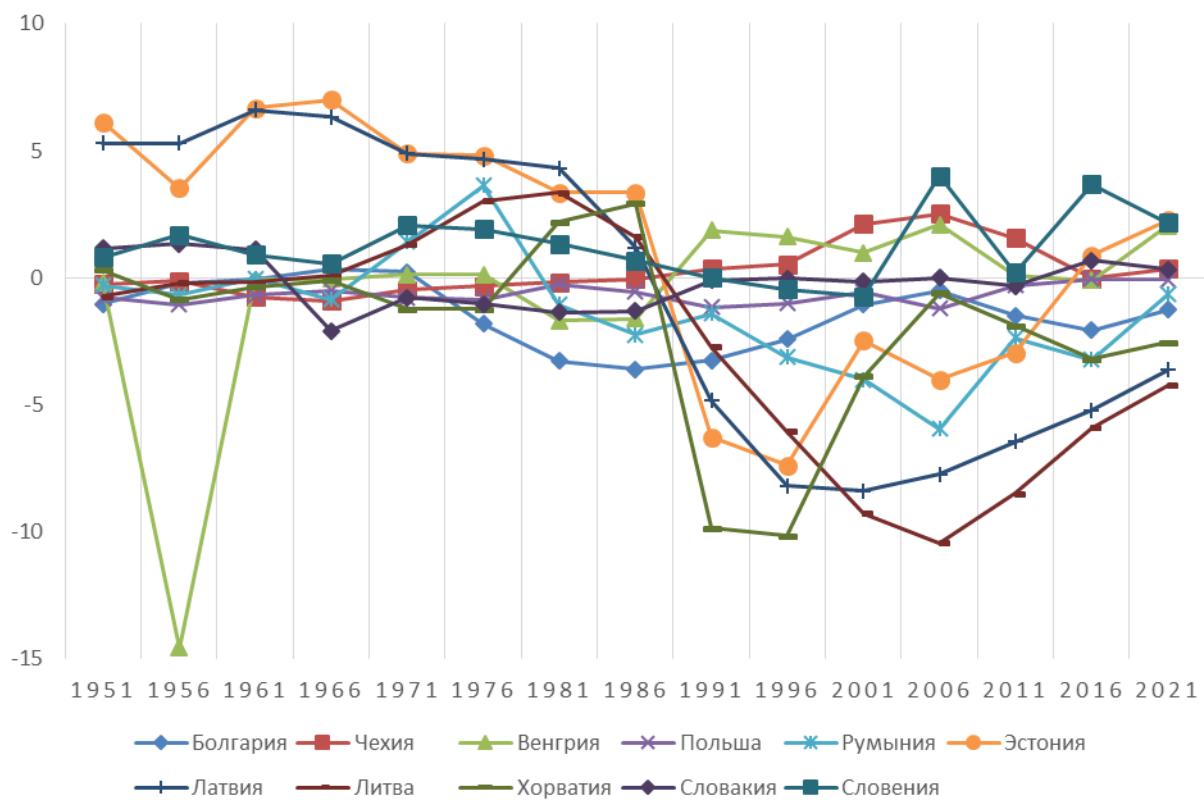
Источник: (UN Department... 2024).

Сокращение населения происходит не только за счет отрицательного естественного прироста, но и за счет эмиграции. Особенно высоки коэффициенты миграционного оттока в Литве (-4,25 на 1000 населения в 2021 г.), Латвии (-3,63), значителен он и в Болгарии (-1,27) (UN Department... 2024).

Высокий миграционный отток в большей степени проявлялся в период с середины 1980-х до середины десятих годов нового века, кроме Латвии, Литвы, также в Румынии, Хорватии, Эстонии. Это было обусловлено появлением возможности свободного перемещения между странами ЕС и поиском трудовыми мигрантами лучших возможностей для реализации своего потенциала в более богатых европейских странах

(рисунок 2). Эмиграция населения ЦВЕ на запад до вступления в ЕС чаще характеризовалась краткосрочностью. После присоединения к Союзу получение права свободного перемещения способствовало продлению сроков пребывания мигрантов из этого региона в других европейских государствах, переездам в сопровождении семей и воссоединению с проживавшими там родственниками (Тенги 2004).

Рисунок 2. Коеффициент миграционного прироста (на 1000 чел. населения) в 11 странах Центрально-Восточной Европы

Источник: (UN Department... 2024).

В то же время в ЦВЕ вливаются потоки иностранного населения. Однако в отличие от западного крыла ЕС, характеризуемого массовой иммиграцией, лишь в небольшой группе стран ЦВЕ: в Чехии, Эстонии, Словакии, Словении и Венгрии в первое двадцатилетие показатель миграционного прироста был положительным (за небольшим исключением), демонстрируя при этом скачкообразную динамику. С момента начала специальной военной операции (далее – СВО) на Украине изменился характер миграции украинского населения в Польшу. Вплоть до 2021 г. основными переселенцами были мужчины, прибывшие по экономическим соображениям, с начала 2022 г. – женщины и дети, ищающие убежища. В конце 2023 г. в Польше было зарегистрировано 1,7 млн беженцев из Украины, из них 63,7% – женщины, 36,3% – мужчины, чуть более половины из общего числа людей (56%) – в трудоспособном возрасте (UNHCR 2024: 11-16). Вынужденным мигрантам оказывалась системная социальная поддержка, включая принятие соответствующих правовых актов, выделение государственных финансовых средств, а также привлечение помощи со стороны местного населения² и общественных организаций. В то же время

² Польское население оказывало помощь в предоставлении временного жилья украинским беженцам.

длительное нахождение в Польше столь крупного контингента беженцев легло ощутимым бременем на национальную казну и социальную инфраструктуру, испытывавшие и без того определенные ограничения, и стало вызывать недовольство местного населения (Михалев 2022: 49-61).

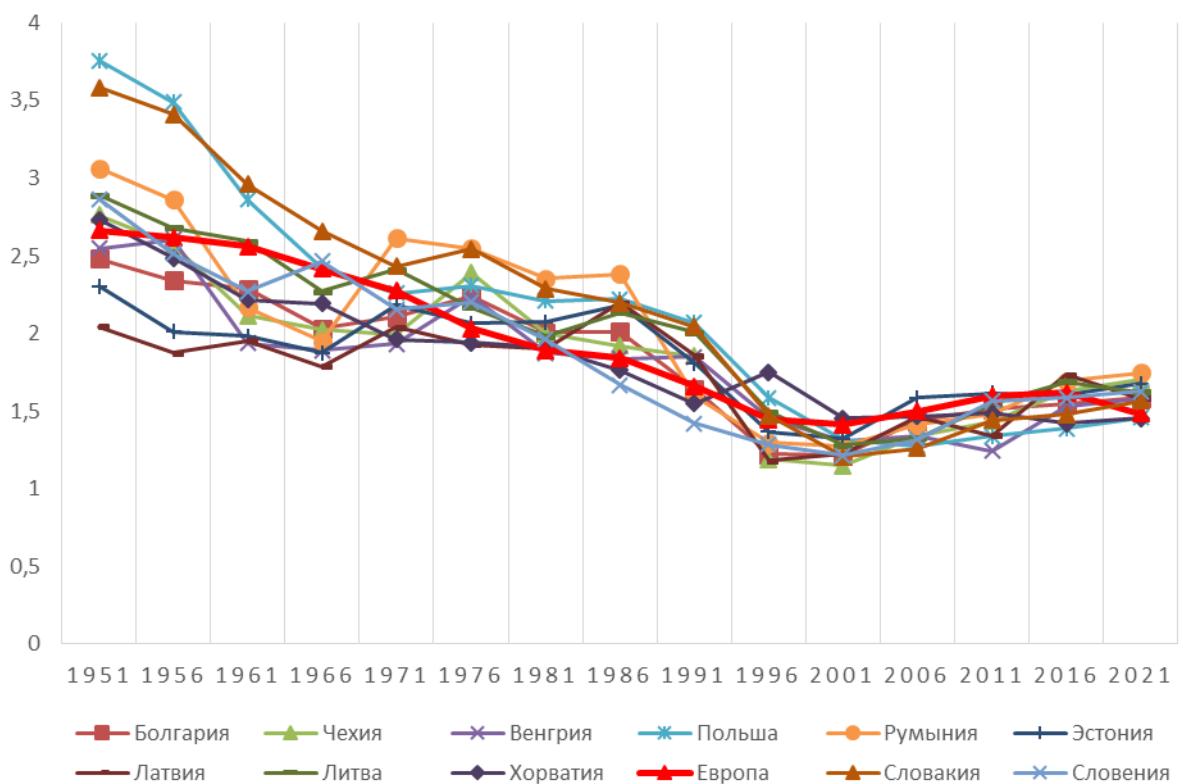
Членство в ЕС побудило правительства стран ЦВЕ расширить систему социального обеспечения для жителей ЕС и с рядом ограничений – для иностранцев из других стран. Граждане третьих стран (не входящих в состав ЕС), находящиеся в государствах ЦВЕ, обеспечиваются минимальными гарантиями социального обеспечения, предоставление семьям таких мигрантов полного пакета социальных услуг требует соблюдения дополнительных требований. Так, в Польше для получения социальных льгот проживающими там иностранцами необходимо наличие вида на жительство (Chlon-Dominczak 2020: 327-344). В Словении и Болгарии доступ к социальным выплатам предоставляется всем семьям застрахованных трудоустроенных граждан ЕС и иностранцев (Strban, Misic 2020: 391-403; Vankova, Draganov 2020: 65-80). Чешская система социальной защиты открыта для граждан третьих государств, но предполагает длительное проживание в стране (Koldinska 2020: 109-121). Такая же практика в отношении большинства социальных льгот существует и в Болгарии. Однако в этой стране по-прежнему высока доля граждан, живущих под угрозой бедности или социальной дезинтеграции, а социальные выплаты оказывают слабое влияние на сокращение бедности (European Commission 2019: 8-15). Румынское социальное обеспечение доступно всем жителям, независимо от их гражданства, формально обеспечивая равные основания для получения социальных благ. Однако на практике лишь относительно небольшое количество социальных льгот распространяется на мигрантов. Более того, румынская система социальной защиты, несмотря на ее регулярные реформы, оказала относительно небольшое влияние на снижение риска бедности и неравенства доходов в стране (Burlacu, Soare, Vintila 2020: 361-377). Уязвимость иностранцев в ЦВЕ усугубляется в целом высокими рисками бедности в регионе, распространяющимися и на семьи граждан государств ЦВЕ³.

На фоне старения европейского населения репродуктивное поведение приезжающих иностранцев – существенный фактор демографической динамики, особенно в западноевропейских странах с большим числом мигрантов, отличающихся более высокой рождаемостью (Sobotka 2008; Wilson et al. 2013). В то же время в странах ЦВЕ доля мигрантов остается скромной по отношению к общей численности населения. Кроме того, в исследовании ОЭСР «Перспективы международной миграции» (OECD 2023), отмечается, что рождаемость у мигрантов в настоящее время ниже уровня воспроизводства населения (менее 2 детей на семью) в большинстве европейских государств и с течением времени демонстрирует конвергенцию с ее динамикой у местных жителей.

³ Для граждан государств рассматриваемого региона риск бедности с учетом социальных выплат наиболее высок в странах Балтии, Румынии, Болгарии и Хорватии и составляет 18-22,9%. В других странах ЦВЕ данный показатель ниже в 1,5-2 раза, как и во всей Западной Европе (People at risk of poverty after social transfer. Retrieved from <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TIPSLC20/default/table> (data downloaded on 28.03.2024)). Уровень риска бедности детей родителей-граждан страны, по данным 2022 г., в ряде стран чрезвычайно высок: в Румынии – 27%, в Словакии – 21,9%, в Болгарии – 25,6%, превышая аналогичные показатели региона в 1,5-3 раза (At-risk-of poverty rate for children by citizenship of their parents (population aged 0 to 17 years). Retrieved from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_li33/default/table?lang=en&category=livcon.ilc.ilc_ip.ilc_li (data downloaded on 28.03.2024)).

Как и в других регионах, Европы коэффициент суммарной рождаемости в странах ЦВЕ до начала 90-х годов превышал минимальный порог, необходимый для воспроизводства населения. К примеру, в Польше, Румынии, Эстонии, Латвии, Литве в 1986 г. значение показателя составляло более 2,1, а с начала 90-х годов и до настоящего времени сократилось до 1,75 (в Румынии) и ниже (самые низкие значения в Польше и Хорватии – 1,45) (UN Department... 2024) (рисунок 3). В то же время показатели рождаемости стабилизировались после спада, и в большинстве стран ЦВЕ коэффициент суммарной рождаемости незначительно, но повысился (кроме Литвы и Латвии).

Рисунок 3. Коэффициент суммарной рождаемости⁴ в 11 странах Центрально-Восточной Европы и в целом по Европе

Источник: (UN Department... 2024).

В итоге демографическая ситуация, с одной стороны, в рассматриваемом регионе является крайне неблагополучной в силу существенной убыли населения и высокого уровня эмиграции. Высокие риски бедности населения в ряде стран ЦВЕ, ограничения в получении социальных пособий гражданами государств, не входящих в ЕС, неприязненное отношение к иностранцам снижают привлекательность региона для международных трудовых мигрантов и их семей. С другой стороны, стабильные в последние 20 лет и даже растущие, хоть и незначительно, показатели рождаемости, формирующиеся под воздействием комплекса факторов, вероятно могут косвенно отражать результаты и достаточно успешного экономического развития в последние десятилетия, и мер семейной

⁴ Коэффициент суммарной рождаемости определяется средним числом детей, которых родила бы одна женщина в течение всего репродуктивного периода (от 15 до 49 лет включительно) при неизменных показателях рождаемости того года, для которого вычисляется коэффициент.

политики, направленных на поддержание потенциала воспроизводства населения в регионе.

Преобразование модели семейной политики

Основными задачами семейной политики ЦВЕ, как и в других европейских странах, являются сокращение разрыва между обеспечивающей замещение поколений⁵ и фактической рождаемостью, создание благоприятных условий для повышения уровня женской занятости, а также обеспечение достойных условий для жизни семьи, воспитания детей и личностного развития (Ambrosetti 2022: 313-335).

Концепции государства благосостояния в странах ЦВЕ часто рассматриваются в едином ключе, как если бы они были едины для всего региона. По мнению британского ученого Б. Дикона, на переходном этапе Болгария, Польша, Румыния (а также Россия) сформировали особый тип «постсоциалистического консервативно-корпоративистского государства» (Deacon 1992). Другие исследователи предположили, что страны ЦВЕ ушли в традиционализм и проводят политику поддержки модели семьи с «мужчиной-кормильцем» и женщиной, реализующей функции матери и домохозяйки (Hantrais 2004: 37-104). Об общности типа социальной политики государств ЦВЕ позволяют судить основные черты и тенденции в их регулировании этой сферы, а именно:

- свертывание государственного сектора и ремаркетизация услуг по обеспечению ухода за детьми;
- децентрализация управления;
- урезание социальных гарантий до уровня, обеспечивающего лишь защиту граждан от негативных социальных эффектов функционирования рыночной экономики (как в либеральной модели);
- развитие с 50-х годов модели семьи с двумя работниками (Crespi, Ruspini 2016: 49-62).

Другая точка зрения заключается в том, что социальную политику в странах ЦВЕ следует рассматривать как отдельные типы режимов, представляющие собой контрастные траектории развития. В основе аргументации лежат различия в семейной политике этих государств. На примере типологии социальной политики Г. Эспинга-Андерсена⁶ ученые отмечают наиболее близкие модели для ряда стран: для Венгрии – либеральную, ориентированную на свободные рынки, для Польши – консервативно-корпоративистскую, ввиду опоры на церковь и семью, для Чехии – социал-демократическую с равными правами для всего населения, длительно проживающего на территории страны, и низким уровнем безработицы (Pascall 2005: 1-99). Нынешний режим социального обеспечения в Эстонии классифицируется как либеральный тип ввиду минимального обеспечения жителей государственными социальными гарантиями и преимущественно рыночным их

⁵ Уровень рождаемости, необходимый для поддержания численности населения, равный 2,1 деторождений на 1 женщину.

⁶ Esping-Andersen G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton University Press. Согласно типологии моделей социальной политики, ученый выделил 3 основные: неолиберальная модель, которой свойственны предоставление социальных гарантий наиболее уязвимым группам населения и в большей степени их рыночное распределение; скандинавская – щедрая и универсальная система оказания государственных социальных услуг; консервативно-корпоративистская, основывающаяся на социальном страховании и субсидиарном участии государства.

распределением. Однако ситуация в Эстонии значительно варьируется в разных сферах социальной защиты. Например, жилищная политика практически отсутствует, а семейная – достаточно щедрая (в том числе по сравнению с другими странами Балтии) (Ainsaar, Roots 2020: 137-148).

Сокращение государственных расходов и перестройка социальной политики в странах ЦВЕ в начале переходного периода происходили в условиях падения ВВП и растущей безработицы. Так, в начале 90-х годов ВВП на душу населения Польши и Болгарии был примерно в 3 раза ниже, чем в Швеции и Германии (UNESCO... 2024). Тогда это существенно осложняло реализацию идей государства о благосостоянии в регионе. На современном этапе проблема более низкого уровня экономического развития (рассматриваемого с точки зрения обеспеченности материальной базы социальной политики) сохраняется лишь для ряда стран ЦВЕ, а по показателю безработицы (как одному из индикаторов потребностей в социальных трансферах) они и вовсе не выделяются на общеевропейском фоне (3-7%) (Eurostat 2024a)⁷.

Одной из особенностей семейной политики стран ЦВЕ является то, что объектом демографической политики является не семья, а женщина. Возможное объяснение заключается в том, что матери по-прежнему несут основную ответственность за детей, а политика, направленная на обеспечение возможности сочетания родительских обязанностей и занятости, имеет для матерей наибольшую ценность. Было выявлено, что семейная политика в целом в Европе благоприятно сказывается на психическом состоянии женщин с детьми. Для мужчин данная связь не подтвердилась (Nordenmark 2021: 45–57).

Гендерный разрыв в оплате труда в регионе сохраняется, хотя и снизился с начала 1990-х годов. Если еще в 2018 г. в Болгарии и Румынии сложилась наиболее благоприятная ситуация – гендерный разрыв в оплате труда⁸ там являлся одним из наименьших среди всех стран ЕС (3 и 3,5 % соответственно, сопоставимый показатель в Бельгии – 3,4%), то к 2022 г. ситуация изменилась в худшую сторону, показатели выросли, составив 8,8 и 13,6% соответственно (OECD Data Explorer 2024). При этом и зарплата в обоих государствах одна из самых низких в ЕС (по последним имеющимся данным за 2018 г., среднемесячный заработка составил 608 евро в Болгарии и 951 евро в Румынии, и если оплата труда в Румынии в целом сопоставима с другими странами ЦВЕ, то по сравнению с Болгарией в других странах ЦВЕ значения выше в 1,5 раза и более и в то же число раз меньше, чем в западных европейских странах) (Eurostat 2024b). В Словении гендерный разрыв в оплате труда в 2022 г. составил 8,3%, но и средняя (годовая) заработка плата в стране наивысшая в ЦВЕ и больше, чем в вышеуказанных странах в 2-2,8 раза. В Венгрии и Польше в 1992 г. соответствующий показатель составлял около 17 %, к 2022 г. более заметно снизился в Польше (до 10,2%) и менее – в Венгрии (до 12,7%). Наименьший разрыв в заработках по данным 2022 г. в Хорватии (3,2%), и, пожалуй, один из самых наименьших в ЕС. Тем не менее, несмотря на значимые достижения в снижении гендерного неравенства на рынке труда, данный вопрос остается достаточно острым и актуальным не только для стран ЦВЕ, но и большинства государств Западной Европы, включая Францию и Германию.

⁷ В России прослеживались схожие тенденции: уровень безработицы начал расти после раз渲ала СССР, а уровень ВВП на душу населения – снижаться до середины 90-х годов прошлого века.

⁸ В данном случае гендерный разрыв в оплате труда рассчитывался, исходя из ежемесячной оплаты труда.

Уровень безработицы женщин достигает максимальной отметки ЦВЕ в Хорватии, составляя в 2023 г. около 7%, и превышает аналогичный индикатор у мужчин на 1,7 п.п. В Словении и Словакии гендерные различия подобного типа незначительны (0,5 п.п.). В Польше уровень безработицы уже одинаков для обоих полов. А в Латвии, Литве, Венгрии и Румынии доля не имеющих работы среди женщин ниже аналогичного показателя среди мужчин на 0,2-2,5 п.п. (Eurostat 2024c). Это позволяет предположить, что модель с двумя работниками сохранилась и успешно функционирует в странах ЦВЕ, при этом занятость мужчин и женщин более равнозначна, чем, например, в южных странах ЕС (в Италии уровень безработицы выше среди женщин на 2,3 п.п., в Испании – 3,5 п.п.).

Таким образом, в странах ЦВЕ в различной степени проявляются черты основных моделей социального государства. В то же время действующие системы социального обеспечения в регионе имеют схожие параметры с западноевропейскими аналогами, отражая действие общего европейского законодательства и конвергенцию паттернов социальной политики на территории Союза.

Основные направления семейной политики

Главные положения законодательства о семейной политике в странах ЦВЕ касаются отпусков по уходу за детьми, предоставления семейных пособий и услуг детских садов.

Одним из важнейших направлений семейной политики Центрально-Восточного региона Европы является осуществление программ отпусков по уходу за детьми. По данным 2022 г. оплачиваемый государством отпуск по уходу за детьми имеет наибольшую длительность в Венгрии и Словакии (161-164 недели в среднем). В Польше (около 54 недель) – самый короткий среди сравниваемых стран, в Чехии – сопоставимый по продолжительности со Швецией и Францией, известными довольно щедрой семейной политикой (таблица 1). В среднем отпуск по уходу за детьми в странах ЦВЕ в действительности более протяженный, чем в странах западного региона Европы. В то же время, как следует из данных об отпуске по уходу за детьми для отцов, роль материнства высока, а политика в отношении отцовства далеко не во всех странах стала популярной. Исключение составляет Словакия, где обоим родителям предоставляется долгий индивидуальный и совместный отпуск по уходу за детьми, однако, с низкой оплатой для матерей, что приводит к их вынужденному преждевременному возвращению на работу. В Эстонии безработные отцы имеют право на дополнительное родительское пособие в течение 30 дней. В отличие от других государств региона, в Словении перечень категорий получателей отпуска и пособий по беременности и родам расширено: на них могут рассчитывать незарегистрированные и однополые пары.

Более продолжительный отпуск, с одной стороны, позволяет родителям больше времени уделять уходу за ребенком, а с другой – увеличивает риск постепенной деквалификации и обесценивания накопленного профессионального опыта. Обострение конкуренции на рынках, отсутствие гарантий занятости и страх потерять прежнюю позицию на работе делают положение женщин с детьми более уязвимыми.

Другим важнейшим направлением семейной политики является предоставление детских пособий, регулируемое национальным законодательством. По доле государственных расходов на нужды семейной политики в ВВП Эстония, Венгрия и Польша, имеющие их самые высокие показатели в ЦВЕ, сопоставимы с Францией и Швецией, отличающимися щедрой социальной политикой (таблица 2). Тем не менее, учитывая

экономическое положение стран рассматриваемого региона, получаемые пособия сравнительно ниже в абсолютном выражении, чем в развитых европейских странах.

Таблица 1. Оплачиваемый государством отпуск по уходу за детьми в некоторых странах ЦВЕ, Северной и Западной Европы, апрель 2022 г.

	Отпуск, предоставляемый матерям		Отпуск, предоставляемый отцам		Совместный отпуск
	количество недель	средняя ставка, % заработной платы	количество недель	средняя ставка, % заработной платы	
Венгрия	24	50	1	100	136
Словакия	34	41	28	75	102
Словения	19	100	4	100	33
Эстония	14	100	4	100	68
Латвия	16	52	1	80	78
Литва	18	78	4	78	44
Чехия	28	78	2	64	41
Польша	20	80	2	100	32
Франция	42	43	31	26	0
Швеция	13	62	14	76	43

Источник: (OECD 2024).

Таблица 2. Государственные расходы на семейные пособия в некоторых странах ЦВЕ, Северной и Западной Европы, 2001-2019, % ВВП

	2001	2009	2019
Чехия	1,7	2,3	2,1
Эстония	н/д	2,9	3,3
Венгрия	2,9	3,4	3,1
Латвия	н/д	2,4	2,3
Польша	1,2	1,8	3,3
Словакия	2,1	2,0	2,1
Словения	2,1	2,1	1,8
Швеция	2,9	3,5	3,4
Франция	3,7	3,7	3,4

Источник: (OECD 2024).

Кроме того, в отличие от западноевропейских стран, в ЦВЕ такие трансферты не являются универсальными или безусловными. Например, в Хорватии (Spadina 2020: 81-94) и Словении⁹ пособия, финансируемые из налоговых поступлений, выделяются на основе проверки нуждаемости семей. Однако главной целью подобных выплат является покрытие расходов на содержание ребенка, а не сокращение бедности, особенно среди семей приезжих, которому придается гораздо меньше значения. Показательно, что в 2023 г. в Словении уровень риска бедности среди детей местных жителей составляет 7,7%, тогда как среди детей мигрантов еще значителен и достигает 33,9% (Eurostat 2024d).

В Болгарии пособия по беременности и родам предоставляются на основе взносов в систему социального страхования. И здесь имеется ограничение: право на пособие получают все работники, включая иностранцев, которые имеют 12-месячную страховку (Vankova, Draganov 2020: 65-80). Для сравнения: в Чехии для получения данного вида

⁹ Zakon o socialno varstvenih prejemkih (ZSVarPre) (2023).

<https://www.poravnava.si/zakon-o-socialno-varstvenih-prejemkih-zsvarpre/>

выплат все женщины должны вносить страховые взносы не менее 270 дней в течение двух лет.

В Словакии для лиц с постоянным местом жительства установлена самая высокая единовременная выплата при рождении первых четырех детей на каждого (829,86 евро по данным на июль 2023 г.), превышающая выплаты в других странах в 3 и более раз. При этом в последние несколько лет уровень рождаемости в стране не снижался. Напротив, в Румынии, в отличие от других стран ЦВЕ, единовременная выплата при рождении ребенка и вовсе не предоставляется. Тем не менее рождаемость в последние 5 лет была там при более низких показателях экономического и социального развития по сравнению с большинством стран ЦВЕ самой высокой в регионе. И все же ее уровень был недостаточным для замещения поколений (Mutual Information System... 2024). Возможно, в случае предоставления пособий на детей демографическая ситуация была бы в Румынии лучше.

Услуги по дошкольному образованию и уходу за детьми представляют собой еще одно важное измерение семейной политики. Данные ОЭСР показывают, что польские и венгерские дети младше двух лет сейчас гораздо шире охвачены детскими садами/яслими, чем 18 лет назад: этот показатель соответственно вырос с 2,8 и 6,6% в 2005 г. до 13 и 11,6% в 2020 г. (таблица 3). Для сравнения заметим, что показатели обеспеченности маленьких жителей услугами подобных учреждений в западноевропейских странах как минимум в 4 раза выше. Во всех странах ЦВЕ существенно выше доля посещающих детские сады среди населения в возрасте от трех до пяти лет и варьировалась в 2020 г. от 71,6% (Хорватия) до 92,8% (Венгрия и Латвия). Этот показатель особенно заметно повысился в Польше: с низкого исходного уровня 38,3% в 2005 г. до 88,3% в 2020 г. (таблица 3), что может свидетельствовать о сближении подходов польских властей к политике в области труда женщин и ухода за детьми с позициями наиболее продвинувшихся в развитии инфраструктуры детства стран ЦВЕ.

Таблица 3. Охват детей дошкольным образованием в некоторых странах ЦВЕ, % детей соответствующего возраста

	Охват детей младше 2 лет		Охват детей в возрасте 3-5 лет	
	2005	2020	2005	2020
Латвия	18,2	27,2	77,4	92,8
Литва	13,2	29,8	58,7	89,5
Польша	2,8	13,0	38,3	88,3
Словакия	2,9	4,36	73,3	78,1
Словения	24,8	45,5	75,5	92,6
Болгария	7,5*	15,0	80,6 *	77,8
Хорватия	8,4*	19,9	59,0 *	71,6
Румыния	9,7*	8,45	84,1 *	78,3
Венгрия	6,6	11,6	86,8	92,8

Источник: (OECD 2024).

Примечание: * – Данные за 2010 г.

Развитие семейной политики требует выделения средств на расширение сети качественных государственных и частных детских садов. Европейский совет еще в 2002 г. рекомендовал государствам-членам Союза обеспечивать родителей услугами дошкольного образования по крайней мере для одной трети детей до 3 лет и 90% от 3 лет

до возраста обязательного школьного обучения¹⁰. Как видно по данным таблицы 3, далеко не всем странам удается достичь рекомендованных показателей. В Хорватии, например, один из самых низких показателей охвата детскими учреждениями ввиду ряда причин. Во-первых, все услуги по уходу за детьми платные и стоимость варьируется в зависимости от региона, хотя, как правило, данные услуги недорогие. Во-вторых, в стране ощущается нехватка детских дошкольных учреждений, а приоритет отдается семьям с двумя работающими родителями. Вторая причина является наиболее значимой, поскольку дискриминирует семьи с одним или двумя безработными родителями при выборе учреждением получателя услуг (European Comission 2021).

Еще одним традиционным направлением семейной политики в ЦВЕ выступает поддержка одиноких родителей. Как правило, одинокие матери с детьми являются менее обеспеченным и более уязвимым типом семьи по сравнению с другими. Поэтому государство уделяет неполным семьям серьезное внимание, подкрепляя его немалыми выплатами. Так, в Эстонии предусмотрено ежемесячное пособие на ребенка для одиноких родителей, в Венгрии – право на более высокую ставку пособия для таких семей, в Словении выплаты на 30% выше, чем семьям с двумя родителями. В Литве оплата содержания детей одиноких родителей в дошкольных учреждениях может быть снижена на 50%. Эти благие меры могут непроизвольно способствовать разрушению института законного брака и использоваться в корыстных целях. Известно, что некоторые супруги сознательно не регистрируют отношения и рождают детей, официально не оформив семейный союз, чтобы получать большие выплаты в качестве одиноких родителей. Однако едва ли это является основной причиной распространения в современных обществах рождений вне зарегистрированных браков. Не нужно забывать, что, к примеру, во Франции, где в 2020 г. доля внебрачных рождений достигла 62,2% (таблица 4), с конца 1990-х параллельно браку существует институт официально зарегистрированных сожительств (*Le pacte civil de solidarité, Pacs*), в которых появляется на свет существенная доля детей, вследствие чего статистическая категория «внебрачное рождение» становится неоднозначной. Тенденция распространения бракоподобных союзов с совместным проживанием партнеров, получивших в той или иной степени признание со стороны общества и государства с предоставлением прав на полноценную социальную поддержку детей в них, имеет широкое распространение и в других развитых странах.

Тенденция к сокращению числа заключаемых браков и повышению доли внебрачных рождений наблюдается и в ЦВЕ. В Словении в 2020 г. последний показатель (56,5%) уже превысил уровень Швеции, увеличившись с 37,1% в 2000 г. В Польше доля детей, рожденных вне брака, еще в 2000 г. была довольно небольшой – 12,1%, однако с тех пор значительно выросла, достигнув 26,4% в 2020 г. (таблица 4).

Законодательство Польши обabortах (фактически запрете абортов)¹¹, принятое в 1993 г. (последние изменения внесены в январе 2021 г.) при участии религиозных

¹⁰ European Comission (2002). Barcelona European Council, 15 and 16 March 2002, Presidency Conclusions. <https://cordis.europa.eu/programme/id/EMP-BARCELONA-2002C>

¹¹ В Польше запрещены abortы, за исключением случаев прерывания беременности ввиду медицинских показаний и изнасилования. 22 октября 2020 г. Конституционный суд Польши признал незаконным право женщины на abort в случае выявления у плода серьёзного порока или неизлечимого заболевания, что составляет примерно 98% от общего количества зарегистрированных abortов в Польше. См.: Associated Press (2020). October 23. (<https://apnews.com/article/international-news-poland-abortion-europe-birth-defects-9258358858a72911663cd1d276a8fb2>). В тоже время следует иметь в виду, что польские женщины в

организаций отражает распространенное в обществе представление о материнстве как важной обязанности женщин и в целом указывает на значимость традиций, связанных с большой ролью римско-католической церкви и проявляющихся в семейной политике не только в жестком регулировании абортов, но и в более ограниченной и условной поддержке родительского отпуска в сравнении с другими странами ЦВЕ. Тем не менее коэффициент суммарной рождаемости в Польше остается одним из самых низких в регионе, что подтверждает неадекватность запрета абортов как меры повышения рождаемости, не говоря об этической стороне вопроса, связанной со вмешательством в планирование жизни семьи.

Таблица 4. Доля рождений детей вне брака в некоторых странах ЦВЕ, Северной и Западной Европы, %

	2000	2010	2020
Венгрия	29,0	40,8	30,4
Латвия	40,4	44,4	39,5
Литва	22,6	25,7	27,0
Польша	12,1	20,6	26,4
Словакия	18,3	33,0	40,7
Словении	37,1	55,7	56,5
Хорватия	9,0	13,3	22,8
Швеция	55,3	54,2	55,2
Франция	43,6	55,0	62,2

Источник: (OECD 2024).

Для сравнения социальных аспектов развития стран в соответствии с политикой ЕС в дополнение к традиционным экономическим показателям, таким как ВВП, был использован Индекс социального прогресса (далее – ИСП), составляемый некоммерческой организацией «The Social Progress Imperative» ¹². Как показывают исследования, Индекс социального прогресса и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (далее – ППС) имеют высокую корреляцию. Однако индекс, измеряющий социальные показатели страны, не всегда выше там, где ВВП на душу населения по ППС принимает большее значение, что наглядно демонстрируют страны ЦВЕ. В среднем тенденции обоих показателей действительно совпадают: страны с высоким ВВП находятся на вершине рейтинга (таблица 5). Однако, например, Эстония попала в первую группу стран с самыми высокими уровнями социального прогресса (в той же группе богатые скандинавские, западноевропейские страны), но уровень ВВП на душу населения по ППС уступает трем странам из следующей группы социального прогресса – Чехии, Словении и Литве (Тураева, Вардомский 2020: 129-164).

Индекс социального прогресса отражает масштабность и направленность мер социальной политики. В соответствии с данными «The Social Progress Imperative» в Эстонии, Чехии и Словении реализуются наиболее крупные в регионе программы поддержки

массовом порядке продолжают делать абORTы в соседних странах, что ложится дополнительным бременем на семейные бюджеты.

¹² Индекс социального прогресса строится на основе показателей в трех ключевых областях: удовлетворение основных потребностей человека (жилье, питание, медицинское обслуживание, безопасность), основы благополучия (доступ к базовому образованию, здравоохранению, информации и коммуникациям), реализация возможностей (свобода выбора и право голоса, инклюзивность, получение высшего образования).

населения, что, возможно, позволяет поддерживать более высокий уровень рождаемости в сравнении с рядом других стран ЦВЕ (таблица 5). В то же время связь ИСП с рождаемостью небезусловна: наибольший показатель последней зафиксирован в Румынии, занимающей нижние строки по уровню экономического и социального развития в регионе.

Таблица 5. Индекс социального прогресса и ВВП на душу населения стран Центрально-Восточной Европы, данные 2022 г.

Страна	Место страны в рейтинге ИСП	Значение показателя ИСП	ВВП на душу населения по ППС ¹³	КСР
Эстония	18	86,16	46697	1,676
Чехия	23	85,19	49946	1,699
Словения	27	84,19	50032	1,627
Литва	29	83,71	48397	1,622
Латвия	32	82,46	39956	1,583
Хорватия	34	82,32	40380	1,452
Словакия	35	81,29	37459	1,566
Польша	39	80,17	43269	1,459
Венгрия	42	78,21	41907	1,578
Румыния	43	76,89	41888	1,748
Болгария	44	76,81	33582	1,586

Источник: (*The Social Progress Imperative 2023*).

Примечание: КСР – коэффициент суммарной рождаемости, доступные данные за 2021 г.

Таким образом, семейная политика стран ЦВЕ характеризуется, с одной стороны, выраженной направленностью на поддержку и поощрение материнства, предоставляя родителям сравнительно продолжительный отпуск по уходу за детьми и позволяя больше времени уделять выполнению семейных обязанностей, а с другой – в силу сравнительно небольших размеров социальных выплат семьям фактически подталкивает женщин к скорому возвращению на рынок труда. Однако возобновлению трудовой деятельности может препятствовать нехватка учреждений дошкольного образования, особенно для детей младше 2 лет. В то же время показатели рождаемости демонстрируют неоднозначную связь с материальным положением семей. Согласно концепции второго демографического перехода, существует конфликт между социальной нормой необходимости иметь детей и стремлением людей к самореализации не только в брачно-семейной сфере, к карьерному росту, повышению дохода и соответствуя некоторым стандартам современного общества потребления (Иванов 2021: 5-10) (с чем в немалой мере сопряжено распространение установок на откладывание вступления в брак, позднее рождение детей или добровольную бездетность). Однако, как показало исследование, повышенному уровню социального прогресса, компонентами которого являются неэкономические показатели удовлетворенности основных потребностей и возможностей развития человека, а именно составляющие социального благополучия в стране, зачастую соответствуют лучшие показатели рождаемости. Это указывает на необходимость усиления направленности государственных мер на удовлетворение социальных потребностей родителей.

¹³ UNESCO Institute for Statistics (2024). *Demographic and socio-economic: Socio-economic indicators*. Retrieved from <http://data UIS.unesco.org/> (data downloaded on 28.03.2024).

Заключение

Серьезные демографические вызовы, стоящие перед странами ЦВЕ, сопряжены с интенсивной естественной убылью и эмиграцией их населения в экономически более благополучные страны. В противодействии негативным демографическим тенденциям в регионе важная роль отводится семейной политике, призванной обеспечивать благоприятные условия для семей с детьми, способствуя при этом занятости женщин. Несмотря на схожесть современных паттернов семейной политики в Европе, модель родительской заботы о детях в странах ЦВЕ отличается существенно большим вкладом матерей по сравнению с участием отцов. В последние два десятилетия в государствах ЦВЕ показатели рождаемости стабилизировались после значительного спада в 1980-х – 1990-х годах, более того, в некоторых странах региона показатели рождаемости растут, что в числе прочего может быть отнесено на счет семейной политики. Изучение опыта семейно-ориентированной политики в ЦВЕ позволяет извлечь из него заслуживающие внимания уроки для социальной политики в России.

Основными слагаемыми семейной политики в ЦВЕ являются предоставление отпусков родителям по уходу за вновь рожденными детьми, развитие инфраструктуры дошкольного образования и выплата семьям пособий. Важными достижениями в области семейной политики являются предоставление продолжительных отпусков по уходу за детьми, расширение сети дошкольных учреждений, снижение гендерного неравенства, увеличение поддержки одиноких родителей. В то же время сохраняются такие проблемы, как ограниченные размеры пособий родителям, отсутствие универсального (безусловного) порядка выплат семьям с детьми, нехватка дошкольных учреждений, худшее положение женщин на рынке труда по сравнению с мужчинами. Снижение домашней нагрузки женщин в роли матери с одновременным расширением участия отцов по уходу за детьми, обеспечение финансовой защищенности семьи различных типов и личностного развития всех ее членов сохраняют значительные недоиспользованные возможности в повышении действенности мер государственной политики, направленных на укрепление и развитие демографического потенциала.

Литература

- Иванов С.Ф. (2021). Демография современного мира: комментарии к теориям. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 1(3), 5-10. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.1>
- Куликова Н.В. (Отв. ред.) (2017). Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Том 1. Центрально-Восточная Европа (сс. 32-48). СПб.: Алетея.
- Куликова Н.В. (Отв. ред.) (2019). *Проблемы экономического роста в странах Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике*. Монография (сс. 14-37). М.: ИЭ РАН. https://inecon.org/docs/2019/Kulikova_2019.pdf
- Маркова Е.Н. (2009). Понятие Центральной и Восточной Европы: проблемы идентификации группы государств в целях сравнительного правоведения. *Сравнительное конституционное обозрение*, 5 (72), 5-15. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tsentralnoy-i-vostochnoy-evropy-problemy-identifikatsii-gruppy-gosudarstv-v-tselyah-sravnitelnogo-pravovedeniya/viewer>

- Михалев О.Ю. (2022). Проблема украинских беженцев в Польше в 2022 году. *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*, 4(15), 49-61.
- Тенги А. (2004). Восточная Европа: миграционные процессы после расширения ЕС. *Отечественные записки*, 5(20). <https://strana-oz.ru/2004/5/vostochnaya-evropa-migracionnye-processy-posle-rasshireniya-es>
- Тураева М.О., Вардомский Л.Б. (Отв. ред.) (2020). *Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира*. Монография (сс. 129-164). М.: ИЭ РАН, 2020. https://inecon.org/docs/2020/Turaeva_Vardomsky_book_2020.pdf
- Ainsaar M., Roots A. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Estonia. In Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 137-148). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_9
- Ambrosetti E. (2022). Europe: Low Fertility, Aging, and Migration Policies. In: May J.F., Goldstone J.A. (Eds.), *International Handbook of Population Policies. International Handbooks of Population*, 11, 313-335. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-02040-7_14
- Burlacu I., Soare S., Vintila D. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Romania. In Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 361-377). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_24
- Chlon-Dominczak A. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Poland. In Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 327-344). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_22
- Crespi I., Ruspini E. (2016). *Balancing work and family in a changing society. The Fathers' Perspective* (pp. 49-62). Palgrave Macmillan New York. <https://doi.org/10.1057/9781137533548>
- Deacon B. (1992). *The New Eastern Europe Social Policy Past, Present and Future*. London: Sage Publications.
- European Commission (2019). Commission staff working document. Country Report Bulgaria 2019. Including an In-Depth Review on the prevention and correction of macroeconomic imbalances (pp. 8-15). Retrieved from https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2019-05/2019-european-semester-country-report-bulgaria_en.pdf
- European Comission (2021). *The childcare gap in EU Member States*. Retrieved from <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=8378&furtherPubs=yes>
- Eurostat (2024a). *Total unemployment rate*. Retrieved from <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00203/default/table?lang=en> (data downloaded on 28.03.2024)
- Eurostat (2024b). *Structure of earnings survey: monthly earnings*. Retrieved from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/earn_ses_monthly/default/table?lang=en&category=labour.earn.earn_ses_main (data downloaded on 28.03.2024)

- Eurostat (2024c). *Unemployment by sex and age – annual data*. Retrieved from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/product/page/une_rt_a (data downloaded on 28.03.2024).
- Eurostat (2024d). *At-risk-of poverty rate for children by citizenship of their parents (population aged 0 to 17 years)*. Retrieved from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_li33/default/table?lang=en&category=livcon.ilc.ilc_ip.ilc_li (data downloaded on 28.03.2024).
- Hantrais L. (2004). Family Policy Matters: Responding to Family Change in Europe (pp. 37-104). Bristol: Policy.
- Koldinska K. (2020). Migrants' Access to Social Protection in the Czech Republic. In: Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 109-121). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_7
- Mutual Information System on Social Protection (2024). *Comparative tables*. Retrieved from <https://www.missoc.org/missoc-database/comparative-tables/> (data downloaded on 28.03.2024).
- Nordenmark M. (2021). How Family Policy Context Shapes Mental Wellbeing of Mothers and Fathers. *Soc Indic Res*, 158, 45–57. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02701-y>
- OECD (2008). *OECD Glossary of Statistical Terms*. Retrieved from https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-glossary-of-statistical-terms_9789264055087-en#page1
- OECD (2023). *International Migration Outlook 2023*. Retrieved from <https://doi.org/10.1787/b0f40584-en>
- OECD (2024). *OECD Family Database*. Retrieved from <https://www.oecd.org/els/family/database.htm> (data downloaded on 28.03.2024).
- OECD Data Explorer (2024). *Gender wage gap*. Retrieved from [https://data-explorer.oecd.org/vis?fs\[0\]=Topic%2C1%7CJobs%23JOB%23%7CEarnings%20and%20wages%23JOB_EW%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=10&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_EARNINGS%40GENDER_WAGE_GAP&df\[ag\]=OECD.ELS.SAE&df\[vs\]=1.0&pd=2005%2C2022&dq=ROU%2BHRV%2BBGR%2BSVN%2BSVK%2BPOL%2BLTU%2BLVA%2BHUN%2BEST%2BCZE.....MEDIAN._T&ly\[rw\]=REF_AREA&ly\[cl\]=TIME_PERIOD&to\[TIME_PERIOD\]=false&vw=tb](https://data-explorer.oecd.org/vis?fs[0]=Topic%2C1%7CJobs%23JOB%23%7CEarnings%20and%20wages%23JOB_EW%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=10&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_EARNINGS%40GENDER_WAGE_GAP&df[ag]=OECD.ELS.SAE&df[vs]=1.0&pd=2005%2C2022&dq=ROU%2BHRV%2BBGR%2BSVN%2BSVK%2BPOL%2BLTU%2BLVA%2BHUN%2BEST%2BCZE.....MEDIAN._T&ly[rw]=REF_AREA&ly[cl]=TIME_PERIOD&to[TIME_PERIOD]=false&vw=tb) (data downloaded on 28.03.2024).
- Pascall G. (2005). *Gender regimes in transition in Central and Eastern Europe* (pp. 1-99). Bristol, UK: Policy Press.
- Spadina H. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Croatia. In: Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 81-94). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_5
- Sobotka T. (2008). The rising importance of migrants for childbearing in Europe, *Demographic Research*, 19(article 9), 225–248. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.9>
- Strban G., Misic L. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Slovenia. In: Lafleur, JM. Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 391-403). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_26

- The Social Progress Imperative (2023). *Global Index 2022: Results*. Retrieved from <https://www.socialprogress.org/global-index-2022-results/> (data downloaded on 12.12.2023).
- UN Department of Economic and Social Affairs Population Division (2024). *World Population Prospects 2022*. Retrieved from <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/> (data downloaded on 28.03.2024).
- UNESCO Institute for Statistics (2024). *Demographic and socio-economic: Socio-economic indicators*. Retrieved from <http://data.uis.unesco.org/> (data downloaded on 28.03.2024).
- UNHCR (2024). Poland: Analysis of the impact of refugees from Ukraine on the economy of Poland – March 2024. Retrieved from <https://data.unhcr.org/en/documents/details/106993>
- Vankova Z., Draganov D.K. (2020). Migrants' Access to Social Protection in Bulgaria. In: Lafleur JM., Vintila D. (Eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond (Volume 1)* (pp. 65-80). IMISCOE Research Series. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_4
- Wilson C., Sobotka T., Williamson L., Boyle P. (2013). Migration and Intergenerational Replacement in Europe, *Population and Development Review*, 39(1), 131-157. <https://www.jstor.org/stable/41811955>

Расходы домохозяйств на дополнительное образование и здоровье детей в возрасте 10-17 лет в регионах России

Екатерина Андреевна Середкина
(seredkina-ea@ranepa.ru), Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия.

Елена Васильевна Вьюговская
(vyugovskaya-ev@ranepa.ru), Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

Household expenditures on additional education and health of children aged 10-17 in Russian regions

Ekaterina Seredkina
(seredkina-ea@ranepa.ru), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Russia.

Elena Vyugovskaya
(vyugovskaya-ev@ranepa.ru), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

Резюме: Статья основана на данных онлайн опроса, проведенного среди родителей, имеющих хотя бы одного ребенка в возрасте 10-17 лет. Опрос проводился в восьми регионах страны, реализованная выборка составила 115 115 анкет. Для анализа отобраны наблюдения, в которых указан размер домохозяйства и указаны расходы хотя бы на одну из трат на ребенка – дополнительное образование и медицина. Подвыборка составила 100 397 анкет (87% от всей выборки). В статье показаны факторы, определяющие вероятность более высоких расходов домохозяйств на дополнительное образование и здоровье ребенка, в том числе состав и место проживания домохозяйства и др. Кроме того, было выявлено, что пол ребенка и его возраст являются значимыми факторами для размера расходов домохозяйства по рассматриваемым категориям. Девочки по сравнению с мальчиками зачастую оказываются более включенными в систему дополнительного образования, что влияет на уровень расходов их родителей на эту сферу. В младших возрастах большие траты на здоровье наблюдаются среди родителей мальчиков, но начиная с 13 лет в расходах на здоровье появляется дисбаланс в пользу девочек. Более высокие траты на здоровье девочек отчасти могут быть объяснены тем, что к 17-летнему возрасту большая доля девочек по сравнению с мальчиками имеет ограничения по здоровью. Кроме того, наблюдается существенная разница в доле мальчиков и девочек, занимающихся спортом (не в пользу последних), что также может быть фактором более высоких расходов на их здоровье.

Ключевые слова: Россия, семьи с детьми в возрасте 10-17 лет, родительские расходы на детей в зависимости пола ребенка, материальное благополучие, семейная политика.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Середкина Е.А., & Вьюговская Е.В. (2024). Расходы домохозяйств на дополнительное образование и здоровье детей в возрасте 10-17 лет в регионах России. Демографическое обозрение, 11(2), 62-85. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21827>

Abstract: The article is based on data from an online survey conducted among parents with at least one child aged 10-17. The survey was conducted in eight regions of Russia, with a sample of 115,115 questionnaires. For analysis, we selected observations containing data on household size and expenditures on at least one of two child expenditures categories - additional education and medicine. The subsample totaled 100,397 questionnaires (87% of the whole sample). The paper shows the factors determining the likelihood of higher household spending on additional education and child health, including household composition, location etc. In addition, we found that the child's gender and age are significant factors for the size of household expenditures in the categories considered. Girls are often more involved than boys in the system of additional education, which affects the level of their parents' expenditures in this sphere. As for health expenditures, we found higher spending on children at younger ages among parents of boys, but after age 13 an imbalance appears in favor of girls. The higher health spending on girls can be explained in part by the fact that by age 17, a higher proportion of girls than boys have health limitations. In addition,

we found a significantly higher proportion of boys participating in sports, which may also be a factor in the greater health spending on girls.

Keywords: Russia, families with children aged 10-17, parental spending on children by child gender, material well-being, family policy.

Funding: The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

For citation: Seredkina E., & Vyugovskaya E. (2024). Household expenditures on additional education and health of children aged 10-17 in Russian regions. *Demographic Review*, 11(2), 62-85.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21827>

Теоретическое обоснование

Существующий зарубежный и отечественный опыт регулярных мониторинговых исследований охватывает многие стороны жизни родителей и детей, что выражается в детальном анализе статистической информации, полученной по более или менее схожей системе параметров, характеризующих положение ребенка в семье (Beardsmore, Siegler 2014; OECD 2015; Кислицына 2018; Jordan, Rees 2020). Данные параметры или показатели призваны оценить удовлетворенность на уровне базовых потребностей (материальное благополучие, здоровье, питание, безопасность) и также на уровне социальных отношений и активности (образование и самореализация, эмоциональный комфорт и прочее).

Доступность материальных ресурсов является одним из ключевых индикаторов субъективного благополучия семьи и детей для развития долгосрочной стратегии социальной, семейной политики и снижения бедности (Овчарова 2019; Елизаров, Синица 2019). В зарубежной и российской практике существует множество работ, направленных на выявление и оценку расходов на детей, изучение их структуры, специфики и оснований в пользу большего или меньшего количества трат. В последних подчеркивается сложная и многогранная природа взаимосвязи между возрастом и полом детей и затратами, связанными с их воспитанием (Behrman 1988; Lundberg, Rose 2004; Barcellos et al. 2012; Bertrand, Pan 2013; Autor et al. 2019; Гусева 2013; Кузнецова 2023).

Так, родительские расходы могут обуславливаться полом ребенка в силу множества факторов. Неблагоприятные экономические условия могут привести к предпочтению дочерей, поскольку они рассматриваются как лучшая репродуктивная инвестиция (Durante et al. 2015). Это исследование основано на теории эволюционной биологии, предполагающей, что инвестиции в потомство женского и мужского пола зависят от наличия ресурсов. Анализ данных, полученных с помощью экспериментального плана, доказывает, что плохие экономические условия благоприятствуют распределению ресурсов дочерям, а не сыновьям, в частности, способствуют тому, чтобы больше вкладываться в образование дочерей, выбирать для них заведомо полезную и перспективную внеклассную деятельность, завещать им больше семейных активов. Предполагается, что это происходит потому, что расходы на детей представляют собой репродуктивные инвестиции и что относительная репродуктивная ценность мальчиков и девочек варьируется в зависимости от экономических условий. Подтверждая эту точку зрения, представления о том, у какого ребенка будет больше детей, статистически определяют влияние экономических условий на предпочтения девочек. Эффект лишь усиливается по мере приближения ребенка к репродуктивному возрасту и смягчается индивидуальными различиями (неприятием риска, моногамией).

Гипотеза о неоднородности распределения ресурсов между детьми подтверждается многочисленными исследовательскими изысканиями (Behrman, Pollak, Taubman 1986; Lundberg, Rose 2002; Hao, Yeung 2015), согласно которым материальные ограничения, социально-экономический статус семьи, профессия, образование родителей, гендерные нормы и изменения в них формируют предпочтение поддержки девочек или, напротив, мальчиков и определяют дальнейшие трансферты. Например, данные 60-го цикла Индийского национального выборочного обследования показали, что домохозяйства, которые сталкиваются с жесткими ограничениями бюджета, с большей вероятностью в случае необходимости потратят свои небольшие ресурсы на госпитализацию мальчиков, а не девочек. Разрыв в использовании доходов и сбережений

домохозяйств в целях обеспечения платной стационарной медицинской помощи относительно невелик, в то время как гендерный разрыв в вероятности госпитализации и использовании более обременительных стратегий финансирования очень высок – вероятность госпитализации мальчиков за счет кредитов, продажи активов, помощи друзей и так далее значительно выше, чем у девочек, при этом гендерный разрыв усиливается по мере перехода от самых богатых домохозяйств к самым бедным (Asfaw, Lamanna, Klasen 2010).

Польские исследователи, используя данные Национального обследования бюджета домохозяйств (Polish Household Budget Survey), продолжают исследовать дифференцированную природу семейных расходов на детей разного пола и возраста (Karbownik, Myck 2016). Наличие старшего ребенка-дочери по сравнению с первенцем-сыном увеличивает уровень расходов домохозяйства на детскую и взрослую женскую одежду (на 6 и 7,2% соответственно), но снижает расходы на активное времяпрепровождение – игры, игрушки и хобби (примерно на 13,4%). Это может быть отражением чистой гендерной предвзятости со стороны родителей или отражением гендерной взаимодополняемости расходов родителей на детей. Авторы не находят убедительных доказательств гендерных различий в инвестициях в образование (измеряемых расходами на детские сады). Однако проанализированные структуры расходов позволяют предположить, что родители в Польше уделяют больше внимания внешнему виду девочек и отдают предпочтение мальчикам в отношении занятий и игр, что может иметь последствия во взрослой жизни (Blau, Currie 2006) и способствовать сохранению гендерного неравенства и стереотипов.

Корнрих и Фурстенберг используют данные Исследования потребительских расходов, чтобы изучить, как изменялись траты в течение тридцати лет (с начала 1970-х до конца 2000-х), уделяя особое внимание неравенству в родительских инвестициях в детей (Kornrich, Furstenberg 2013). Так, инвестиции в детей мужского и женского пола существенно изменились: в начале 1970-х годов домохозяйства, в которых были только дети женского пола, тратили значительно меньше, чем родители в домохозяйствах, в которых были только дети мужского пола; но к 1990-м годам расходы выровнялись; и к концу 2000-х годов девочки, похоже, получили преимущество (в связи с увеличением социально-экономических возможностей, возможностей труда для женщин, лучшими образовательными результатами среди девушек по сравнению с юношами). Академические достижения и дисциплинированный подход в обучении, несомненно, имеют вес в обеспечении родительской помощью. В статье А.Р. Бессуднова и В.Р. Малик отмечается заметное гендерное и социально-экономическое неравенство при выборе образовательной траектории после 9-го класса. 61% девушек и 53% юношей переходят из 9-го класса в 10-й, остальные уходят в систему профессионального образования. Еще сильнее выражено социально-экономическое неравенство. 87% детей, родители которых имеют высшее образование, поступают в 10-й класс. Для детей, у родителей которых нет высшего образования, этот показатель составляет 47% (Бессуднов, Малик 2016).

Наконец, изменилась форма родительского вклада в течение жизни детей. До 1990-х годов родители тратили больше всего на детей подросткового возраста. Однако после 1990-х годов расходы были наибольшими, когда дети были в возрастах до 6 и около 20 лет (авторы обуславливают такое распределение ростом трат на ежедневный

уход в раннем возрасте, а также на высшее образование, что можно оценивать как прямое вложение в социальный капитал ребенка) (Kornrich, Furstenberg 2013).

Тем не менее анализ уровня жизни семей с точки зрения возраста детей показывает, что присутствие детей старших возрастов (14-18 лет) не только не уменьшает, а даже несколько увеличивает риск бедности. Если для всей совокупности семей с детьми уровень бедности равен 28%, то для семей со старшими школьниками он составляет 31%, а денежные доходы и расходы таких семей на 10% ниже, чем в среднем по совокупности. Разбиение семей со старшими школьниками на более мелкие группы (по два года) практически не влияет на показатели доходов, потребления и бедности, а различия между выделенными группами минимальны. Если же сравнивать уровень доходов семей с детьми в возрасте до 17 лет (последний год, на который распространяется право на социальную поддержку) и старше 17 лет (когда социальную помощь не предполагается оказывать), то данные обследования показывают чуть более низкий уровень доходов семей в группе со старшими детьми (Корчагина, Прокофьева 2022).

В связи с вышесказанным авторы ставят своей задачей исследовать, насколько возраст и пол ребенка являются значимыми факторами, обуславливающими расходы семьи: так, в девочек могут вкладываться больше, чем в мальчиков (особенно в период экономической нестабильности, кризисов), в частности, в дополнительное образование первых, что в свою очередь говорит о формировании уже в подростковом возрасте гендерного неравенства образовательных траекторий (где девочки больше и дольше учатся); с возрастом ребенка также скорее увеличиваются траты на него, однако государственная поддержка семей с детьми при этом снижается.

Как отмечается в одной из значимых работ в экономике по детскому благополучию, ранние инвестиции в человеческий капитал повышают продуктивность последующих инвестиций, однако в случае отсутствия последних ранние инвестиции не будут продуктивными вовсе (Cunha, Heckman 2007). Данные, полученные в результате более позднего исследования, подтверждают тезис о необходимости инвестиций государства в человеческий капитал, начиная с раннего детства, при этом необходимо не перераспределение, а именно предварительное распределение ресурсов (Conti, Heckmann 2012: 58).

Таким образом, воспитание несовершеннолетних детей, несомненно, оказывает воздействие на снижение семейного материального благополучия. Одновременно с тем именно эти расходы являются важнейшими инвестициями в социальный капитал, залогом его благоприятных эффектов как для мальчиков, так и для девочек и не ограничиваются некоторым возрастным периодом, а продолжаются на протяжении всего взросления. Недостаток вложения средств в ребенка, риск депривации в образовании, здравоохранении и прочих видах услуг в семье с детьми может препятствовать экономическому росту страны, общественному и культурному развитию.

Описание базы данных исследования и методология

В статье проанализированы данные, собранные в ходе онлайн-опроса родителей детей 10-17 лет. Опрос проведен весной 2022 г. Центром полевых исследований ИНСАП РАНХиГС при поддержке Фонда Тимченко. Опрашивали родителей восьми регионов страны: Алтайского края, Калининградской, Ленинградской, Тамбовской, Ульяновской областей, Республики Башкортостан и Карелия, ХМАО-Югра. Выборка была административной,

ее строили для каждого региона. Генеральной совокупностью являлись родители, имеющие хотя одного ребенка в возрасте 10-17 лет и постоянно проживающие в указанных регионах. Вопросы также задавали о ребенке 10-17 лет, если в семье было несколько детей этой возрастной группы, то респондент отвечал про старшего ребенка. Региональная выборка стратифицированная, в качестве страты выбирали муниципальный район и города регионального значения, исключали ЗАТО. Ссылку на онлайн-опрос передавали родителям учителя школ через родительские чаты. Проходить опрос могли не только родители, но и бабушки, дедушки или другие родственники, воспитывающие детей указанного возраста.

Общая выборка составила 115 115 анкет (115 тыс. 115 анкет). Для текущего анализа мы отобрали респондентов, ответивших на как минимум один вопрос о расходах на ребенка. Подвыборка составила 100 397 человек. 70% респондентов проживают в городе, 30% – в селе. По размеру домохозяйства распределены следующим образом: 8% указали, что живут вдвоем, 29% – втроем, 40% – вчетвером, 23% – впятером и более. У 42% респондентов один ребенок, у 40% – двое детей, у 17% – трое и более детей (также 1% респондентов некорректно указали число детей). С партнером проживают 78% респондентов, остальные 22% респондентов не указали партнера в карточке домохозяйств. В 12% домохозяйствах живут дедушки и/или бабушки.

В данном исследовании мы ставили следующую задачу: рассмотреть и выявить особенности расходов домохозяйств на дополнительное образование и здоровье в разрезе пола и возраста ребенка. Сумму расходов на дополнительное образование и здоровье ребенка мы рассматриваем относительно регионального прожиточного минимума (п.м.), что объясняется необходимостью нивелировать региональные различия в уровне доходов домохозяйств разных регионов.

Расходы домохозяйств на дополнительное образование на детей в возрасте 10-17 лет

Для анализа использована простая линейная регрессия (таблица 1). В качестве зависимой переменной взято отношение трат на дополнительное образование ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше. Модель контролировали на пол респондента, тип населенного пункта, регион проживания (референтная группа – Ленинградская область), пол и возраст ребенка (референтная группа 14-17 лет). Также в качестве независимых предикторов использованы переменные: наличие высшего образования у респондента (родителя или опекуна), проживание с бабушкой/дедушкой, размер домохозяйства (референтная группа – пять и более человек), число детей (референтная группа – трое и более детей), наличие члена семьи с инвалидностью, оценка материального положения (референтная группа – оценка выше среднего¹), успеваемость ребенка (референтная группа – двоечник-троечник).

¹ Низкая оценка: «Денег не хватает даже на еду» и «На еду денег хватает, но покупать одежду затруднительно»

Оценка ниже среднего: «Денег хватает на еду и одежду, но на более крупные покупки (смартфон, компьютер, телевизор) не хватает»

Средняя оценка: «Денег хватает на крупные покупки и отдых, но покупка автомобиля недоступна»

Оценка выше среднего: «Могли бы купить автомобиль, но покупка квартиры / дома недоступна» и «Денег достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным».

Анализ показал, что траты на дополнительное образование девочек выше, чем мальчиков². С возрастом эти траты повышаются. Наличие высшего образования самого респондента также является детерминантой высоких трат на дополнительное образование ребенка. Также они выше, если семья респондента проживает вместе с бабушками или дедушками. При этом в семьях из двух, трех или четырех человек эти траты на ребенка выше, чем в семьях из пяти и более человек. В семьях респондентов с более низкими оценками материального положения они ниже. Однако число детей не влияет на траты на дополнительное образование старшего из них. Мы также видим, что этот вид трат выше, когда ребенок хорошист или отличник.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа: корреляция с отношением трат на дополнительное образование ребенка к региональному прожиточному минимуму

Зависимая переменная: отношение трат на дополнительное образование ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше (от 5 тыс. рублей)

	B
Константа	0,090 [0,006]
Женщины	-0,005 [0,004]
Девочки	0,012*** [0,002]
10-13 лет	-0,047*** [0,002]
Город	0,054*** [0,002]
Живут вместе с бабушками/дедушками	0,007** [0,003]
Есть высшее образование	0,071*** [0,002]
В домохозяйстве два человека	0,020*** [0,005]
В домохозяйстве три человека	0,015*** [0,004]
В домохозяйстве четыре человека	0,010*** [0,004]
Один ребенок	0,004 [0,004]
Двое детей	-0,004 [0,004]
Есть член семьи с инвалидностью (в т. ч. ребенок)	0,027*** [0,005]
Низкая оценка мат.положения	-0,031*** [0,003]
Ниже среднего оценка	-0,049*** [0,003]
Средняя оценка мат.положения	-0,026*** [0,003]
Отличник/Хорошист	0,015***

² К высоким тратам относятся траты в размере от 5 тыс. рублей (что в некоторых регионах эквивалентно чуть более 40% регионального прожиточного минимума) и выше.

Зависимая переменная: отношение трат на дополнительное образование ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше (от 5 тыс. рублей)

	В [0,002]
Алтайский край	-0,036*** [0,004]
Калининградская область	0,014** [0,006]
Республика Башкортостан	0,017*** [0,004]
Республика Карелия	-0,025*** [0,006]
Тамбовская область	-0,044*** [0,005]
Ульяновская область	-0,020*** [0,004]
ХМАО-ЮГра	0,045*** [0,005]
Наблюдений	10397
R-квадрат	0,045

Примечание: Уровни значимости: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,10$.

Что касается регионов, то в Алтайском крае, Республике Карелия, Тамбовской и Ульяновской областях траты на дополнительное образование ребенка ниже, чем в Ленинградской области, а в Калининградской области, Республике Башкортостан и ХМАО-Югре, напротив, выше. Почти треть респондентов в каждом регионе указывает, что ежемесячные расходы на дополнительное образование ребенка составляют менее 1 тыс. рублей, при этом в Тамбовской области доля респондентов с такими расходами доходит почти до 40% (таблица 2). Еще пятая часть респондентов почти во всех регионах указывает траты в 3 тыс. рублей. Наибольшая доля респондентов, траты на дополнительное образование ребенка которых превышают 10 и 20 тыс. рублей, наблюдается в ХМАО, Калининградской области и Республике Башкирия.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов о расходах на дополнительное образование (в том числе на спортивные секции) ребенка в месяц в разных регионах, %

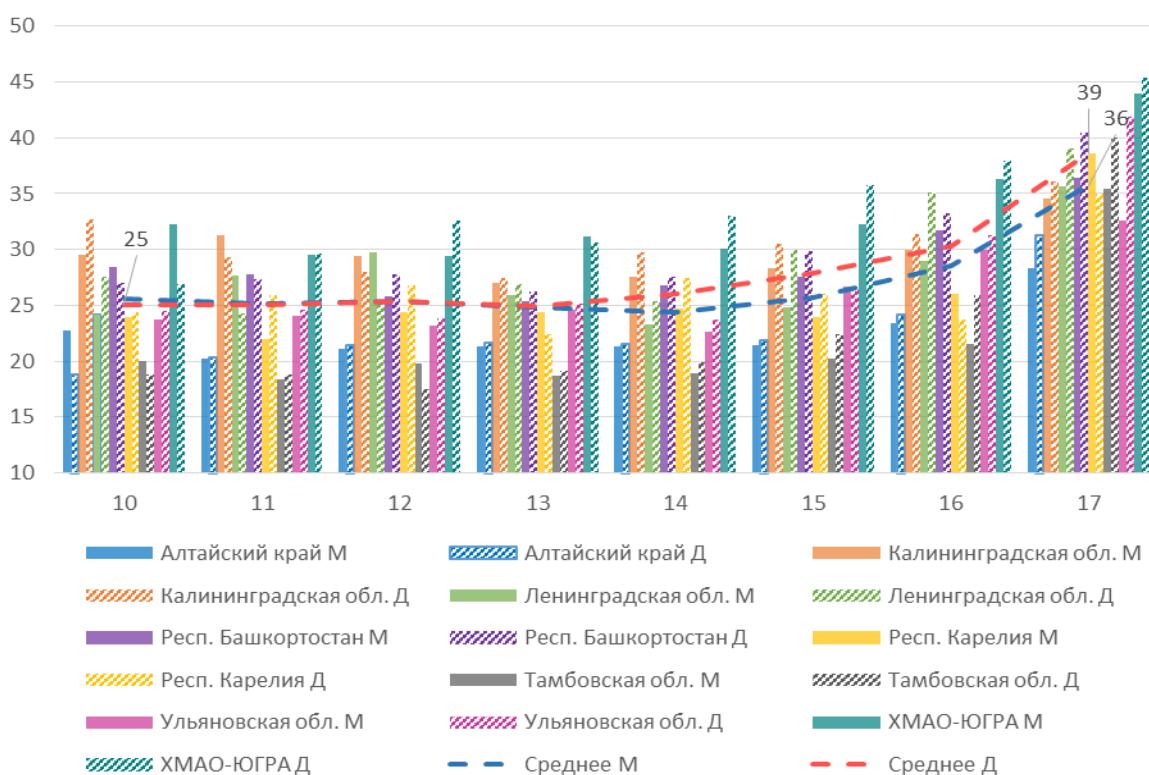
	Алтайский край	Калининградская обл.	Ленинградская обл.	Респ. Башкортостан	Респ. Карелия	Тамбовская обл.	Ульяновская обл.	ХМАО-ЮГра
Менее 1 тыс. руб.	33,8	25,4	29,4	27,1	28,9	38,3	28,3	25,9
Примерно 3 тыс. руб.	21,1	20,3	18,8	21,5	20,1	21,0	22,9	16,4
Примерно 5 тыс. руб.	14,4	18,9	17,6	16,7	15,9	12,8	17,8	19,3
Примерно 10 тыс. руб.	5,9	10,7	10,1	10,3	8,3	6,2	8,6	13,9
Примерно 20 тыс. руб.	1,1	2,3	1,9	2,3	1,5	1,2	1,5	3,8
Более 20 тыс. руб.	0,6	1,3	1,3	1,6	1,1	0,8	0,7	2,1
Затрудняюсь ответить	23,2	21,0	20,9	20,5	24,2	19,8	20,1	18,7

Уровень цен на образовательные услуги в рассматриваемых нами регионах различен. Так, в 2022 г. в пяти из рассматриваемых регионов средняя за год стоимость академического часа дополнительного занятия в государственных и муниципальных

общеобразовательных организациях очной формы обучения была ниже среднероссийского уровня (например, в Тамбовской области она составила 47,2% от среднероссийского показателя)³. Тогда как стоимость этой образовательной услуги в Республике Карелия, Калининградской области и в ХМАО составила от среднероссийского уровня 104, 160 и 256% соответственно. Схожая ситуация наблюдается и со стоимостью академического часа занятия на курсах иностранных языков, которая в 2022 г. превысила среднероссийский уровень в Ленинградской области на 5,2%, в Республике Карелия на 24%, в ХМАО на 114%.

Траты на дополнительное образование ребенка во всех рассматриваемых регионах значительно увеличиваются с возрастом, разница между уровнем трат на 10- и 17-летнего ребенка составила в среднем 12 п.п. (рисунок 1). При этом заметны некоторые региональные различия, стабильно высокие траты на дополнительное образование детей в разных возрастах наблюдаются в ХМАО (в среднем 34% от регионального прожиточного минимума), Калининградской области и Республике Башкортостан (в среднем по 30 и 29% от регионального прожиточного минимума соответственно).

Рисунок 1. Средние траты на дополнительное образование по полу и возрасту ребенка в восьми регионах относительно регионального прожиточного минимума, %

Источник: Расчеты авторов.

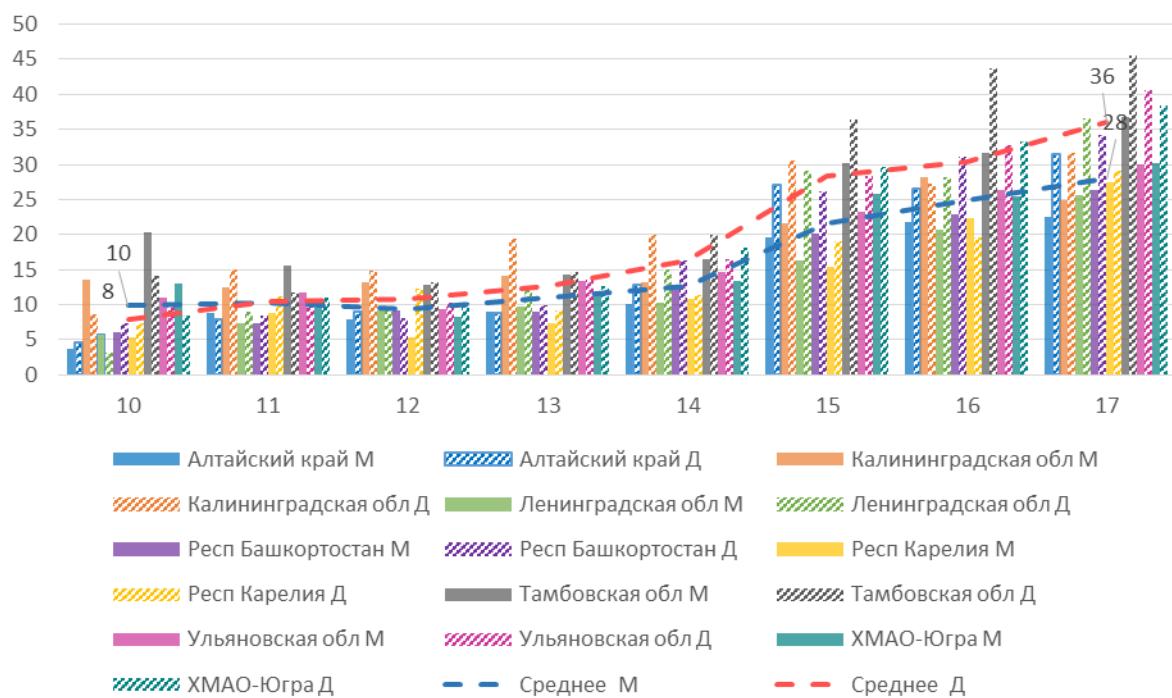
Кроме того, заметны различия в тратах в зависимости от пола ребенка. Так, рост расходов на дополнительное образование девочек с 10 до 17 лет составил в среднем по

³ По данным ЕМИСС/Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги.

URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31448> (дата обращения 06.02.2024).

восьми регионам 14 п.п., на мальчиков – 10 п.п. При этом наблюдается разная динамика по регионам. В Тамбовской области отмечен наибольший рост расходов на образование девочек – 21 п.п., в Калининградской области – наименьший (+3 п.п.), однако стоит отметить, что в последней высокие траты на дополнительное образование во всех рассматриваемых возрастах. Наибольший рост расходов на дополнительное образование молодого человека 17 лет был в Республике Карелия и Тамбовской области (+15 п.п. в каждом субъекте), наименьший – также в Калининградской области, однако этот показатель выше по сравнению с девушками (+5 п.п.). На дополнительное образование 17-летней девушки в среднем по рассматриваемым регионам уходит сумма, эквивалентная 39% регионального прожиточного минимума (п.м.), наибольшая сумма – в ХМАО (45% регионального п.м.), также высокие траты в Ульяновской области (42% от регионального п.м.), Тамбовской области и Республике Башкирии (по 40% региональных п.м.). Резкое увеличение расходов на дополнительное образование можно объяснить подготовкой детей к поступлению в ВУЗы. Кроме того, можно предположить о существовании «компенсаторного эффекта» вклада домохозяйств в образование, в частности, в тех регионах, где в младших возрастах не наблюдалось высоких расходов на дополнительное образование.

Рисунок 2. Распределение детей, посещающих дополнительные занятия по школьным предметам (в том числе подготовка к экзаменам, поступлению, занятия с репетитором) в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

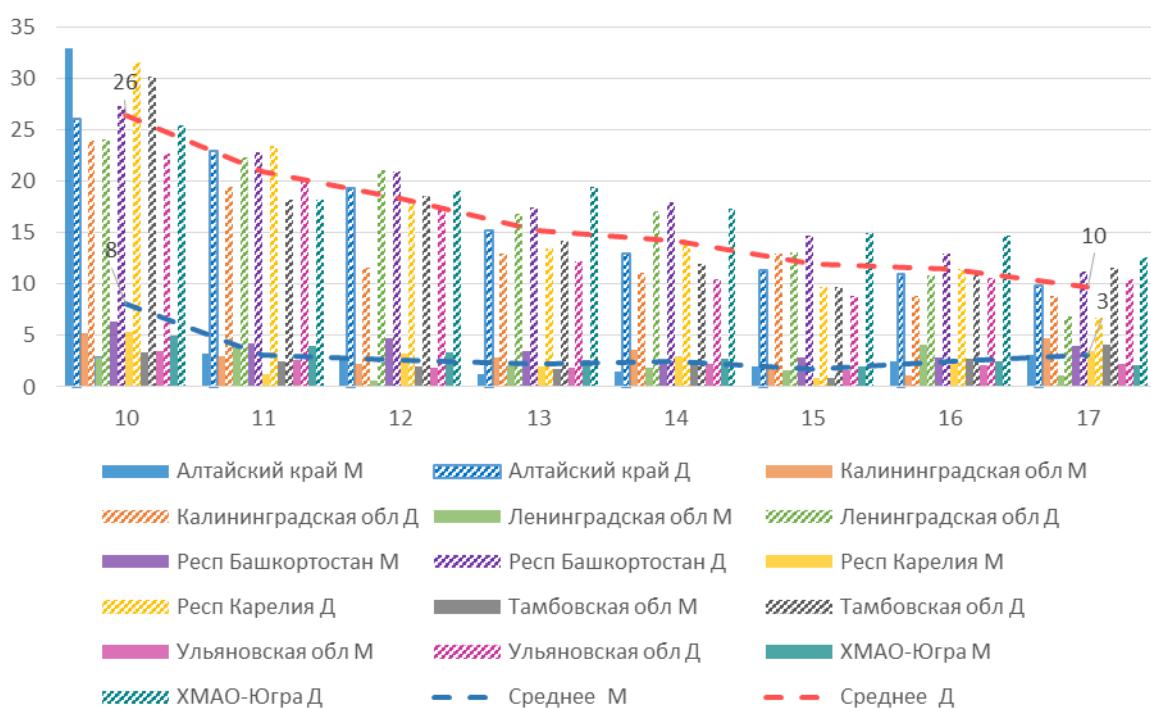
Более высокие расходы на дополнительное образование девочек можно объяснить отчасти тем, что девочки, по сравнению с мальчиками, с возрастом оказываются больше включены в систему дополнительного образования. Это также подтверждается в других исследованиях (Бессуднов, Малик 2016; Богданов, Малик 2020). В частности, если в 10-летнем возрасте в среднем по всем регионам дополнительное занятия по школьным

предметам посещали лишь 8% девочек, то в 17-летнем возрасте – уже 36%, у мальчиков эти показатели составляют 10 и 28% соответственно (рисунок 2). При этом, если в более младших возрастах дополнительные занятия по школьным предметам больше посещают мальчики, то уже начиная с 13-летнего возраста увеличивается доля девочек.

Что касается других образовательных занятий, то при равной доле мальчиков и девочек, посещающих занятия по иностранным языкам в более младших возрастах, с возрастом также наблюдается смещение в пользу девочек (см. рисунок П1 Приложения).

Наиболее явное смещение доли посещающих учреждения дополнительного образования в пользу девочек выявлено на примере творческих занятий. Так, доля девочек, посещающих занятия по танцам, в среднем по регионам в 3 раза превышает долю мальчиков. При этом такая пропорция сохраняется на протяжении всех рассматриваемых нами возрастов (рисунок 3).

Рисунок 3. Распределение детей, посещающих занятия по танцам в восьми регионах, по возрасту и полу, %

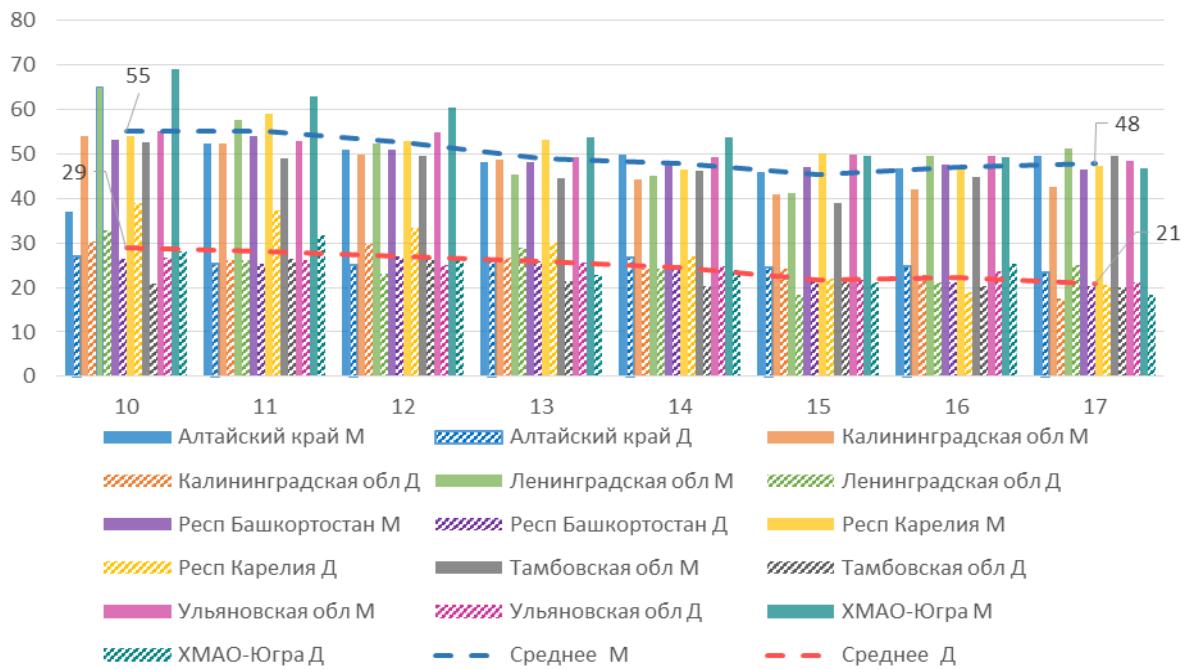
Источник: Расчеты авторов.

В занятиях музыкой, пением и театрах более явная разница между мальчиками и девочками в пользу последних наблюдается с 11-летнего возраста, доля девочек, посещающих такие занятия, в 2 раза превышает долю мальчиков, что сохраняется до 17-летнего возраста (см. рисунок П2 Приложения). Аналогичная тенденция и в занятиях рисованием и лепкой: доля девочек более чем в 4 раза превышает долю мальчиков (см. рисунок П3 Приложения).

При этом среди детей, посещающих спортивные занятия, пропорция меняется в обратную сторону. Большинство мальчиков 10-11 лет занимаются спортом, однако с возрастом эта доля снижается (с 55% в 10 лет до 48% в 17 лет в среднем по регионам), тогда как среди девочек это почти треть в более младших возрастах и лишь 21% в 17-летнем

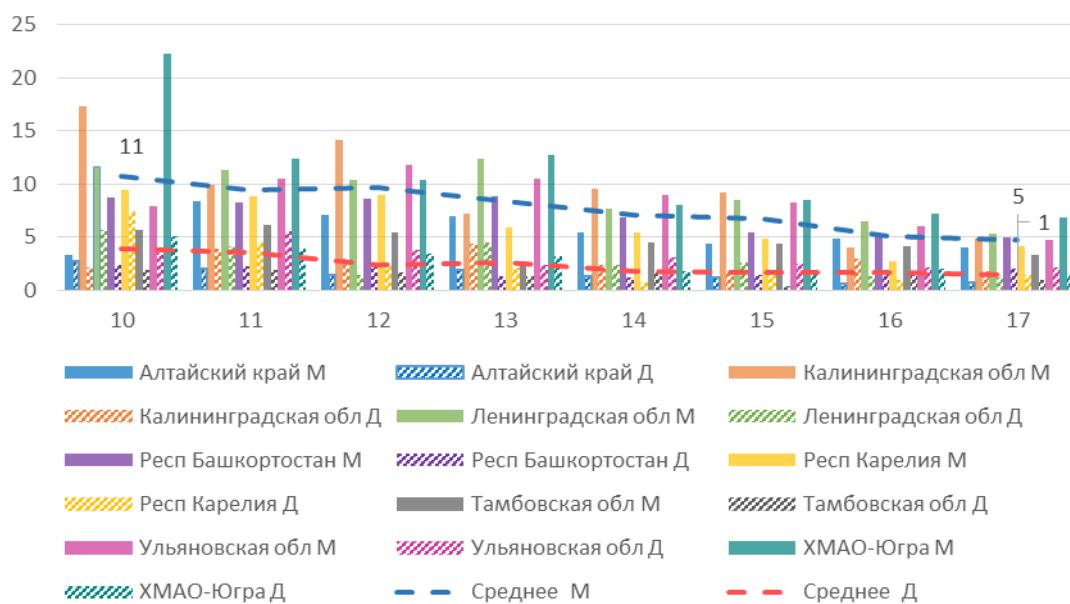
возрасте в среднем по регионам (рисунок 4). «Недопредставленность» девочек в спорте может быть связана с гендерными стереотипами, что также проявляется в более высокой доле девочек, посещающих творческие кружки и дополнительные занятия по школьным предметам.

Рисунок 4. Распределение детей, посещающих спортивные занятия в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

Рисунок 5. Распределение детей, посещающих занятия по робототехнике и программированию в восьми регионах, по возрасту и полу, %

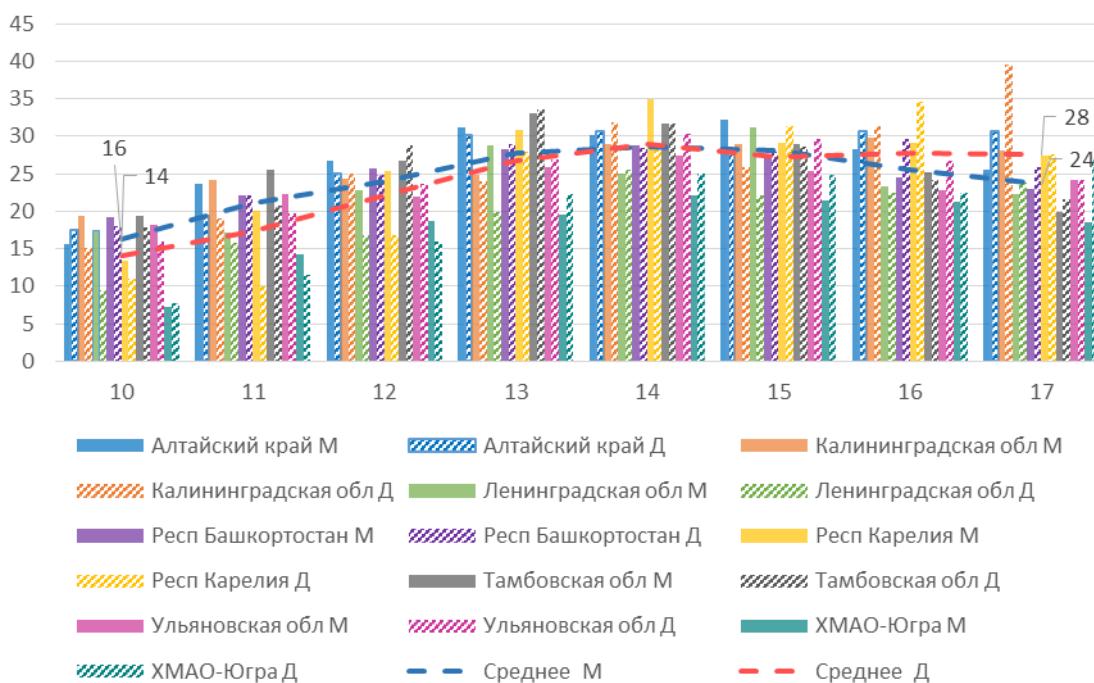

Источник: Расчеты авторов.

Похожее гендерное распределение наблюдается и в занятиях робототехникой и программированием (рисунок 5). В среднем по рассматриваемым регионам в 10-летнем возрасте доля мальчиков, посещающих такие занятия, более чем в 2 раза выше доли девочек. В некоторых регионах доля мальчиков превосходит долю девочек в более чем 7 раз (Калининградская область) и в 4 раза (ХМАО).

При этом мы наблюдаем, что доля детей, не посещающих никаких занятий, достигает своего пика в возрастном интервале 13-15 лет (рисунок 6). Отчасти это можно объяснить тем, что к 15 годам у части детей заканчивается обучение в музыкальных, художественных и других школах дополнительного образования. Однако мы видим снижение доли мальчиков, не посещающих никаких занятий, что может быть связано с началом активной подготовки к поступлению в ВУЗы. Увеличение доли девочек, не посещающих никаких занятий, вероятно, может быть связано с различиями в бюджете времени и временных трат на учебу, работу по дому. Кроме того, увеличение доли детей, не посещающих никаких занятий, может быть связано с поступлением части из них в среднеспециальные учебные заведения.

Рисунок 6. Распределение детей, не посещающих никаких занятий в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

По данным обследования видно, что существует довольно явное распределение девочек и мальчиков по определенным видам и профилям дополнительного образования: значительное число мальчиков посещает занятия спортивные и связанные с технической сферой (программирование и робототехника), тогда как девочки больше включены в творческие направления (музыка, рисование, танцы) и дополнительные занятия по школьным предметам.

Расходы домохозяйств на здоровье детей в возрасте 10-17 лет

Для анализа использована простая линейная регрессия (таблица 3). В качестве зависимой переменной взято отношение трат на здоровье ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше. Модель контролировали на пол респондента, тип населенного пункта, регион проживания (референтная группа – Ленинградская область), пол и возраст ребенка (референтная группа 14-17 лет). Также в качестве независимых предикторов использованы переменные: наличие высшего образования у респондента (родителя или опекуна), проживание с бабушкой/дедушкой, размер домохозяйства (референтная группа – пять и более человек), число детей (референтная группа – трое и более детей), оценка материального положения (референтная группа – оценка выше среднего⁴), наличие у ребенка инвалидности, здоровье ребенка (референтная группа – болел за год реже 5 раз или не болел), питание⁵ ребенка (референтная группа – плохое питание, выбрал до 1-3 позиции из списка продуктов⁶), занятие спортом.

Анализ показал, что траты на здоровье девочек выше, чем на здоровье мальчиков⁷. С возрастом эти траты повышаются. Наличие инвалидности у ребенка и частых болезней в течение года является детерминантами более высоких трат. При этом, если ребенок занимается спортом, траты на его здоровье ниже, а вот хорошее питание не коррелирует с тратами на здоровье. В семьях с самой низкой оценкой материального положения траты на здоровье ребенка не отличаются от этих трат в семьях с оценкой выше среднего. Однако в семьях со средней оценкой материального положения и оценкой ниже среднего траты на здоровье ребенка ниже, чем в семьях с оценкой выше среднего.

⁴ Низкая оценка: «Денег не хватает даже на еду» и «На еду денег хватает, но покупать одежду затруднительно»

Оценка ниже среднего: «Денег хватает на еду и одежду, но на более крупные покупки (смартфон, компьютер, телевизор) не хватает»

Средняя оценка: «Денег хватает на крупные покупки и отдых, но покупка автомобиля недоступна»

Оценка выше среднего: «Могли бы купить автомобиль, но покупка квартиры / дома недоступна» и «Денег достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным».

⁵ В опрос был включен вопрос о том, какие продукты принимал в пищу ребенок за последнюю неделю: свежие овощи, свежие фрукты, молочные, кисломолочные продукты, мясо, рыбу, сладости (конфеты, пирожные и тому подобное) или ничего из перечисленного. Если из указанного списка было выбрано хотя бы 4 позиции, то мы считаем питание ребенка хорошим.

⁶ Вопрос сладостей (snacks/sugar snacks) в полноценной системе питания ребенка остается пока открытым – с одной стороны, мы не можем исключать этот компонент, исходя из предложенных зарубежными исследователями концептов the nutritional needs of children или desired nutrition, важных для социального самочувствия ребенка; с другой стороны, сладости, безусловно, связаны с перееданием, перенасыщением ими может становиться причиной избыточной массы тела, способной вызывать прочие проблемы детского здоровья, соответственно их потребление должно в серьезном, ответственном порядке регулироваться родительским участием (Fazrin, Daha 2022).

⁷ К высоким тратам относятся траты в размере от 5 тыс. рублей (что в некоторых регионах эквивалентно чуть более 40% регионального прожиточного минимума) и выше.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа: корреляция с отношением трат на здоровье ребенка к региональному прожиточному минимуму

Зависимая переменная: отношение трат на здоровье ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше (от 5 тыс. рублей)

	B
Константа	0,070 [0,005]
Женщины	0,003 [0,003]
Девочки	0,008 *** [0,002]
10-13 лет	-0,012 *** [0,002]
Город	0,001 [0,002]
Живут вместе с бабушками/дедушками	0,013 *** [0,003]
Есть высшее образование	0,002 [0,002]
В домохозяйстве два человека	0,004 [0,004]
В домохозяйстве три человека	0,007 ** [0,003]
В домохозяйстве четыре человека	0,002 [0,003]
Один ребенок	-0,006 * [0,003]
Двое детей	-0,007 ** [0,003]
Низкая оценка	0,002 [0,003]
Ниже среднего оценка	-0,022 *** [0,002]
Средняя оценка	-0,019 *** [0,003]
Алтайский край	-0,015 *** [0,003]
Калининградская область	0,001 [0,004]
Республика Башкортостан	0,010 *** [0,003]
Республика Карелия	-0,020 *** [0,005]
Тамбовская область	-0,008 ** [0,004]
Ульяновская область	-0,006 * [0,003]
ХМАО-Югра	0,018 *** [0,004]
У ребенка инвалидность	0,303 *** [0,006]
Болел 5 и более раз	0,086 *** [0,003]
Хорошо питается	-0,002 [0,002]

Зависимая переменная: отношение трат на здоровье ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше (от 5 тыс. рублей)

	B
Занимается спортом	-0,003 ** [0,002]
Наблюдений	10397
R-квадрат	0,040

Примечание: Уровни значимости: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,10$.

Во всех рассматриваемых регионах наибольшая доля респондентов расходует менее 1 тыс. руб. в месяц на здоровье ребенка (таблица 4). В большинстве из рассматриваемых регионов траты респондентов в этой категории не превышают 5 тыс. руб. Наибольшая доля респондентов с высокими тратами (более 10 и 20 тыс. руб.) на здоровье ребенка, так же, как и в случае высоких трат на дополнительное образование, наблюдается в ХМАО, Калининградской области и Республике Башкирия.

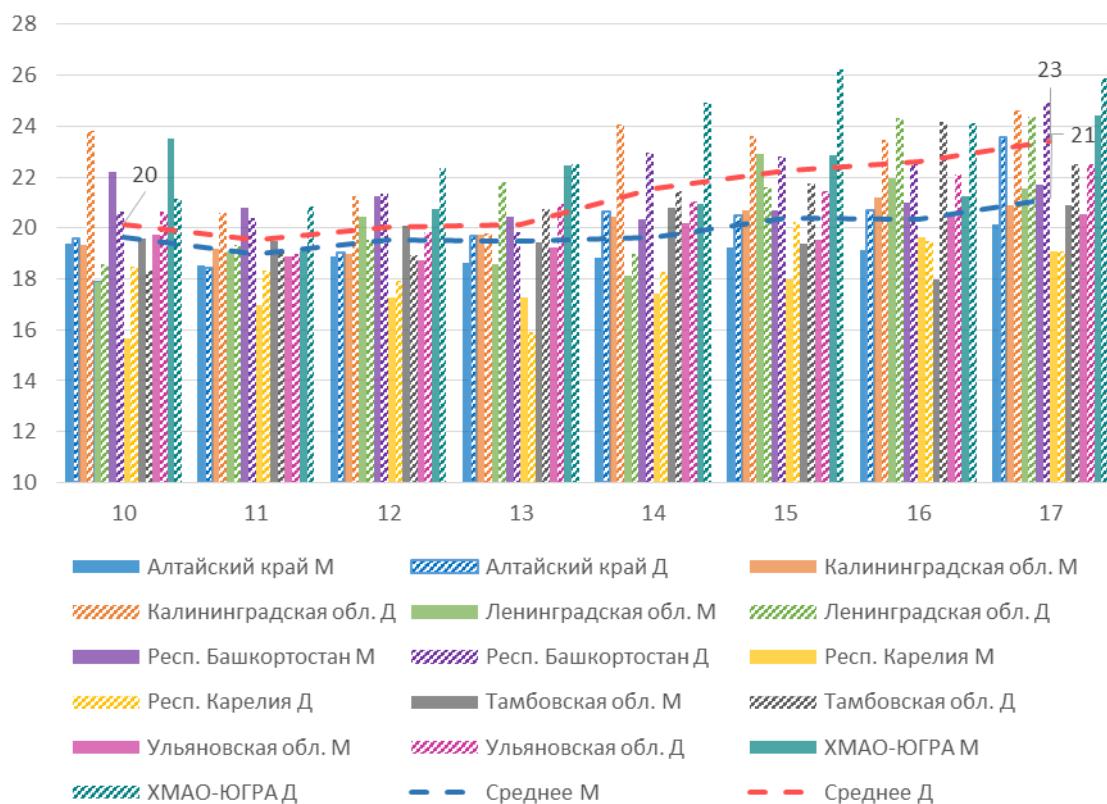
Таблица 4. Распределение ответов респондентов о расходах на здоровье ребенка в месяц в разных регионах, %

	Алтайский край	Калининградская обл.	Ленинградская обл.	Респ. Башкортостан	Респ. Карелия	Тамбовская обл.	Ульяновская обл.	ХМАО-ЮГРА
Менее 1 тыс. руб.	40,6	39,4	39,6	39,6	46,3	39,6	41,0	35,8
Примерно 3 тыс. руб.	30,2	26,3	26,4	27,6	23,8	28,7	27,9	27,6
Примерно 5 тыс. руб.	12,6	13,6	12,1	13,6	11,2	12,8	13,0	15,1
Примерно 10 тыс. руб.	4,1	4,9	4,8	5,6	3,4	4,6	4,6	6,0
Примерно 20 тыс. руб.	0,8	1,2	1,0	1,1	0,8	0,9	1,0	1,2
Более 20 тыс. руб.	0,6	1,2	0,9	1,0	0,7	0,9	0,7	1,3
Затрудняюсь ответить	11,1	13,4	15,3	11,5	13,9	12,6	11,8	13,2

Ожидаемо, что траты на здоровье увеличиваются с возрастом ребенка. Если в 10-летнем возрасте расходы в этой категории составляют в среднем по рассматриваем регионам 19,9% от регионального прожиточного минимума в месяц, то на здоровье 17-летнего ребенка – 22,3% (рисунок 7). В среднем по всем возрастам наибольшие расходы наблюдаются в ХМАО (22,7% регионального п.м.), в Республике Башкортостан (21,5%) и в Калининградской области (21,4%), наименьшие траты – в Алтайском крае (19,7%). Вероятно, это связано со снижением уровня здоровья детей по мере их взросления, что отмечается проводимыми диспансеризациями (Баранов и др. 2017).

Заметные различия в уровне расходов на здоровье девочек и мальчиков отмечены с 13-летнего возраста. К концу рассматриваемого нами возрастного интервала расходы на здоровье девочек в среднем по 8 регионам составляют 23,4% от регионального п.м., на мальчиков – 21,2%. Наибольший рост расходов на здоровье девочек с 10 до 17 лет наблюдается в Ленинградской области (+5,8 п.п.), ХМАО (+4,7 п.п.), на здоровье мальчиков – в Ленинградской области (+3,6 п.п.) и в Республике Карелия (+3,4 п.п.).

Рисунок 7. Средние траты на здоровье по полу и возрасту ребенка в восьми регионах относительно регионального прожиточного минимума, %

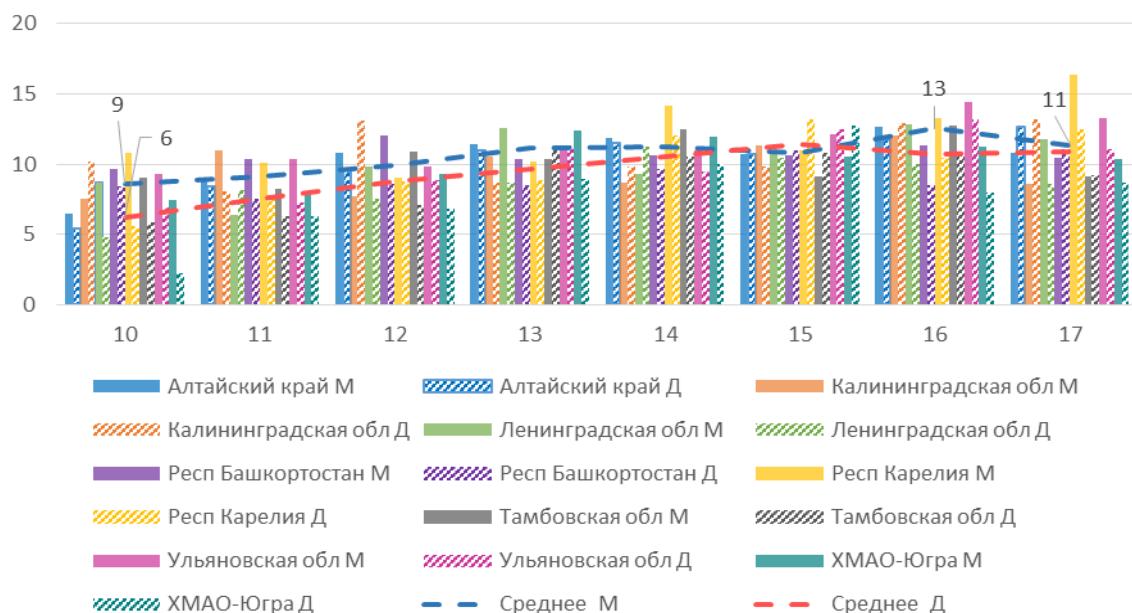

Источник: Расчеты авторов.

С 10 до 13 лет наблюдается большая доля имеющих ограничения по здоровью среди мальчиков по сравнению с девочками (рисунок 8). При этом к 17 годам в среднем по регионам равная доля девочек и мальчиков имеют ограничения по здоровью. Наибольшая доля мальчиков, имеющих ограничения по здоровью, отмечена в возрасте 16 лет – в среднем по регионам 13%. Однако в некоторых регионах высокая доля имеющих ограничения по здоровью сохраняется и среди 17-летних молодых людей – 16% в Республике Карелия и 13% в Ульяновской области.

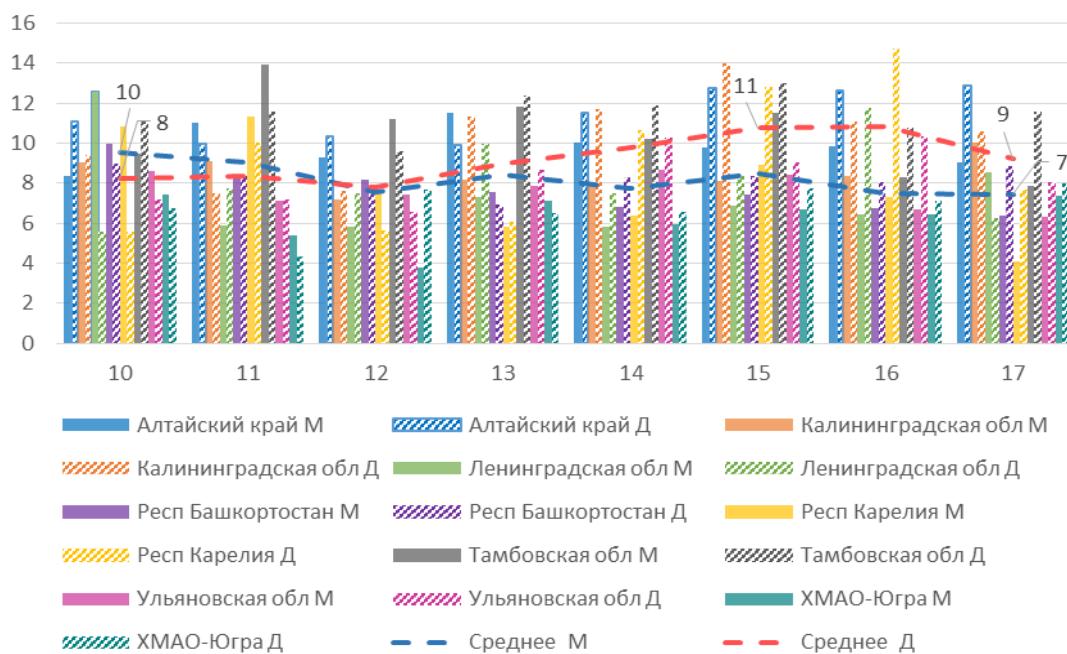
Анализ наличия официально оформленной инвалидности по полу и возрасту в рассматриваемых регионах провести не удалось ввиду малого числа наблюдений в предлагаемом разрезе. Однако в среднем по всем регионам, несмотря на почти равное распределение наличия официальной инвалидности среди мальчиков и девочек в возрасте 10 лет (1,3 и 1,4% соответственно), к 17 годам распределение меняется в сторону девочек: в среднем по регионам 2,6% девочек и 2% мальчиков имеют официально оформленную инвалидность.

Рисунок 8. Распределение детей, имеющих ограничения по здоровью, в восьми регионах по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

Рисунок 9. Распределение детей, болевших ОРВИ за последний год 5 и более раз в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

Так же, как и в случае ограничений по здоровью, более частые простудные заболевания наблюдаются в младших возрастах у мальчиков, по сравнению с девочками (рисунок 9). Однако после 12 лет распределение смещается в сторону девочек, достигая

максимума к 15-16 годам, когда доля девочек, болевших за прошедший год ОРВИ 5 и более раз, достигает в среднем по регионам 10,8%, тогда как среди мальчиков доля в этом же возрастном интервале в среднем составляет 8%. Более частые болезни могут говорить и о большем внимании к своему здоровью со стороны девочек или их родителей, что косвенно может указывать на формирование определенного паттерна самосохранительного поведения.

Безусловно, расходы на ребенка напрямую связаны с уровнем достатка. При этом сокращение расходов ведет к снижению качества жизни детей: отсутствие дополнительного образования ухудшает оценки в школе, плохое питание коррелирует с плохим здоровьем. Однако наличие у ребенка ограничений по здоровью или инвалидности ожидаемо повышает траты на его медицинское обслуживание. Это снова приводит нас к тому, что в материально уязвимую группу попадают семьи с нездоровыми детьми, за которыми требуется особый уход, лекарства. Зачастую общественных (государственных) расходов на помощь семьям с детьми-инвалидами не хватает в полной мере, в связи с этим финансовая нагрузка, связанная с оплатой соответствующих услуг, ложится на семейный бюджет (Lukemeyer, Meyers, Smeeding 2000; Burton, Phipps 2009). Соответственно, большая материальная помощь должна оказываться семьям с одним кормильцем или семьям с ребенком с ограниченными возможностями здоровья.

Заключение

Повышенное внимание в научных кругах к вопросам детства и благополучия детей в последние годы свидетельствует о том, что данная тема чрезвычайно важна для понимания и оценки уровня жизни этой группы населения. Важным аспектом и составляющей благополучия ребенка является материальное благополучие его семьи. Немаловажной статьей расходов в семьях, воспитывающих одного и более детей, оказываются траты на детские нужды. Именно в контексте затрат на ребенка материальное благополучие определяется не только как возможность владения определенными материальными благами, но и как элемент в системе жизнедеятельности, оказывающий непосредственное влияние на доступ к дополнительному образованию и спортивным занятиям, на качество питания и состояние здоровья – словом, становится фактором благоприятного социального самочувствия семьи в настоящем и успешного развития ребенка в будущем.

В данной работе было выявлено, что значимыми факторами, повышающими вероятность более высоких расходов на дополнительное образование ребенка, кроме места проживания, субъективной оценки материального положения домохозяйства и наличия у родителей высшего образования, являются состав домохозяйства, а именно число детей и высокая успеваемость в школе. Среди факторов, повышающих вероятность высоких трат на здоровье следует отметить также состав домохозяйства (в частности, проживание со старшим поколением, а также наличие более двух детей в домохозяйстве), низкая оценка материального благополучия, а также наличие у ребенка ограничений по здоровью или официально оформленной инвалидности, частые простудные заболевания и плохой рацион питания. Занятия ребенка спортом снижают вероятность высоких расходов на его здоровье.

Кроме того, мы наблюдаем, что с возрастом ребенка увеличиваются расходы по всем рассматриваемым нами статьям. В частности, при рассмотрении ответов

респондентов о тратах на дополнительное образование ребенка, начиная с его 15-летнего возраста, увеличивается доля ответов о наибольших суммах: «примерно 20 тыс. рублей» и «более 20 тыс. рублей». Это можно объяснить усиленной подготовкой в старших классах к поступлению в высшие учебные заведения. Аналогичная тенденция и в расходах на здоровье ребенка. Однако стоит отметить, что если в случае с расходами на дополнительное образование наблюдалось более равномерное распределение, то расходы на здоровье ребенка вне зависимости от возраста преимущественно не превышают 5 тыс. рублей в месяц.

Пол ребенка, наряду с его возрастом, является значимым фактором уровня расходов на дополнительное образование и здоровье. При рассмотрении распределения по полу детей, посещающих кружки дополнительного образования, было выявлено сильное смещение в пользу девочек в творческих занятиях (музыка, рисование, танцы), а также в дополнительных занятиях по школьным предметам и иностранным языкам. Мальчики значительно чаще девочек посещают спортивные секции и занятия по робототехнике и программированию. В связи с тем, что девочки чаще мальчиков посещают существенно большее количество различных занятий, можно сделать вывод, что девочки зачастую больше мальчиков оказываются включенными в систему дополнительного образования. Это в свою очередь влияет на уровень расходов их родителей на эту сферу. Соотношение стоимости различных кружков остается дискуссионным вопросом, поскольку авторам удалось найти информацию об уровне цен лишь на очень ограниченный перечень образовательных услуг для детей школьного возраста. Кроме того, в этом вопросе существенным фактором может стать регион проживания и доступность таких кружков.

Стоит также отметить, что более низкие расходы на дополнительное образование мальчиков могут быть связаны с тем, что мальчики чаще посещают кружки и секции, предоставляемые на бесплатной основе (например, спортивные секции при общеобразовательном учреждении). Это в свою очередь может влиять на формирование предпочтений при выборе дополнительных занятий для ребенка. Однако проверить это на данных настоящего опроса мы не можем. Кроме того, респондентам не задавали вопросы о том, на какой основе (платной или бесплатной) ребенок посещает те или иные внешкольные занятия.

При рассмотрении расходов на здоровье мы выявили, что если в младших из рассматриваемых нами возрастах большие траты наблюдаются среди родителей мальчиков, то начиная с 13 лет в расходах на дополнительное образование и здоровье появляется дисбаланс в пользу девочек. Более высокие траты на здоровье девочек отчасти могут быть объяснены тем, что к 17-летнему возрасту большая доля девочек по сравнению с мальчиками имеет ограничения по здоровью, а также чаще болеет простудными заболеваниями. Кроме того, наблюдается существенная разница в доле мальчиков и девочек, занимающихся спортом (не в пользу последних), что может быть фактором как более частых простудных заболеваний у девочек, так и более высоких расходов на их здоровье.

Доступ к образованию и хорошее состояние здоровья детей – неотъемлемый вклад в формирование человеческого капитала. В условиях возникновения новых экономических вызовов необходимо обратить особое внимание на поддержку семей с детьми разных возрастов. Кроме того, необходимо разработать эффективные механизмы ее работы, в том числе за счет разработки адресных мер исходя из состава домохозяйства или же из

структуры трат семей с детьми (например, за счет предоставления льгот в учреждениях дополнительного образования).

Литература

- Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Терлецкая Р.Н., Байбарина Е.Н., Чумакова О.В., Устинова Н.В., Антонова Е.В. (2017). Оценка качества проведения профилактических медицинских осмотров несовершеннолетних в Российской Федерации. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 25(1), 23-29.
<http://dx.doi.org/10.1016/0869-866X-2017-25-1-23-29>
- Бессуднов А.Р., Малик В.М. (2016). Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы. *Вопросы образования*, 1, 135-167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>
- Богданов М.Б., Малик В.М. (2020). Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(157), 391-421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>
- Гусева Т.В. (2013). Роль карманных денег в экономической социализации подростков. *Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований*, 4, 259-264.
- Елизаров В.В., Синица А.Л. (2019). Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения. *Уровень жизни населения регионов России*, 15(2), 63-75.
<https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10065>
- Кислицына О.А. (2018). Международный опыт измерения качества жизни (благополучия) детей. *Проблемы современной экономики*, 3(67), 103-106.
- Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. (2022). Семьи с детьми старшего школьного возраста: потребность в социальной поддержке. *Народонаселение*, 25(3), 153-162.
<https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.12>
- Кузнецов К.В. (2023) Оценка уровня потребления детьми в домохозяйствах. *Статистика и экономика*, 20(4), 12-20. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2023-4-12-21>
- Овчарова Л.Н. (Ред.) (2019). Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки. Москва: Изд. дом ВШЭ, 157 с.
- Asfaw A., Lamanna F., Klasen S. (2010). Gender gap in parents' financing strategy for hospitalization of their children: evidence from India. *Health economics*, 19(3), 265-279.
<https://doi.org/10.1002/hec.1468>
- Autor D., Figlio D., Karbownik K. et al. (2019). Family disadvantage and the gender gap in behavioral and educational outcomes. *American economic journal: applied economics*, 11(3), 338-381. <https://doi.org/10.1257/app.20170571>
- Barcellos S., Carvalho L., Lleras-Muney A. (2012). Child gender and parental investments in India: Are boys and girls treated differently? *American economic journal: applied economics*, 6(1), 157-189. <https://doi.org/10.1257/app.6.1.157>

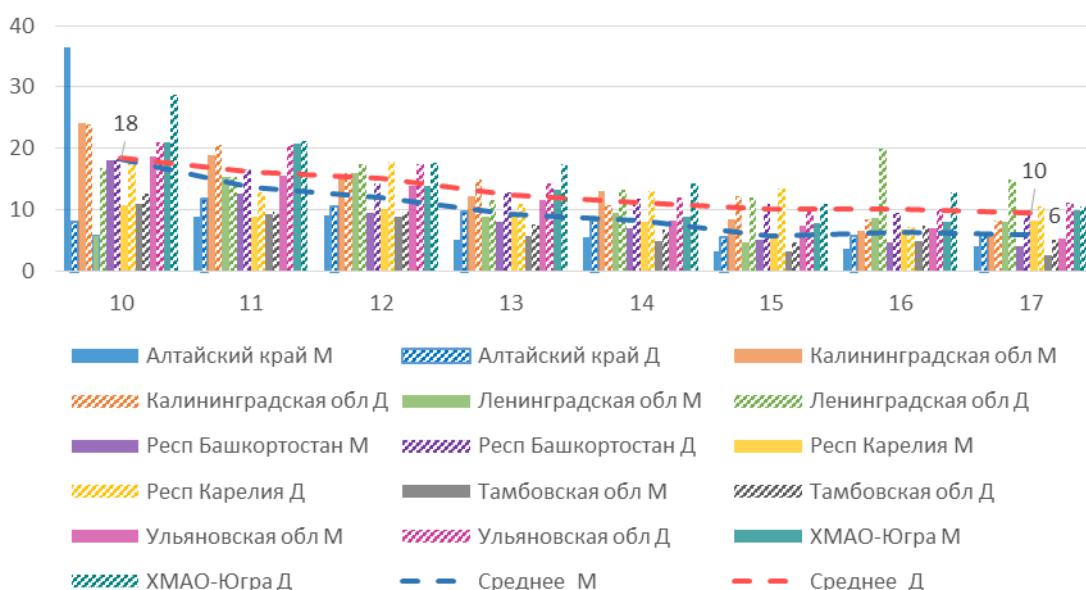
- Beardsmore R., Siegler V. (Eds.) (2014). *Measuring national well-being – exploring the well-being of children in the UK*. Office for national statistics.
https://www.basw.co.uk/system/files/resources/basw_20243-4_0.pdf
- Behrman J.R., Pollak R.A., Taubman P.J. (1986). Do parents favor boys? *International economic review*, 27(1), 33-54. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.321326>
- Behrman J. (1988). Intrahousehold allocation of nutrients in rural India: Are boys favored? Do parents exhibit inequality aversion? *Oxford economic papers*, 40(1), 32-54.
<https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.09.051>
- Bertrand M., Pan J. (2013). The trouble with boys: Social influences and the gender gap in disruptive behavior. *American economic journal: applied economics*, 5(1), 32-64.
<https://doi.org/10.1257/app.5.1.32>
- Blau D., Currie J. (2006). Pre-school, day care, and after-school care: Who's minding the kids? *Handbook of the economics of education*, 2, 1163-1278.
- Burton P., Phipps S. (2009). Economic costs of caring for children with disabilities in Canada. *Canadian public policy*, 35(3), 269-290. <https://doi.org/10.1353/cpp.0.0022>
- Conti G., Heckmann J.J. (2012). *The economics of child well-being*. NBER Working Paper, 18466. Cambridge, MA: National bureau of economic research. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9063-8_21
- Cunha F., Heckman J. (2007). The technology of skill formation. *American economic review*, 97(2), 31-47. <https://doi.org/10.1257/aer.97.2.31>
- Durante K.M., Griskevicius V., Redden J.P., White A.E. (2015). Spending on daughters versus sons in economic recessions. *Journal of consumer research*, 42, 435-457.
<https://doi.org/10.1093/jcr/ucv023>
- Fazrin I., Daha K.K., Musa K.I. (2022). The role of parents in preparing balanced menu with children's nutritional status. *Journal of nursing practice*, 5(2), 229-238.
<https://doi.org/10.30994/jnp.v5i2.149>
- Hao L., Yeung W.J. (2015). Parental spending on school-age children: structural stratification and parental expectation. *Demography*, 52(3), 835-860. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0386-1>
- Jordan A., Rees E. (2020). *Children's well-being indicator review*. UK: Office for National Statistics. www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/wellbeing/articles/childrenswellbeingindicatorreviewuk2020/2020-09-02
- Karbownik K., Myck M. (2016). Who gets to look nice and who gets to play? Effects of child gender on household expenditures. *Review of economics of the household*, 15, 925-944.
<https://doi.org/10.1007/s11150-016-9328-y>
- Kornrich S., Furstenberg F.F. (2013). Investing in children: changes in parental spending on children, 1972–2007. *Demography*, 50, 1-23. <https://doi.org/10.1007/s13524-012-0146-4>
- Lukemeyer, A., Meyers, M.K. Smeeding, T. (2000). Expensive children in poor families: out-of-pocket expenditures for the care of disabled and chronically ill children in welfare families. *Journal of marriage and family*, 62, 399-415. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2000.00399.x>

Lundberg S., Rose E. (2004). Investments in sons and daughters: Evidence from the consumer expenditure survey. In A. Kalil, T. DeLeire (Eds.), *Family investments in children: Resources and parenting behaviors that promote success* (pp. 163-180). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

OECD (2015). How's life? 2015: measuring well-Being. Paris: OECD Publishing.
https://doi.org/10.1787/how_life-2015-en

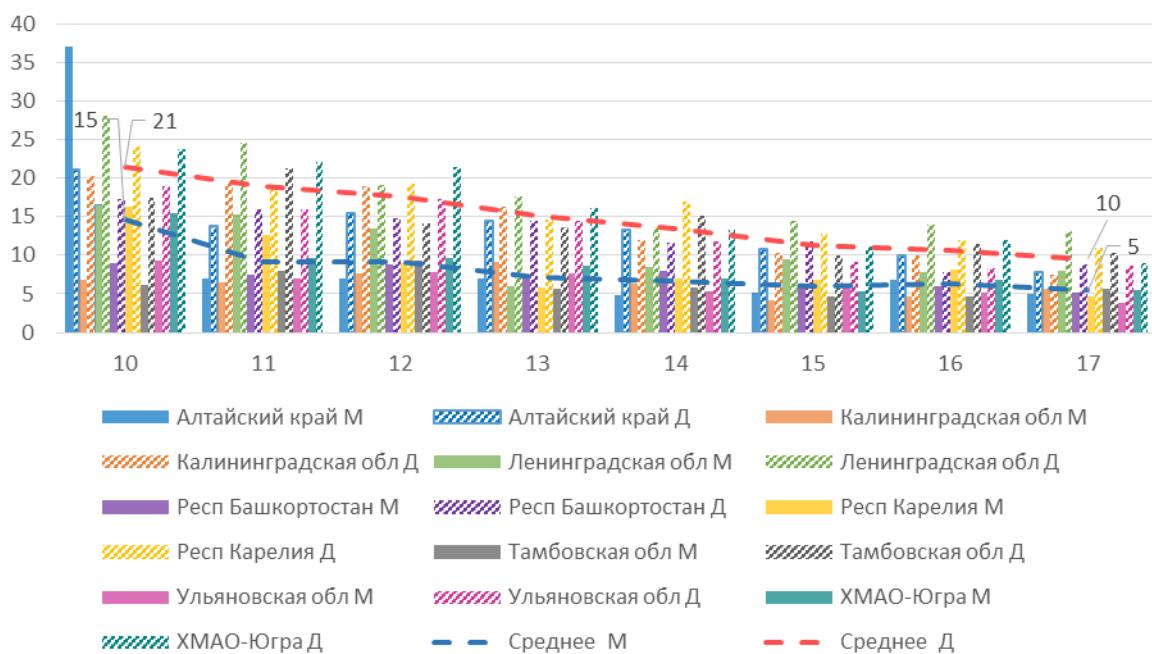
Приложения

Рисунок П1. Распределение детей, посещающих иностранные языки в восьми регионах, по возрасту и полу, %

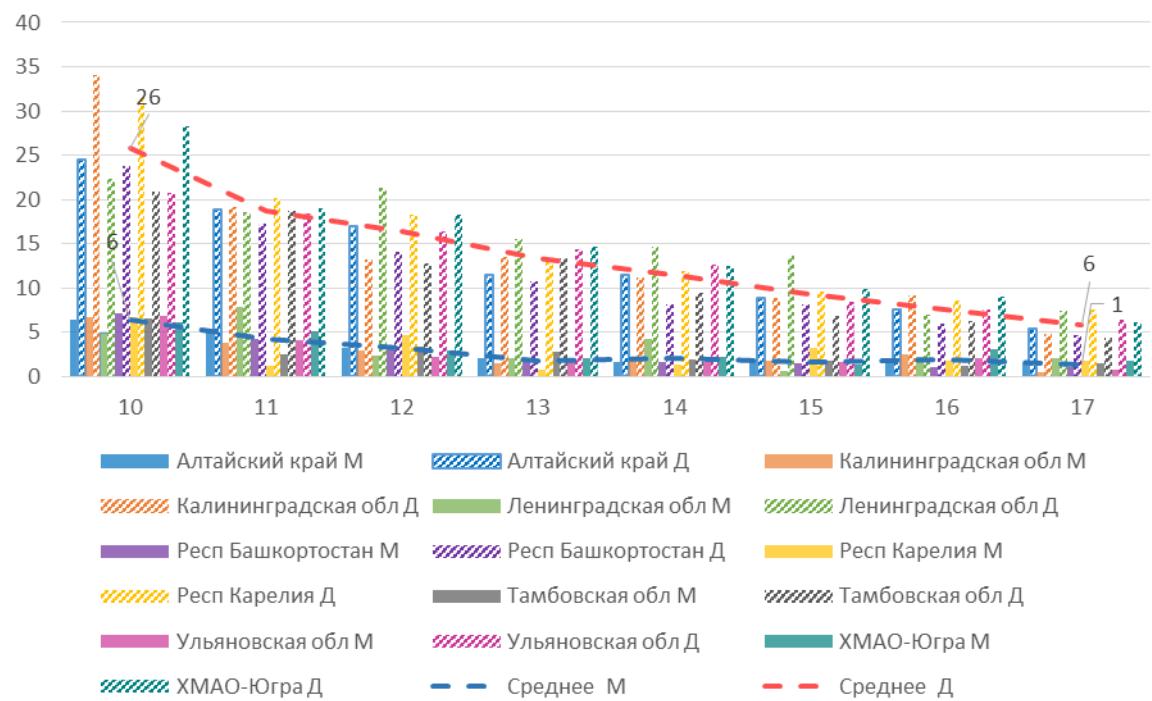
Источник: Расчеты авторов.

Рисунок П2. Распределение детей, посещающих иностранные языки в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

Рисунок П3. Распределение детей, посещающих занятия по рисованию и лепке в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

Этнодемографические процессы у удмуртов во второй половине 1930-х – 1950-х годах

Наталья Викторовна Чернышева
(natiche84@mail.ru), Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Россия.

Альбина Исламовна Ажигулова
(azhigylova@mail.ru), Оренбургский государственный педагогический университет, Россия.

Сергей Николаевич Уваров
(sergey.uvarov@mail.ru), Удмуртский государственный аграрный университет, Россия.

Ethnodemographic processes among the Udmurts from the mid-1930s through the 1950s

Natalya Chernysheva
(natiche84@mail.ru), Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Albina Azhigulova
(azhigylova@mail.ru), Orenburg State Pedagogical University, Russia.

Sergey Uvarov
(sergey.uvarov@mail.ru), Udmurt State Agrarian University, Russia.

Резюме: В статье рассматриваются этнодемографические процессы у удмуртов во второй половине 1930-х – 1950-х годах. В рамках исследования определены этнодемографические изменения у удмуртов, произошедшие на старте демографического перехода данной этнической общности. Авторы используют сведения Всесоюзных переписей населения 1937, 1939, 1959 г. и данные текущего учета, а именно форму 3, позволившую проанализировать процессы воспроизведения у удмуртов в региональном разрезе. Исследователи выделяют основные регионы присутствия удмуртов, анализируют динамику численности, состав удмуртов в изучаемых регионах. Вследствие индустриализации удельный вес удмуртов в наиболее урбанизированных регионах их присутствия увеличился, данная тенденция сохранилась и в послевоенный период. В Удмуртской АССР численность и удельный вес этнических удмуртов сократились. Во второй половине 1930-х годов у удмуртов еще сохраняется традиционный тип воспроизведения. Показатели рождаемости были высокими, так же как и уровень смертности, в общей структуре которого существенной была смертность младенцев. Голод, социально-экономические преобразования, внутри- и внешнеполитические процессы оказали сильное воздействие на воспроизведение населения. К концу 1930-х годов у удмуртов, проживающих в городах, прослеживаются изменения в демографическом поведении. К концу 1950-х годов в результате воздействия Великой Отечественной войны и социально-экономических изменений послевоенного времени у удмуртов происходят существенные изменения в процессах воспроизведения населения.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, удмурты, демографический переход, Всесоюзные переписи населения 1937, 1939, 1959 г.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604.

Для цитирования: Чернышева Н.В., Ажигулова А.И., & Уваров С.Н. (2024). Этнодемографические процессы у удмуртов во второй половине 1930-х – 1950-х годах. Демографическое обозрение, 11(2), 86-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21828>

Abstract: The article examines the ethnodemographic processes among the Udmurts from the mid-1930s through the 1950s. The study identified ethnodemographic changes in Udmurts that occurred at the start of the demographic transition of this ethnic group. The authors use information from the All-Union Population censuses of 1937, 1939, 1959 and current accounting data, namely Form 3, which made it possible to analyze the reproduction processes of Udmurts in the regional context. Researchers identify the main regions of the Udmurts' presence. Then, on the basis of information from the All-Union Population censuses, the dynamics of the number and composition of Udmurts in the studied regions are analyzed. Due to industrialization, the share of Udmurts in the most urbanized regions of their presence increased, a trend which continued in the post-war period. In the Udmurt ASSR, the number and proportion of Udmurts decreased.

In the second half of the 1930s, the Udmurts still had a traditional type of reproduction. Fertility was high, as was mortality, in the overall structure of which infant mortality was significant. Famine, socio-economic transformations,

domestic and foreign policy had a strong impact on the reproduction of the population. By the end of the 1930s, Udmurts living in cities were experiencing changes in demographic behavior.

By the end of the 1950s, as a result of the impact on demographic processes of the Great Patriotic War and the socio-economic changes of the post-war period, the Udmurts were experiencing significant changes in the processes of reproduction of the population.

Keywords: ethno-demographic processes, udmurts, demographic transition, the USSR Population Censuses 1937, 1939, 1959.

Funding: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant № 23-28-01604.

For citation: Chernysheva N., Azhigulova A., & Uvarov S. (2024). Ethnodemographic processes among the udmurts from the mid-1930s through the 1950s . Demographic Review, 11(2), 86-99.

<https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21828>

Введение и постановка проблемы

Россия – многонациональное государство, поэтому этнический аспект в отечественной демографии имеет особую значимость. Между тем демографические процессы у различных народов нашей страны изучены неравномерно. Одна из основных причин заключается в том, что данных переписей для этнодемографических исследований недостаточно. Требуется привлечение и сведений текущего учета, но здесь возникают сложности в их получении из-за дисперсного расселения этнических общностей. В масштабах всей страны текущая статистика демографических событий собиралась лишь по некоторым народам. Удмурты в их число не входили.

Удмурты – крупный финно-угорский народ, в основном проживающий в центральной части России: в Поволжье и на Урале. В 1920 г. они получили свою государственность, однако в Удмуртии проживает далеко не полная их часть. Следовательно, чтобы представить демографические процессы у удмуртов, требуется расширить географические рамки, включив в них не только территорию собственно Удмуртской Республики, но и других мест компактного их проживания. С учетом удмуртов Башкортостана, Татарстана, Кировской, Пермской, Свердловской областей получается практически полный охват этой национальности.

Вторая половина 1930-х и конец 1950-х годов являются удобным периодом для того, чтобы представить картину демографических изменений у удмуртов в регионах их наибольшего присутствия благодаря возможности использования в наиболее полном виде источников демографической статистики. После выполнения этой задачи можно расширять временные рамки исследования.

Также период интересен глубокими переменами, произошедшими в стране. Социально-экономические и внутри- и внешнеполитические процессы в 1930-е годы в значительной степени изменили демографическую картину. А Вторая мировая война внесла еще более значимые корректировки. Используя материалы переписей и сведения текущей статистики, авторы определят данные изменения на старте демографического перехода у удмуртов, скорректированные в результате внешнего воздействия.

В исследовании представлены регионы наибольшего присутствия удмуртов, как они тогда назывались: Удмуртская АССР, Башкирская АССР, Татарская АССР, Кировская, Пермская и Свердловская области. В изучаемый период происходили изменения административно-территориального характера и наименований территориальных образований. В 1934 г. была образована Свердловская область, а в 1938 г. из ее состава выделилась Пермская область, именовавшаяся с 1940 по 1957 г. Молотовской. В 1936 г. Удмуртская АССР была выделена из состава Кировского края и образована Кировская область. В 1937 и 1939 г. в состав Удмуртской АССР передано еще пять районов Кировской области. Данные изменения мы учитывали при анализе демографических данных.

Обзор исследований и информационная база

Определенные сведения о демографических процессах у удмуртов рассматриваемого периода можно почертнуть в обобщающих этнодемографических исследованиях (Бондарская 1977; Козлов 1982). Но как уже говорилось, главная особенность данных трудов в том, что они построены в основном на переписных данных. Более подробные сведения содержатся в региональных исследованиях (Пименов 1993; Лаллукка 1997),

однако и они используют переписи. Данные текущего учета использовались изредка (Уваров 2019а; 2019б), и лишь применительно к удмуртам Удмуртии. То есть можно сделать вывод, что заявленная тема является малоизученной.

Исследование основывается на использовании данных переписей населения и текущего учета населения. Всесоюзные переписи населения 1937, 1939, 1959 г. содержат сведения о численности, составе, расселении удмуртов. Сведения о процессах воспроизводства удмуртов представлены в данных текущего учета населения, система которого к середине 1930-х годов уже сформировалась. Разработанные и утвержденные ЦУНХУ СССР формы текущего учета населения предусматривали сбор отдельных демографических сведений по национальностям. В частности, форма 3 включала сведения о родившихся, умерших, младенческой смертности. «Инструктивные указания» определяли, что форма 3 заполнялась на 7 национальностей: русские, украинцы, белорусы, казахи, армяне, татары, евреи. В Советских республиках в нее могли быть включены и другие народы. В регионах РСФСР по усмотрению статистических органов могли быть выделены 2-3 национальности, изучение процессов воспроизводства которых для данного территориального образования наиболее востребовано.

В процессе исследования авторы не выявили форму 3 за 1937 г. (кроме Удмуртской АССР). С 1940 г. составляться она вообще перестала. В послевоенное время к ее заполнению вернулись лишь в 1958 г. Однако удмурты в графе «национальность» в формах учета присутствовали: в Удмуртии – до 1996 г. включительно; Башкирской АССР – до 1980 г.; Татарской АССР – до 1969 г.; в Кировской области – в 1958 и 1959 г. Таким образом, наиболее полные сведения об этнодемографических процессах удмуртов имеются по довоенному периоду и 1958-1959 гг.

Результаты

Для анализа этнодемографических процессов вначале обратимся к сведениям о расселении и составе удмуртов. Практически все они проживали в РСФСР. Удельный вес удмуртов в других союзных республиках был незначительным, хотя постепенно увеличивался и к 1959 г. составлял уже 1,5% от численности всех удмуртов в СССР. В пределах России расселение удмуртов было компактным: большинство их проживало в изучаемых территориальных образованиях РСФСР. Их распределение по областям и республикам показано в таблице 1 и на рисунке 1. Как можно заметить, преобладающее число удмуртов проживало в Удмуртской АССР, почти каждые четверо из пяти. За рассматриваемое время численность удмуртов в «родной» республике выросла на 4,2%, а диаспоры – на 33,6%, из чего следует вывод о миграции. Благодаря переселениям удмуртов за пределы Удмуртии сокращался удельный вес проживающих в титульной республике в составе всего удмуртского населения. В 1959 г. в Удмуртии проживало уже 76,2% от числа всех удмуртов.

Следующим по значимости регионом для удмуртов была Кировская область. Правда, в этой области доля удмуртов сократилась вдвое вследствие передачи осенью 1937 г. в состав Удмуртской АССР четырех районов, а в 1939 г. – еще одного. В Татарской и Башкирской АССР проживало примерно равное количество удмуртов, в каждой чуть более 4%. Но если в Башкирии численность удмуртов несколько выросла, то в ТАССР за рассматриваемый период она упала. Поэтому эти республики поменялись местами в

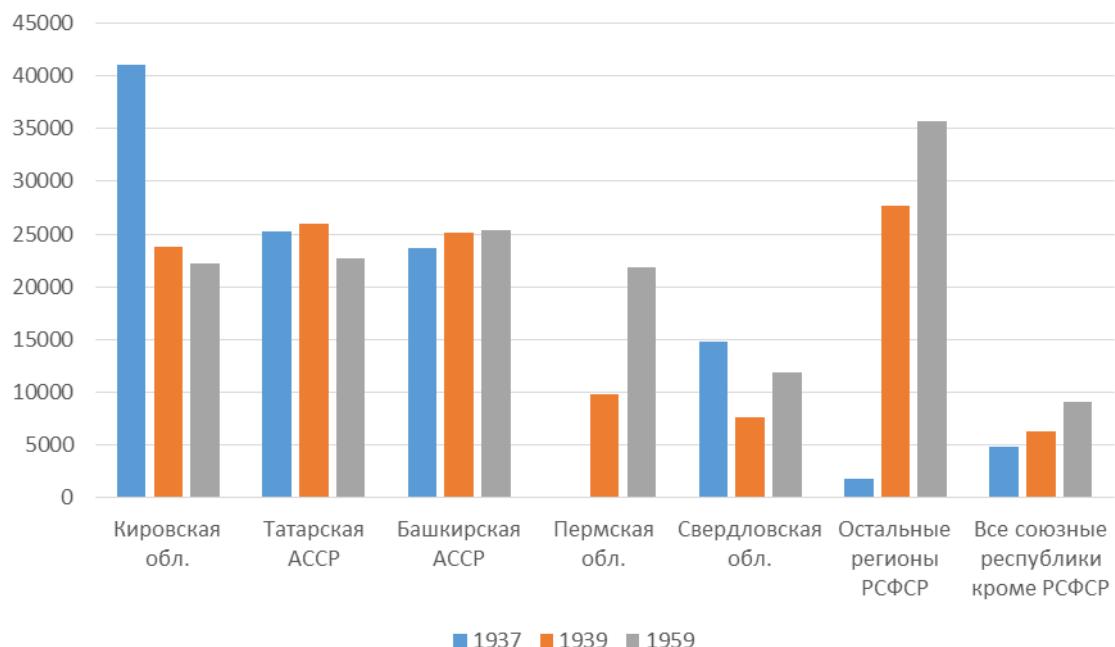
списке регионов с наибольшим присутствием удмуртов. При этом удельный вес удмуртов сократился в обеих автономных республиках.

Таблица 1. Численность удмуртского населения по данным Всесоюзных переписей населения 1937, 1939, 1959 гг.

	ВПН 1937 г.		ВПН 1939 г.		ВПН 1959 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
СССР	568268	100,0	606326	100,0	624794	100,0
РСФСР	563404	99,1	600005	99,0	615640	98,5
Удмуртская АССР	456801	80,4	480014	79,2	475913	76,2
Кировская область	41064	7,2	23845	3,9	22201	3,6
Татарская АССР	25257	4,4	25932	4,3	22657	3,6
Башкирская АССР	23656	4,2	25103	4,1	25388	4,1
Пермская обл.	14831	2,6	9781	1,6	21888	3,5
Свердловская область			7684	1,3	11949	1,9
Остальные регионы РСФСР	1795	0,3	27646	4,6	35644	5,7
Все союзные республики, кроме РСФСР	4864	0,9	6321	1,0	9154	1,5

Источники: Жиромская, Поляков 2007: 86-90; Всесоюзная перепись населения 1939 г.^{1,2}; Всесоюзная перепись населения 1959 г.^{3,4}.

Рисунок 1. Расселение удмуртов вне Удмуртской АССР в 1937, 1939 и 1959 г., чел.

А вот в Свердловской и Пермской областях в результате послевоенных миграций доли удмуртов в общем составе удмуртского населения выросли. Особенно заметно это

¹ Национальный состав населения по республикам СССР.

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php (дата обращения: 28.09.2023).

² Национальный состав населения по регионам России.

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=0 (дата обращения: 28.09.2023).

³ Национальный состав населения по республикам СССР.

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 28.09.2023).

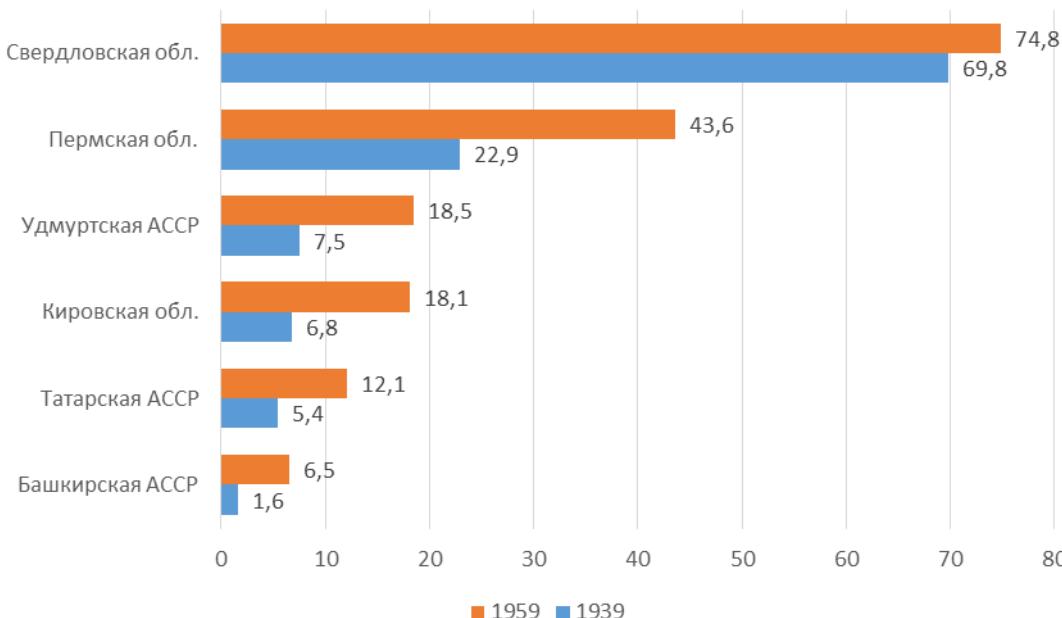
⁴ Национальный состав населения по регионам России. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (дата обращения: 28.09.2023).

было в Пермской области, где более чем удвоились и численность, и удельный вес удмуртов. Значительное увеличение произошло и в целом в остальных регионах РСФСР.

В общем объеме населения рассматриваемых регионов удмурты выделялись только в Удмуртской АССР, где сначала почти половина жителей относилась к титульной национальности, но первая послевоенная перепись зафиксировала лишь чуть больше трети их представителей. В Кировской области удельный вес удмуртов не превышал двух процентов, а в остальных – и одного.

К 1939 г. удмурты оставались в основном сельской нацией. Наименее урбанизированными они были в Башкирской, Татарской АССР, Кировской области, Удмуртской АССР (рисунок 2). Несмотря на активный переезд из деревень, лишь в Свердловской области в городских поселениях проживало большинство удмуртов, а в Пермской области – довольно заметная часть. В остальных рассматриваемых регионах даже к концу 1950-х годов удмурты продолжали оставаться селянами.

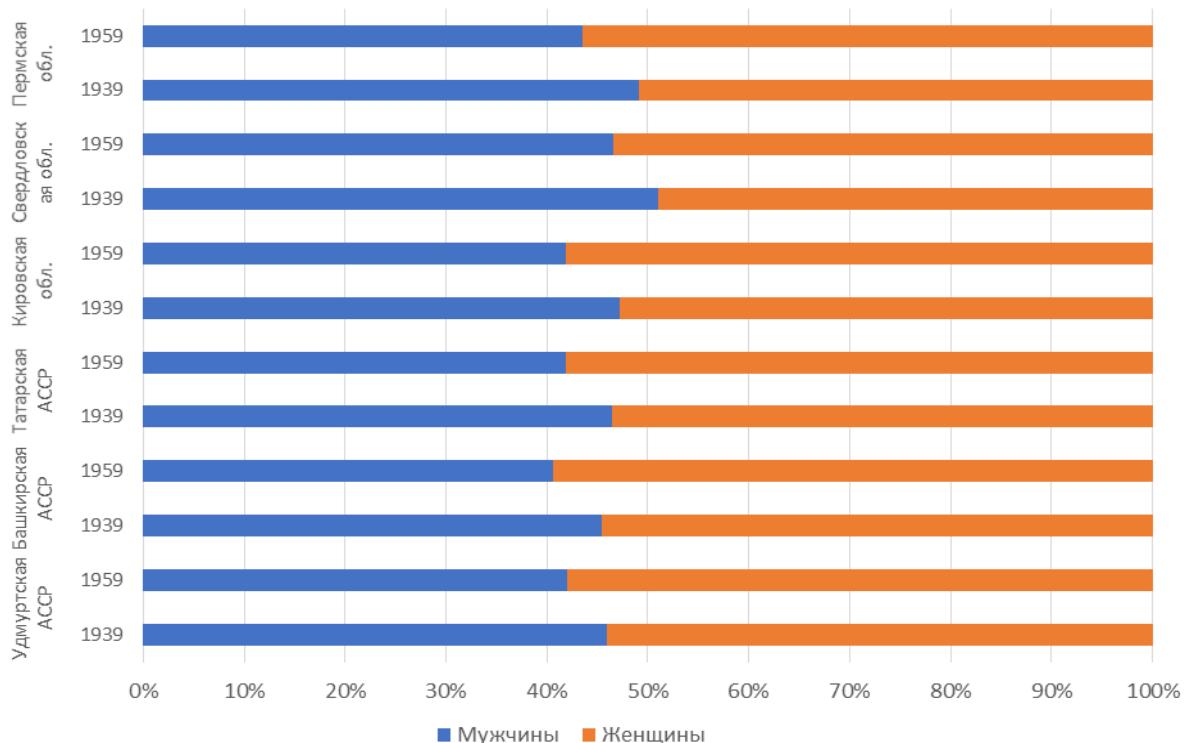
Рисунок 2. Доля городских удмуртов в общей массе удмуртского населения региона, %

Сведения о распределении удмуртов по полу в регионах их наибольшего присутствия представлены на рисунке 3. В 1939 г. в большинстве регионов доля женщин-удмурток преобладала, за исключением сильно урбанизированной Свердловской области, куда на работу в города отправлялись преимущественно мужчины. Наиболее высокая доля женщин была в Башкирской и Удмуртской АССР (более 54%). Пограничное положение занимала Пермская область, там доли мужчин (49%) и женщин (51%) были практически равны при незначительном преобладании вторых. В 1959 г. в результате гибели мужчин на фронтах Великой Отечественной войны гендерная диспропорция в пользу женщин увеличилась с более выраженным характером в аграрных регионах (более 58%, а в Башкирской АССР – даже более 59%). В Пермской области асимметрия оказалась менее яркой – 56,5%, а в Свердловской области доля женщин составляла 53,4%.

Владение удмуртским языком в качестве родного было распространено в регионах с преобладающим проживанием удмуртов в сельской местности. В 1939 г. в Удмуртской, Татарской, Башкирской АССР, Кировской области оно варьировалось в пределах 95–99%. В Свердловской и Пермской областях удмурты также преимущественно считали родным удмуртский язык, но процент таковых был существенно ниже (82,8 и 90,3% соответственно). Удельный вес удмуртов, признающих в качестве родного языка русский язык, был существенным и составлял в Свердловской области 16,6%, в Пермской – 9,5%⁵. Данный показатель ассимиляции особенно четко проявлялся в городах, где удельный вес удмуртов, считающих родным языком русский, значительно преобладал над аналогичным показателем в сельской местности. Например, в Удмуртской АССР в городской местности он составлял 8,9%, в сельской – 0,9%, в Пермской области – 22,5 и 5,6% соответственно⁶. Исключением следует считать лишь Свердловскую область, в которой процент владения русским языком как родным у удмуртов в сельской местности был довольно высоким (12,7%) и незначительно уступал аналогичному показателю в городских поселениях (18,2%)⁷. Во всех регионах русский язык в качестве родного языка преимущественно указывали мужчины.

Рисунок 3. Распределение удмуртского населения по полу в основных регионах проживания (по данным Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 г.), чел.

Обозначенные выше тенденции в численности, расселении и составе удмуртов оказывали определенное воздействие на процессы их воспроизводства. В 1935 г.

⁵ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 306: 10; Там же. Д. 323: 9.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 350: 9; Там же. Д. 306: 10.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 323: 9.

естественный прирост у удмуртов был положительным во всех изучаемых регионах, в том числе в городской и сельской местности. Лишь в Башкирской АССР в городских поселениях была зафиксирована естественная убыль⁸. Младенческие смерти (в возрасте до 1 года) вносили огромный вклад в общую смертность (таблица 2): от 27,8% в Башкирской АССР до 34,4% в Кировском крае⁹. Голод 1932–1933 гг. негативным образом сказался на организме матери и возможностях вынашивания плода. К числу других причин высоких показателей младенческой смертности следует отнести низкий уровень медицинского обслуживания, особенно в деревнях, тяжелый физический труд и др. Новорожденные умирали преимущественно от диареи, колита, диспепсии, заболеваний легких, врожденной слабости.

Таблица 2. Сведения о воспроизведстве удмуртов в основных регионах проживания, 1935–1939 гг., чел.

	Родившиеся без мертворожденных	Умершие		Естественный прирост
		всего	в том числе в возрасте до 1 года	
<i>1935 г.</i>				
Кировский край	21370	13151	4520	8219
в том числе Удмуртская АССР	19735	11894	4058	7841
Башкирская АССР	1125	496	138	629
Татарская АССР	1305	696	211	609
Свердловская область	462	258	75	204
<i>1936 г.</i>				
Удмуртская АССР	22679	17685	6842	4994
Башкирская АССР	1226	1007	365	219
Татарская АССР	1207	1000	324	207
Кировская область	1742	1542	613	200
Свердловская область	530	419	162	111
<i>1937 г.</i>				
Удмуртская АССР	20040	16167	5555	3873
<i>1938 г.</i>				
Удмуртская АССР	20600	15317	5076	5283
Башкирская АССР	1204	986	234	218
Татарская АССР	1137	809	224	328
Кировская область	1600	1262	476	338
Свердловская область	313	140	68	173
Пермская область	406	249	71	157
<i>1939 г.</i>				
Удмуртская АССР	24890	15423	6106	9573
Башкирская АССР	1448	751	279	697
Татарская АССР	1393	723	272	670
Кировская область	1302	769	366	533
Свердловская область	345	151	75	194
Пермская область	544	228	96	316

Источники: РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 44: 39-47, 98-99, 101, 104-106; Там же. Д. 60: 38-45, 103-108; Там же. Д. 124: 33-35, 83, 85-86, 105-107, 154-156, 200-202; Там же. Д. 152: 38-39, 41, 65-67, 118-119, 122, 166-169, 211-212; (Уваров 2019а: 667-668).

⁸ РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 44: 99.

⁹ РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 44: 39, 98.

В последующие предвоенные годы процессы воспроизводства населения будут скорректированы воздействием дополнительных внешних факторов.

27 июня 1936 г. издано Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»¹⁰. Негативными последствиями реализуемого постановления стали рост числа незаконных абортов, смертности женщин в репродуктивном возрасте и невозможность иметь детей вследствие осложнений. Постановление также ужесточило юридическую ответственность за невыплату алиментов (Нефедов 2017: 361) и ввело ряд правовых норм, касающихся семейного законодательства¹¹. Наряду с данными решениями, Постановление от 27 июня 1936 г. ввело комплекс мер помощи материнству и детству, направленных на поддержку рождаемости и расширение возможностей семей с детьми.

В 1936 г. младенческая смертность значительно возросла по сравнению с предыдущим годом во всех рассматриваемых регионах и составляла более трети всех умерших. За счет высокой рождаемости естественный прирост населения оставался положительным (таблица 2).

Обращаем внимание, что в 1936 г. Удмуртия пострадала от неурожая, оказавшегося гораздо более сильным, чем в 1932-1933 гг. В результате голода в 1936 г. смертность среди удмуртов увеличилась на 48,7% (Уваров 2019а: 670). В 1937 г. рождаемость среди удмуртов сократилась на 11,6% (в сельской местности – на 13,8%), общая смертность сократилась на 8,6%, смертность младенцев – на 18,8%, естественный прирост сократился на 22,4% (таблица 2).

В 1938 г. естественный прирост населения увеличился по сравнению с 1936 г. Так, в Удмуртской АССР он составил 5283 человека, в Свердловской области – 173. Младенческая смертность как важный индикатор уровня жизни населения колебалась в структуре общей смертности от очень высоких (23,3%) в Башкирской АССР до сверхвысоких (48,6%) показателей в Свердловской области.

Статистические сведения текущего учета и данных переписей населения 1939 и 1959 гг. позволяют расчетным путем установить некоторые демографические показатели (таблица 3).

В 1939 г. общий коэффициент рождаемости в изучаемых регионах варьировал от 39,1 до 47,6% и был выше, чем по РСФСР (38,4%) (Исупов 2015: 6) в целом, а уровень рождаемости у удмуртов (варьировал от 44,9 до 57,6%) был выше, чем в регионах расселения и по РСФСР в целом. Высокий уровень рождаемости увеличивал популяцию

¹⁰ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. №65/1134.

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#NIRcakS0Dij5PgG>.

¹¹ РГАЭ. Ф-4372. Оп. 38. Д. 1366: 12.

удмуртов в Кировской и Пермской областях, Удмуртской и Татарской АССР. В Башкирской АССР и Свердловской области естественный прирост соотносился с численностью удмуртов. Естественный прирост был положительным и отражал общую для удмуртов тенденцию к его увеличению (таблица 3).

Таблица 3. Основные показатели воспроизводства населения в 1939 и 1959 г. (общерегиональные и среди удмуртов)

	Рождаемость	Смертность	Младенческая смертность	Естественный прирост, чел.
	на 1000 населения	на 1000 родившихся живыми		
1939 г.				
Удмуртская АССР	47,2	28,5	256,2	22740
удмурты	51,9	31,9	260,3	9573
Башкирская АССР	47,6	21,3	188,5	82954
удмурты	57,6	29,9	204,2	697
Татарская АССР	45,4	23,5	202,7	63724
удмурты	53,7	27,9	208,0	670
Кировская область	39,1	22,5	208,5	36983
удмурты	54,6	32,2	261,2	533
Свердловская область	439,0	24,5	237,6	48444
удмурты	44,9	19,6	224,6	194
Пермская область,	45,7	25,4	257,9	42385
удмурты	55,6	23,3	192,8	316
1959 г.				
Удмуртская АССР	30,5	8,9	46,8	28899
удмурты	36,7	9,8	51,1	12809
Башкирская АССР	32,8	8,0	47,9	82827
удмурты	38,3	11,5	56,4	680
Татарская АССР	28,6	8,5	50,4	57452
удмурты	33,0	10,3	64,4	514
Кировская область	24,6	9,3	49,1	29132
удмурты	34,7	8,7	56,2	576
Свердловская область	23,3	7,1	40,3	65914
удмурты	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
Пермская область	25,9	8,4	49,1	52496
удмурты	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений

Источники: (Всесоюзная перепись населения 1959 г.¹²; Естественное движение населения... 1937-1990; Естественное движение населения... 1958-1968 гг.; Всесоюзная перепись населения 1939 г.¹³); РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 152: 38, 65, 118, 166, 211; Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р-2340. Оп. 45. Д. 796: 24 об.; Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 1: 56.

В 1939 г. в СССР общий коэффициент смертности по оценкам ЦСУ того времени составлял 17,3%, согласно современным оценкам – 20,1%, в РСФСР – 23,2% (Исупов 2000: 126). В регионах РСФСР уровень смертности отличался, в том числе в изучаемых областях и

¹² Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР.

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 28.09.2023).

¹³ Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу.

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=36&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 28.09.2023).

автономных республиках: в Удмуртской и Татарской АССР, Свердловской и Пермской областях он был выше (от 23,5 до 28,5%), в Башкирской АССР и Кировской области – ниже (21,3 и 22,5% соответственно). Во всех изучаемых регионах уровень смертности удмуртов был выше или значительно выше (от 23,3 до 32,2%), чем по региону в целом. Исключением была Свердловская область, где общая смертность имела более высокий показатель, чем смертность удмуртов (24,5 и 19,6% соответственно) (таблица 3).

В 1939 г. в РСФСР коэффициент младенческой смертности составлял 188,0%¹⁴. Данный показатель был выше и значительно выше в некоторых регионах (Пермская область – 257,9%; Удмуртская АССР – 256,2%; Свердловская область – 237,6%), чем по РСФСР в целом. Младенческая смертность удмуртов преобладала в аграрных регионах и там, где удмурты проживали традиционно (Удмуртская АССР, Кировская область, Башкирская и Татарская АССР). В областях Урала ситуация была иной. Смертность младенцев в целом по региону была выше (таблица 3).

В первый год возобновления сбора данных о процессах воспроизведения населения у отдельных народов (1958 г.), естественный прирост был положительным, несмотря на негативные воздействия на демографические процессы Великой Отечественной войны и восстановительные процессы послевоенных лет. В Башкирской и Татарской АССР за двадцатилетний межпереписной период естественный прирост среди удмуртов в абсолютном выражении сократился, в Кировской области и Удмуртской АССР – возрос. В последней естественный прирост увеличился на 25,2% (таблица 4).

Таблица 4. Сведения о воспроизведстве удмуртского населения в основных регионах проживания, 1958–1959 гг., чел.

	Родившиеся без мертворожденных	Умершие		Естественный прирост
		всего	в том числе в возрасте до 1 года	
1958 г.				
Удмуртская АССР	17197	4486	881	12711
Башкирская АССР	923	240	43	683
Татарская АССР	787	187	36	600
Кировская обл.	702	196	44	506
1959 г.				
Удмуртская АССР	17478	4669	888	12809
Башкирская АССР	973	293	54	680
Татарская АССР	748	234	49	514
Кировская область	770	194	42	576

Источник: (*Естественное движение населения... 1958–1968 гг.*).

Вследствие демографического перехода показатели воспроизведения менялись и на всей территории России, и на территориях проживания удмуртов. В условиях мирного времени активно шел процесс второй фазы демографического перехода, связанной с сокращением рождаемости: в РСФСР общий коэффициент рождаемости составлял в 1950 г. – 26,9%, в 1955 г. – 25,7%, в 1959 г. – 23,7%. Процесс происходил очень быстро, практически не оставляя возможности для реализации «демографического выигрыша» (Жиромская, Араловец 2018: 86).

¹⁴ РГАЭ. Ф-4372. Оп. 92. Д. 284: 21–22.

Детность у удмурток в 1959 г. составляла 113 детей (в возрасте от рождения до 9 лет) на 100 женщин (в возрасте от 20 до 49 лет) и значительно отличалась по типу поселения: 84 в городской местности и 121 – в сельской местности. У русских женщин это показатель был значительно ниже – 86. Наиболее высокий показатель детности был у чеченок и составлял 220 детей (Бондарская 1977: 28, 56).

Рождаемость среди удмурток была выше, чем в изучаемых регионах в целом с самыми высокими показателями в Удмуртской АССР – 36,7% и Башкирской АССР – 38,3%. Региональный уровень рождаемости варьировал от 23,3 до 32,8% (Свердловская область и Башкирская АССР соответственно) (таблица 3). Данный показатель был значительно выше, чем уровень рождаемости в РСФСР, который в 1959 г. составлял 23,7% (Население России...1998: 84).

В большинстве регионов проживания смертность среди удмуртов была выше, чем по региону в целом (показатель варьировался от 7,1 до 9,3%). Наиболее высокими были показатели в Башкирской АССР – 11,5% и Татарской АССР – 10,3% (таблица 3). По имеющимся сведениям, смертность среди удмуртов была выше общероссийского показателя (7,8%) (Там же).

Смертность младенцев значительно снизилась за двадцатилетний период. Снижения смертности младенцев в СССР удалось достичь в годы Великой Отечественной войны благодаря введению в лечебный процесс сульфаниламидных препаратов, ужесточению санитарного контроля и внедрению мер помощи материнству и детству (Сифман 1979; Zakharov 1996). Последствия войны привели к росту заболеваемости и смертности у переживших войну людей (особенно в младенческих и детских возрастах). В СССР по отдельным возрастным группам ситуация нормализовалась только к 1956-1958 гг. К концу 1950-х годов удалось добиться существенного снижения детской и младенческой смертности. В 1958-1959 гг. смертность детей в возрасте 0-4 года по сравнению с 1938-1939 гг. понизилась в 6,4 раза (Жиромская, Араповец 2018: 86). Однако в целом уровень младенческой смертности оставался высоким и составлял в 1959 г. в РСФСР 41,3% (Население России...1998: 84). Показатель младенческой смертности среди удмуртов был значительно выше, чем по регионам вселения и по РСФСР в целом. Особенно высоким он был в Татарской АССР – 64,4%, Башкирской АССР – 56,2% и Кировской области – 56,2% (таблица 3).

Заключение

Таким образом, на примере удмуртов удалось показать возможности этнодемографических исследований исторической направленности благодаря использованию комплекса архивных источников, включающего не только официальные материалы переписей, но и текущей статистики. Дисперсное проживание народа в разных регионах не явилось препятствием для комплексного изучения расселения, воспроизводственных и миграционных процессов. Расширение географических рамок, включение в них не только территории собственно Удмуртии, но и других мест компактного проживания удмуртов (Башкирии, Татарстана, Кировской, Пермской, Свердловской областей) обеспечило практически полный охват этой национальности.

Вторая половина 1930-х и конец 1950-х годов явились удобным периодом для того, чтобы представить картину изменений в активной фазе демографического перехода у удмуртов в регионах их наибольшего присутствия. В течение этого времени число

удмуртов, проживавших в Удмуртской АССР несколько выросло, но их удельный вес в составе удмуртского населения всей страны незначительно сократился, что произошло в результате миграционных процессов. В процессе урбанизации в регионах присутствия доля удмуртов, проживающих в городах, увеличилась в 2-3 раза, в некоторых – в 4 раза. Отметим, что в областях Урала к 1939 г. процент удмуртов, проживающих в городах, особенно мужчин, уже был высоким.

В процессах воспроизводства населения во второй половине 1930-х годов у удмуртов сохранялась высокая рождаемость, особенно в сельской местности. Смертность также превышала региональные и общероссийские показатели. Более трети смертей приходилось на детей, не доживших до года, а показатели младенческой смертности были сверхвысокими (каждый четвертый-пятый младенец не доживал до 1 года).

К концу 1950-х годов в результате демографических изменений, являющихся следствием Великой Отечественной войны и урбанизации, в условиях демографического перехода смертность у удмуртов сократилась в два с лишним раза, в том числе благодаря значительному сокращению младенческой смертности. Этот процесс был начат в военное время и продолжен в послевоенный период. Рождаемость у удмуртов, оставаясь на относительно высоком уровне, уже не достигала довоенных показателей.

Литература

Бондарская Г.А. (1977). Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). Москва:
Статистика.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Демоскоп.

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=0

Всесоюзная перепись населения 1959 г. Демоскоп.

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=0

Естественное движение населения регионов РСФСР по национальности, 1958–1968 гг.

Демоскоп. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1958_nac.php?year=1958

Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990. Демоскоп.

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1939

Естественное движение населения республик СССР по национальности, 1958–1990.

Демоскоп. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_ed_1958_nac.php

Жиромская В.Б., Поляков Ю.А. (Сост.) (2007). Всесоюзная перепись населения 1937 года:
Общие итоги. Сборник документов и материалов. Москва: РОССПЭН.

Жиромская В.Б., Араповец Н.А. (2018). Российские дети в конце XIX – начале XX в.:
историко-демографические очерки. Москва: Институт российской истории РАН, Центр
гуманитарных инициатив.

Исупов В.А. (2000). Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине
XX века: Ист. - демогр. очерки. Новосибирск: Сиб. Хронограф.

Исупов В.А. (2015). Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. Российская история, 1,
3-18.

- Козлов В.И. (1982). Национальности СССР (Этнодемографический обзор). Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Москва: Статистика.
- Лаллукка С. (1997) Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов. Санкт-Петербург: Европейский Дом.
- Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сборник (1998). Москва: Госкомстат.
- Нефедов С.А. (2017). Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. Москва: Издат. дом «Дело».
- Пименов В.В. (Науч. ред.) (1993). Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Сифман Р.И. (1979). К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны. В Е.М. Андреев, А.Г. Вишневский (Ред.), *Продолжительность жизни: анализ и моделирование*. (сс. 50-60). Москва: Статистика.
- Уваров С.Н. (2019а). Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1930-е гг. *Ежегодник финно-угорских исследований*, т. 13, вып. 4, 664–677.
- Уваров С.Н. (2019б). Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА.
- Zakharov S.V. (1996) The Second World War as a turning point of infant mortality decline in Russia. In G. Masuy-Stroobant, C. Gourbin et P. Buekens (Eds.) *Santé et mortalité des enfants en Europe: Inégalités sociales d'hier et d'aujourd'hui*. (pp.311-333). Institut de Démographie, Université Catholique de Louvain, Louvain-la Neuve: Académia-Bruylant/L'Harmattan.

«Российская демографическая статистика перестает соответствовать мировым стандартам...». Из опыта борьбы отечественных демографов с законодательным и бюрократическим произволом в отношении системы текущего учета демографических событий в конце 1990-х гг.

Сергей Владимирович Захаров
(szakharov@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.
Институт демографических исследований Страсбургского университета, Франция.

«Russian demographic statistics ceases to meet world standards...». From the experience of domestic demographers' struggle against legislative and bureaucratic arbitrariness with regard to the system of current accounting of demographic events in the late 1990s.

Sergei Zakharov
(szakharov@hse.ru),
HSE University, Russia.
Institute for Demographic Research,
University of Strasbourg, France.

Резюме: Публикуемый архивный документ представляет собой письмо ведущих российских ученых – лидеров демографической и социально-экономической науки, направленный в адрес руководителей Российской Федерации: Президента РФ Б.Н. Ельцина, Председателя Правительства РФ Е.М. Примакова, Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ Е.С. Строева, Председателя Государственной Думы Федерального собрания РФ Г.Н. Селезнева, в котором отмечается критическое состояние системы статистического наблюдения за демографическими событиями в стране, сложившееся после принятия в конце 1997 г. Федерального закона «Об актах гражданского состояния». В письме, подготовленном в 1999 г., отражено беспокойство за последствия для государственного управления и практики научных исследований непродуманного решения о существенной ревизии программы сбора и анализа исходной демографической информации, которая базировалась на статистической разработке актов гражданского состояния. В соответствии с новым законом из актов был исключен как «не имеющий юридического значения» ряд характеристик родившихся, умерших, вступающих в брак и разводящихся, был также изменен и порядок статистического учета. К сожалению, в те годы демографам и статистикам не удалось добиться пересмотра основных положений критикуемого закона и отстоять сложившуюся к началу 1990-х годов программу статистического наблюдения за демографическими процессами, соответствующую международно принятым стандартам. Впоследствии неудачный закон, как и предупреждали специалисты, пришлось многократно пересматривать, и, в конце концов, российская демографическая статистика вернулась к адекватному состоянию. Однако в результате допущенного законодательного и бюрократического произвола более чем на десятилетие была потеряна возможность изучения в России рождений по очередности рождения, браков и разводов по детальным возрастам, всех демографических событий в разрезе важных социально-экономических характеристик: образования, положения в занятии, миграционного статуса индивидов и некоторых др.

Ключевые слова: Россия, демографическая статистика, Закон об актах гражданского состояния 1997 года.

Для цитирования: Захаров С.В. (2024). «Российская демографическая статистика перестает соответствовать мировым стандартам». Демографическое обозрение, 11(2), 100-110. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21829>

Abstract: The archive document published is a letter of leading Russian social scientists sent to President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Chairman of the Government of the Russian Federation E.M. Primakov, Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation E.S. Stroev, and Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation G.N. Seleznev, which notes the unsatisfactory state of

statistical monitoring of demographic events in the country arising after the adoption of the Federal Law "On Acts of Civil Status" at the end of 1997.

The letter, prepared in 1999, expressed concerns about the consequences for government administration and scientific research of an ill-conceived decision to significantly revise the program for the collection, statistical processing and analysis of basic demographic information (vital records). In accordance with the new law, a number of characteristics of births, deaths, marriages and divorces were excluded from the vital records as "not having legal significance"; the procedure for statistical recording was also changed.

Unfortunately, in those years, demographers and statisticians failed to achieve a revision of the main provisions of the criticized law and to defend the program of statistical observation of demographic processes that had developed by the early 1990s and met internationally accepted standards. Subsequently, the unsuccessful law, as experts warned, had to be revised many times. Eventually, Russian vital statistics returned to normal, but as a result of legislative and bureaucratic arbitrariness, the opportunity to study live births by birth order, marriages and divorces by detailed ages, and all demographic events in the context of important socio-economic characteristics such as educational, occupational, migration status and some others was lost for more than a decade.

Keywords: Russia, vital statistics, 1997 Federal Law «On Acts of Civil Status».

For citation: Zakharov S. (2024). «Russian demographic statistics ceases to meet world standards». *Demographic Review*, 11(2), 100-110. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21829>

Предварительные замечания редактора

В архивах Института демографии им. А.Г. Вишневского НИУ ВШЭ сохранился уникальный документ эпохи бурных социально-политических и экономических перемен 1990-х годов в России, а именно — письмо-обращение ведущих ученых в адрес политического руководства страны, которое отражает отчаянные попытки защитить от разрушения сложившуюся систему статистического мониторинга демографических процессов в отношении исходной, базовой информации текущего учета, получаемой государственными органами статистики (в то время федеральными и региональными учреждениями Государственного комитета Российской Федерации по статистике) из системы ЗАГС, подчиненной Министерству юстиции. Данная ситуация возникла в результате принятия Федерального закона "Об актах гражданского состояния" № 143-ФЗ от 15.11.1997 (принят Государственной думой 22 октября 1997 г., одобрен Советом Федерации 5 ноября 1997 г., подписан Президентом Б.Н. Ельциным 15 ноября 1997 г.)¹. Заметим, что этот закон так называемого прямого действия, т.е. не подразумевающий принятия никаких дополнительных ведомственных подзаконных актов в отношении практики регистрации демографических событий, так как в нем содержалась исчерпывающая информация о порядке регистрации и содержании документов «на входе» и «выходе».

Приводимое ниже письмо было инициировано авторитетнейшим демографом и статистиком Андреем Гавриловичем Волковым, который, возглавляя на протяжении более трех десятилетий главный демографический исследовательский и методологический центр в системе государственной статистики, прекрасно понимал последствия непродуманных решений. Письмо, подготовленное в 1999г., десять лет спустя было публично обнародовано А.Г. Вишневским на страницах Демоскопа *Weekly* в некрологе после смерти А.Г. Волкова (Вишневский 2009). Однако в этой публикации была приведена только текстовая часть письма без указания фамилий тех, кто его подписал. Мы же сегодня, отдавая должное исторической справедливости, предлагаем вниманию читателей факсимильную копию документа, как он был оформлен в то время, со всеми фамилиями и подписями.

¹ См.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/; <https://base.garant.ru/173972/>
Следует иметь в виду, что прорваться от действующей сегодня версии закона до исходного, оригинального его варианта, принятого в 1997 г., через несколько десятков последующих поправок, внесенных в разные годы, крайне не просто. ИДЕМ НИУ ВШЭ предлагает вниманию заинтересованных читателей исходную версию закона: <https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/laws/law05.php>

Президенту Российской Федерации Борису Николаевичу ЕЛЬЦИНУ
Председателю Правительства Российской Федерации Евгению Максимовичу ПРИМАКОВУ
Председателю Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Егору Семеновичу СТРОЕВУ
Председателю Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Геннадию Николаевичу СЕЛЕЗНЕВУ

Мы обращаемся к высшим руководителям Российской Федерации по вопросу, имеющему чрезвычайно важное значение для повседневной практической деятельности в экономике и социальной сфере и для усиления социальной направленности экономических реформ.

С начала 1999 года вступил в силу Федеральный закон «Об актах гражданского состояния». При его обсуждении и принятии, проходивших без участия специалистов-статистиков, из этих актов был исключен как не имеющий юридического значения ряд характеристик родившихся, умерших, вступающих в брак и разводящихся, был изменен и порядок учета. Между тем на этих данных основываются текущие оценки численности и состава населения, демографический анализ и прогнозирование.

Система информации о населении в виде регулярных его переписей и статистической обработки данных из актов гражданского состояния существует во всех развитых странах на менее ста лет. В России она с большим трудом налаживалась многие годы, вполне устоялась и сейчас не уступает зарубежным аналогам.

Новый закон по существу разрушает эту систему. Он не только исключает нужные статистике записи в актах, но и снимает с ЗАГСов обязанность передавать вторые экземпляры самих актов для статистической обработки. Тем самым учет населения в России отбрасывается на уровень конца 19 века.

С введением этого закона государство и общество лишаются следений, необходимых для разработки и реализации государственных программ социальной политики, направленных на укрепление здоровья людей, улучшение положения женщин и детей, на помощь семьям.

Субъекты Федерации и местные органы власти практически остаются без информации, характеризующей демографическую ситуацию в регионах и необходимой для ее мониторинга.

Российская демографическая статистика перестает соответствовать мировым стандартам. Страна не сможет выполнять свои обязательства по представлению данных о населении международным организациям.

Первая перепись населения новой России, намечавшаяся на 1999 год, уже отложена - не нашлось средства. Теперь, даже если они и будут выделены, перепись удастся провести не раньше 2001 года.

Но сокращение актов гражданского состояния не было никакой необходимости. Записи актов все равно делаются для государственной регистрации, а признаков, нужных только статистике, не так много, и запись их никогда не составляла труда.

Нас особенно беспокоит, что как отсрочка переписи, так и свертывание текущей демографической информации происходит как раз тогда, когда проблемы населения резко обострились, в число россиян уже семь лет уменьшается. Ведь разработка и реализация эффективных мер по преодолению этих кризисных явлений невозможны без детальной и достоверной статистики.

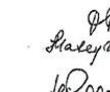
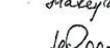
Необходимо внести поправки в закон об актах гражданского состояния и вернуть оправдавший себя порядок сбора демографических данных. Нельзя допустить, чтобы Россия вошла в 21 век, не зная, что происходит с ее населением.

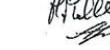

Абалкин Л.И., академик, директор Института экономики РАН
Вишневский А.Г., академик РАН, руководитель Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Волков А.Г., кандидат экономических наук, председатель демографической секции Центрального Дома учёных РАН

Елизаров В.В., кандидат экономических наук, руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ
Заславская Т.И., академик

Каргин С.П., вице-президент РАН
Комаров Ю.М., заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор НПО "Медиаэкономинформ"
Костаков В.Г., доктор экономических наук, профессор, председатель Научного совета РАН, ФМС и Минэкономики РФ "Проблемы демографии, миграции и трудовых ресурсов"

Лысов Д.С., академик-секретарь Отделения экономики РАН

Менюлова И.А., член-корреспондент Академии медицинских наук, почётный президент международной ассоциации "Семья и здоровье"

Римановская Н.М., академик РАН, директор ИСПН РАН

Ткаченко А.А., кандидат экономических наук, главный редактор Российского Демографического журнала

Президенту Российской Федерации
Борису Николаевичу ЕЛЬЦИНУ

Председателю Правительства
Российской Федерации
Евгению Максимовичу ПРИМАКОВУ

Председателю Совета Федерации Федерального собрания
Российской Федерации
Егору Семеновичу СТРОЕВУ

Председателю Государственной думы Федерального собрания
Российской Федерации
Геннадию Николаевичу СЕЛЕЗНЕВУ

Мы обращаемся к высшим руководителям Российской Федерации по вопросу, имеющему чрезвычайно важное значение для повседневной практической деятельности в экономике и социальной сфере и для усиления социальной направленности экономических реформ.

С начала 1999 года вступил в силу Федеральный закон «Об актах гражданского состояния». При его обсуждении и принятии, проходивших без участия специалистов-статистиков, из этих актов был исключен как не имеющий юридического значения ряд характеристик родившихся, умерших, вступающих в брак и разводящихся, был изменен и

порядок учета. Между тем на этих данных основываются текущие оценки численности и состава населения, демографический анализ и прогнозирование.

Система информации о населении в виде регулярных его переписей и статистической обработки данных из актов гражданского состояния существует во всех развитых странах не менее ста лет. В России она с большим трудом налаживалась многие годы, вполне устоялась и сейчас не уступает зарубежным аналогам.

Новый закон по существу разрушает эту систему. Он не только исключает нужные статистике записи в актах, но и снимает с ЗАГСов обязанность передавать вторые экземпляры самих актов для статистической обработки. Тем самым учет населения в России отбрасывается на уровень конца 19 века.

С введением этого закона государство и общество лишаются сведений, необходимых для разработки и реализации государственных программ социальной политики, направленных на укрепление здоровья людей, улучшение положения женщин и детей, на помощь семьям.

Субъекты Федерации и местные органы власти практически остаются без информации, характеризующей демографическую ситуацию в регионах и необходимой для её мониторинга.

Российская демографическая статистика перестает соответствовать мировым стандартам. Страна не сможет выполнять свои обязательства по предоставлению данных о населении международным организациям.

Первая перепись населения новой России, намечавшаяся на 1999 год, уже отложена - не нашлось средств. Теперь, даже если они и будут выделены, перепись удастся провести не раньше 2001 года.

Но сокращать акты гражданского состояния не было никакой необходимости. Записи актов все равно делаются для государственной регистрации, а признаков, нужных только статистике, не так много, и запись их никогда не составляла труда.

Нас особенно беспокоит, что как отсрочка переписи, так и свертывание текущей демографической информации происходят как раз тогда, когда проблемы населения резко обострились, а число россиян уже семь лет уменьшается. Ведь разработка и реализация эффективных мер по преодолению этих кризисных явлений невозможны без детальной и достоверной статистики.

Необходимо внести поправки в закон об актах гражданского состояния и вернуть оправдавший себя порядок сбора демографических данных. Нельзя допустить, чтобы Россия вошла в 21 век, не зная, что происходит с ее населением.

Абалкин Л.И., академик, директор Института экономики РАН

Вишневский А.Г., академик РАН, руководитель Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Волков А.Г., кандидат экономических наук, председатель демографической секции Центрального Дома ученых РАН

Елизаров В.В., кандидат экономических наук, руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ

Заславская Т.И., академик

Капица С.П., вице-президент РАЕН

Комаров Ю.М., заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор НПО «Медсоцэкономинформ»

Костаков В.Г., доктор экономических наук, профессор, председатель Научного совета РАН, ФМС и Минэкономики РФ «Проблемы демографии, миграции и трудовых ресурсов»

Львов Д.С., академик-секретарь Отделения экономики РАН

Мануилова И.А., член-корреспондент Академии медицинских наук, почетный президент международной ассоциации «Семья и здоровье»

Римашевская Н.М., академик РАЕН, директор ИСЭПН РАН

Ткаченко А.А., кандидат экономических наук, главный редактор Российского Демографического журнала

Как непосредственному свидетелю обсуждения текста обращения в момент его подготовки и с А.Г. Волковым, и с А.Г. Вишневским, позволю себе высказать несколько дополнительных комментариев по сути вопроса и об историческом контексте его появления.

Во второй половине 1990-х годов Министерство юстиции выступило с инициативой сокращения признаков (реквизитов), содержащихся в актовых записях о рождении, смерти, заключения и расторжении брака. Понятно, что речь шла об основополагающей исходной статистической информации, значение которой не вполне осознавалось в Министерстве юстиции, в подчинении которого находилась вся система ЗАГСов. Аргументация необходимости ревизии помимо обычной отсылки к проблеме бюджетных ограничений, обострившейся в период финансово-экономического кризиса 1998 г., включала в себя еще и отсутствие, по мнению министерских чиновников (и, видимо, привлеченных экспертов-юристов), «юридического значения» очередности рождения у матери и таких социально-экономических признаков, как национальность, образование, положение в занятии, продолжительность проживания и некоторых других. А ведь появление этих реквизитов в первичных документах текущего учета демографических событий было результатом длительного, более чем векового исторического развития, чем гордились несколько поколений отечественных статистиков и демографов². Попутно заметим, что в обсуждаемый исторический период осуществлялся неизбежный процесс перехода на компьютерную обработку информации в территориальных ЗАГСах, который давался очень тяжело в силу полной неподготовленности персонала, помноженной на несовершенство первых поколений персональных компьютеров, электронных носителей информации и системного обеспечения. Озабоченный сокращением объема функций и работ, Минюст

² Подробная историческая эволюция содержания актов гражданского состояния в России представлена Е.Б. Сивушковым (Сивушков 1994).

думал не только о сокращении финансовых затрат, но и об облегчении жизни своим сотрудникам.

Важно также напомнить, что в 1997 г. законодательно отменяется обязательная графа «национальность» в паспорте гражданина РФ, а также в других документах, свидетельствующих личность (так, в домовых книгах персонализированного учета и в военных билетах данная графа перестает заполняться). Действительно, целый ряд признаков о лице, в отношении которого происходило событие, требующее регистрации, заполнялся в актовых записях со слов заявителя, без подтверждения соответствующими юридическими документами: аттестатами и дипломами об образовании, справками с места работы, из паспортных столов и т.п. Строго говоря, при такой постановке вопроса у представителей юстиции имелась логика в сомнениях о необходимости сбора информации, не имеющей юридического основания.

Если факт и причина смерти индивида подтверждается серьезным документом – медицинским свидетельством о смерти (качество диагностики оставляем в стороне), то сведения об образовании умершего - в лучшем случае со слов близких родственников, в худшем – людей, случайных по отношению к умершему (представителей сервисов ритуальных услуг, органов МВД и др.). Еще более сложная проблема понять, на основании чего в актовой записи рождения указывается очередность рождения (биологический порядок рождения у матери)? Казалось бы, ответ очевиден – из медицинского (врачебного) свидетельства о рождении³, где в электронной (и в бумажной форме) имеется поле «Которым по счету был рожден у матери» (в электронной форме имеется подсказка: «следует заполнить с учетом умерших и без учета мертворожденных при предыдущих родах»). Однако возникает каверзный вопрос, а на основании каких фактов заполняется данное поле? Строго говоря, врач/медицинский работник при непосредственном наблюдении женщины-роженицы может лишь установить, и то не всегда, первые это были роды у матери или повторные, но никак не очередность, да еще и с учетом случаев мертворождений. Заполненные истории болезни, личное знакомство с постоянными пациентками облегчают дело, но не в общем случае. В результате от регистрирующих новорожденного обычно требуют свидетельства о рождении предыдущих детей, подлинность которых, как показывает множество расследований и судебных дел, также может вызывать обоснованное сомнение. Но самое интересное, что графа об очередности рождения появилась в данной форме только в 2021 г. (Следовало бы демографам разобраться, на каком основании сегодня врачи ее заполняют!)⁴, а до этого на протяжении десятилетий очередь рождения у матери указывалась со слов матери (родственника) или представителей государственных органов, непосредственно в момент регистрации новорожденного в ЗАГСе, где-то на основе предъявления свидетельств рождений, а где-то и без оных. Автор этих слов имеет представление о регистрационной практике в 1980-е годы, так как практиковался в выкопировке сведений из книг актовых записей в областных управлениях ЗАГС в тесном общении с их работниками.

³ См. «Медицинское свидетельство о рождении» (Учетная форма № 103/У).

https://base.garant.ru/403132571/#block_21

⁴ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 13 октября 2021 г. № 987н "Об утверждении формы документа о рождении и порядка его выдачи". См.: <https://base.garant.ru/403132571/>

То, что проблема установления биологического порядка рождения у матери не надуманная проблема, подтверждается опытом Франции, страной с богатейшим опытом развития достоверной демографической статистики. Вплоть до сегодняшнего момента статистика рождений по очередности, основанная на регистрации событий, на национальном уровне в этой стране отсутствует, в чем легко убедиться, наблюдая прочерки в соответствующих колонках таблиц в международной базе данных Human Fertility Database⁵. Впрочем, большинство развитых стран как-то справляется с данной проблемой, на что и указывалось чиновникам из российского Минюста в попытках отстоять отложенную за десятилетия отечественную систему.

Понятно, что до провозглашения в 2006 г. политики по стимулированию рождаемости и «материнского капитала», положенного матерям, родившего второго и последующих детей, большого смысла в искажении факта очередности на российских просторах не имелось. В редких случаях установки льгот и награждения медалями и орденами матерей, родивших и воспитавших пятерых и более детей, инспекторами производился особо тщательный «поголовный подсчет» выживших детей. В настоящий момент, когда «за рождения платят» в зависимости от очередности ребенка, правила установления порядка рождения у матери должны быть прозрачны и доказательны. Конечно, при условии ведения качественного электронного демографического регистра населения скандинавского типа (который, к слову, все еще отсутствует во Франции), к чему стремится современная Россия, данный вопрос в значительной степени снимается.

Вернемся к обсуждаемому письму. В нем подвергается критике не только урезывание содержания исходной информации о демографическом событии, но законодательная инновация Минюста, освобождающая ЗАГСы от обязанности передавать вторые экземпляры актов гражданского состояния в систему Госстата, а фактически вычислительные центры, в которых в то время вводилась вручную исходная информация с последующей разработкой в соответствии с принятыми программами. На этом этапе осуществлялся контроль полноты и качества поступающей информации на основе взаимодействия статистиков и сотрудников вычислительных центров с работниками ЗАГСов. Вместо прежней системы предлагался скоропалительный переход к системе электронной передачи данных, при которой статистические органы утрачивали функцию контроля, и, соответственно, возможность перепроверки исходных данных. Более того, Минюст вообще отказывался предоставлять детальную информацию о браках и разводах, и с большим трудом (в пожарном порядке!) руководству Госкомстата удалось добиться передачу из Минюста в органы статистики хотя бы сводных таблиц, в которых указывалось итоговое число событий в разрезе диковинных для специалистов, слишком укрупненных возрастных групп без учета очередности брака, без разделения событий,

⁵ В соответствующих методологических комментариях специалисты, поддерживающие HFD, указывают на следующее: «С 1998 года система статистики естественного движения населения во Франции перешла от сбора данных о порядке рождения в браке к сбору данных по биологическому порядку рождения. На практике многие местные госслужащие продолжали предоставлять данные «в браке», поэтому новая система не совсем соответствует ни старому, ни новому определению. Информация о предыдущих родах часто отсутствует в данных, и тогда рождения кодируются как первые роды. По данным регистрации актов гражданского состояния, доля первенцев во Франции в 1998 г. составляла около 50%; однако, по оценкам опросов, которые, как известно, более надежны, эта доля составила 42%. Проблема не устранена до сих пор. Таким образом, мы не предоставляем данные по порядку рождения, используя данные регистрации актов гражданского состояния». (Zeman 2023).

зарегистрированных в городской и сельской местности и др. В результате статистическая оценка даже среднего возраста индивида в момент наступления события стала затруднительной, а оценка их вероятности в зависимости от возраста невозможной.⁶ Впоследствии восстанавливать разрушенное взаимодействие статистических органов и системы регистрации демографических событий пришлось долго и трудно, на этом пути пришлось преодолевать массу барьеров и технического свойства, и концептуальных. Но это уже отдельная история, которую еще предстоит документировать и исследовать.

В рассматриваемом документе внимательный читатель обнаружит одну нетривиальную деталь, которая может ускользнуть от тех, кто не в курсе особенностей тогдашней ситуации. Главный инициатор письма А. Г. Волков выступает в качестве Председателя демографической секции Центрального дома ученых РАН, т.е. указывает свою общественную должность, известную иуважаемую по сути лишь в узких профессиональных кругах. А ведь в то время он все еще возглавлял Отделение демографии НИИ статистики Госкомстата России, основного методологического центра государственной статистики, на что, вероятно, было бы более уместно ссылаться в борьбе с чиновниками и бюрократами. Однако к моменту написания обращения к руководству страны Андрей Гаврилович уже отчаялся, что в кабинетной, межведомственной суете ему удастся добиться пересмотра наиболее критичных положений нового законодательства. Именно по этой причине он пришел в наш Центр демографии и экологии человека ИНП РАН, возглавляемый А.Г. Вишневским, чтобы формально передать академическому сообществу инициативу в борьбе за демографическую статистику. В связи с чем и были призваны на помочь статусные друзья демографической науки: академик-секретарь Отделения экономики РАН Д.С. Львов, академики РАН Л.С. Абалкин, Т.И. Заславская, вице-президент РАЕН С.П. Капица и др.

Следует заметить, что руководство Госкомстата в то время не сильно поддерживало активность в противостоянии с Минюстом, заняв пассивную позицию. Былое величие ЦСУ СССР на уровне руководства страной к этому моменту уже было утеряно, функции государственного контроля исходной статистической информации за Госкомстатом уже не числились (возможно, к радости чиновников – не нужно ездить по всей стране с дорогостоящими и трудозатратными инспекциями, отвечая головой за полноту и достоверность информации).

Недальновидный прагматизм руководства статистикой того времени поражал воображение. Вспоминается опыт моего личного общения в то время с госкомстатовским чиновником высокого ранга. На мой вопрос, почему вы считаете возможным потерять столь ценную информацию о браках, разводах и пр., был получен в ответ риторический вопрос: «А вы используете в своих прогнозных расчетах населения возрастные коэффициенты брачности и разводимости? У нас есть государственное задание подготовить прогноз населения, на это отпущены деньги. А на ваш анализ браков и разводов правительственный запрос никогда не поступал». Насколько мне известно, даже сбор информации о причинах смерти в разрезе возраста удалось в то время отстоять с большим трудом, привлекая дополнительные силы влияния из Минздрава («А зачем нужны в прогнозе населения возрастные коэффициенты смертности по причинам

⁶ Подробнее о негативных последствиях изменившейся практики статистического наблюдения для анализа брачности и разводимости в России см.: (Население России 2007: 47-48; Население России 2013: 231-256).

смерти»?). Увы, никакое ведомство, кроме Минюста, не было заинтересовано в информации о заключаемых браках и разводах. Да и последнего интересовали, главным образом, число браков среди несовершеннолетних, без пречей детализации, отчего и странно смотрелась специально выделенная, но весьма малочисленная возрастная группа брачующихся подростков в предоставляемых Минюстом таблицах с годовыми итогами.

Кроме того российское статистическое ведомство в те годы переживало тяжелейший институциональный кризис, о чем уже писалось ранее в нашем журнале, что стало причиной отказа от проведения переписи населения в 1999 году. Отстаивать на высоком уровне интересы статистики в целом, и статистики населения в частности, в общем-то, было некому (Захаров 2023).

К сожалению, попытка исправить ситуацию открытым обращением научной общественности к руководителям страны оказалась безуспешной. Как писал А.Г. Вишневский: «Насколько я знаю, никакой реакции на это письмо не последовало... Андрей Гаврилович умер, так и не дождавшись нового ремонта нашей демографической статистики, по оплошности законодателей залетевшей из двадцать первого века в девятнадцатый» (Вишневский 2009).

В заключении мы предлагаем вспомнить добрыми словами имена всех двенадцати, кто принял участие в отчаянной попытке остановить законодательное, ведомственно-бюрократическое насилие над демографической статистикой в конце 1990-х годов. Увы, с нами уже нет одиннадцати из них: Л.И. Абалкина (1930-2011), А.Г. Вишневского (1935-2021), А.Г. Волкова (1931-2009), В.В. Елизарова (1949-2021), Т.И. Заславской (1927-2013), С.П. Капицы (1928-2012), Ю.М. Комарова (1939-2021), В.Г. Костакова (1928-2013), Д.С. Львова (1930-2007), И.А. Мануиловой⁷ (1923-2011), Н.М. Римашевской (1932-2017). А. А. Ткаченко мы желаем здоровья и долгих лет жизни.

Литература

Вишневский А. (2009). Андрей Гаврилович Волков. Штрихи к биографии. *Демоскоп Weekly*, 385-386 (17-30 августа 2009).

<https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0385/nauka01.php>

Захаров С. В. (2023). Из истории Всероссийской переписи населения 2002 г.: нужна ли нам такая Государственная комиссия? *Демографическое обозрение*, 10(1), 146-150.

<https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17264>

⁷ Нередко можно встретить ошибочное написание фамилии известного советского и российского исследователя репродуктивного здоровья населения Ирины Александровны Мануиловой. В частности, Википедия и некоторые другие информационные сайты дают написание ее фамилии через «и краткую» (т.е. Мануйлова), что ошибочно (см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мануйлова,_Ирина_Александровна). В представленном документе, подписанном ею лично, приведено правильное написание фамилии, что могут подтвердить многие, кому довелось с ней работать вместе или общаться на многочисленных научных мероприятиях.

- Население России (2007). А.Г. Вишневский (Отв. ред.) (2007) Население России 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад. Москва: ГУ ВШЭ.
https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r05/sod_r.html
- Население России (2013). А.Г. Вишневский (Отв. ред.) (2013) Население России 2010-2011. Восемнадцатый - девятнадцатый ежегодный демографический доклад. Москва: Изд. дом ВШЭ. https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r10_11/sod_r.html
- Сивушков Е.Б. (1994). Формулировка вопросов в первичных документах текущего учета демографических событий в России (во вторых экземплярах книг записей актов гражданского состояния). В Г.Г. Меликьян (гл. ред.) *Народонаселение: энциклопедический словарь* (сс. 589-602). Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Zeman K. (2023). Human Fertility Database documentation: France. Rostock (Germany): Max Planck Institute for Demographic Research.
<https://www.humanfertility.org/File/GetDocumentFree/Docs/FRATNP/FRATNPcom.pdf>

**Рецензия на монографию
«Миграционная правовая
политика России:
тенденции и пути развития»**

Оксана Альфредовна Хараева
(oxa-na1@yandex.ru), Московский
Государственный Университет имени
М.В. Ломоносова, Россия.

**Review of the book
«Migration Legal Policy of
Russia: Trends and Ways of
Development»**

Oxana Kharaeva
(oxa-na1@yandex.ru), Lomonosov Moscow
State University, Russia.

Резюме: В книге «Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития» под редакцией Л.В. Андриченко освещаются вопросы формирования нормативной правовой базы регулирования миграционных процессов. Рассмотрены тенденции, лежащие в основе законодательных изменений в сфере миграционной политики, реализованных в РФ в постсоветский период. Представлен анализ основных положений предстоящей реформы миграционного законодательства. Проведено исследование вопросов влияния правовой базы на качество отечественной статистики миграции.

Ключевые слова: право, миграция, миграционная политика, миграционное право, Российская Федерация, миграционное законодательство, статистика миграции.

Для цитирования: Хараева О.А. (2024). Рецензия на монографию «Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития». Демографическое обозрение, 11(2), 111-116. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21830>

Abstract: The book “Migration Legal Policy of Russia: Trends and Paths of Development”, edited by L.V. Andrichenko, covers the issues of forming a normative legal framework for regulating migration processes. It looks at the trends underlying legislative changes in migration policy implemented in the Russian Federation in the post-Soviet period, analyzes the main provisions of the upcoming reform of migration legislation, and studies the influence of the legal framework on the quality of domestic migration statistics.

Keywords: law, migration, migration policy, migration law of the Russian Federation, migration legislation, migration statistics.

For citation: Kharaeva O. (2024). Review of the book «Migration Legal Policy of Russia: Trends and Ways of Development». Demographic Review, 11(2), 111-116. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21830>

Рецензируемая монография посвящена исследованию актуальных проблем формирования нормативной правовой базы регулирования миграционных процессов. Увеличение масштабов миграции в Россию в последние десятилетия, диверсификация миграционных потоков сопровождались интенсивным накоплением массива правовых актов. По оценкам Т.Я. Хабриевой, к началу 2020-х годов база регулирования миграционных отношений включала более пятидесяти документов, из которых 57 – это федеральные законы (Хабриева 2019: 16). Во многом развитие законодательства происходило в виде оперативного реагирования на возникающие проблемы. Восполнение пробелов в правовом регулировании миграционных отношений не всегда осуществлялось последовательно и полно, что определило громоздкость структуры миграционного законодательства, наличие большого количества пробелов, противоречий и дублирующих норм (Брик 2014).

Фрагментарность правового обеспечения, расширение роли подзаконного регулирования усугубляются отсутствием четкого разграничения полномочий между различными субъектами властных и управлеченческих структур и адекватных механизмов координации межведомственного взаимодействия, что вызывает сложности интерпретации и применения положений нормативных правовых актов.

Проблемы правового обеспечения миграционной политики получили освещение в научной юридической литературе. В работах Т.Я. Хабриевой, А.Д. Брик, И.А. Умновой-Конюховой и других авторов обсуждаются теоретические и прикладные вопросы правового регулирования миграционных отношений. Вместе с тем в контексте происходящей в настоящее время реформы законодательства в сфере миграции и гражданства всестороннее исследование современного состояния и анализ предлагаемых изменений правового регулирования миграционных процессов приобретает особое значение.

Монография подготовлена коллективом авторов, представляющих разные научные дисциплины и занимающихся изучением проблем регулирования миграции. Это обстоятельство позволило расширить рамки исследования и придать ему в определенной степени междисциплинарный характер.

Книга включает введение и одиннадцать глав, последовательно раскрывающих тему работы, переходя от анализа теоретико-правовых основ регулирования миграционных отношений к рассмотрению проблем функционированию отдельных институтов миграционного права.

Первая глава посвящена изучению роли стратегического планирования в совершенствовании механизмов и выработке направлений миграционной политики РФ. Авторы анализируют содержание документов стратегического планирования, принятых в последние годы, и их правовые последствия, отмечая, что в результате была достигнута целостность подходов к определению среднесрочных целей и приоритетов развития в сфере регулирования миграционных процессов, определены основные инструменты миграционной политики. Подчеркивается их значение в упорядочивании развития законодательства, его предсказуемости, формировании сценариев будущего правового пространства, а также согласовании целей миграционной правовой политики и правовой демографической, национальной, экономической политики, политики в сфере национальной безопасности.

Во второй главе затронуты вопросы влияния международного права на национальное миграционное законодательство. Обсуждаются аспекты права, связанные с выполнением обязательств государства в области миграции, взятых в рамках интеграционных объединений. Рассматривается роль модельных актов в гармонизации правового пространства, их значимость как регуляторов в условиях усиления интеграционных процессов.

В третьей главе изучаются тенденции развития миграционного законодательства. Как отмечается, в целом за 30 лет его структура стала значительно более сложной, многоуровневой, появились институты, формируемые в зависимости от функциональной роли и вида миграции (трудовая миграция, вынужденная миграция, образовательная миграция и др.). Одновременно произошло вычленение и обособление в его рамках законодательства о внутренней миграции, имеющего явно выраженную специфику. Однако обновление правовой базы носило преимущественно фрагментарный, точечный характер, отсутствие системного подхода к развитию миграционного законодательства стало причиной неравномерного развития его институтов, сохраняющейся раздробленности, наличия пробелов, неопределенности правовой природы отдельных мер регулирования миграционных процессов. Обсуждаются направления предстоящей миграционной реформы.

Анализ институциональной основы формирования и реализации миграционной политики в РФ дан в четвертой главе. Авторы характеризуют ее как сложную систему, включающую различные органы, деятельность которых осуществляется на наднациональном, федеральном, региональном и местном уровнях. В главе подчеркивается, что данная область правового регулирования до настоящего времени является одной из наиболее проблемных вследствие того, что в рамках единой системы публичной власти не достигнуто четкого разграничения полномочий и ответственности субъектов управленческих структур.

В пятой главе представлен подробный обзор правового обеспечения формирования статистики миграции в России. Отмечается, что юридический аспект производства статистики часто недооценивается, но «именно в плоскости нормативного правового регулирования порядка сбора, хранения, разработки и распространения данных можно найти ответы на многие вопросы, связанные с наличием статистики, ее корректностью, актуальностью и доступностью для пользователей» (стр. 91)¹. В работе представлен детальный анализ ситуации с правовым обеспечением формирования статистики миграции в РФ с учетом многообразия видов миграции и источников данных, составлен перечень форм статистического наблюдения, содержащих те или иные сведения, относящиеся к миграции, и указано, какими нормативными актами регламентируется разработка статистики. Большое внимание удалено правовым основам проведения переписи населения, обследования рабочей силы и текущего учета миграции. Подробно рассмотрены вопросы, связанные с разработкой административной статистики Главного управления по вопросам миграции МВД России.

В главе приводятся примеры того, как нормативные акты вводят новые формы отчетности (или данных), меняют субъектность формирования статистики, методологию

¹ При цитировании или отсылке к рецензируемой работе будут указаны только номера страниц, глав, таблиц.

сбора и разработки данных и набор переменных. Резкие колебания в показателях миграции и связанных с ней явлений часто можно объяснить именно изменением нормативной базы. По мнению авторов, совершенствование нормативной базы и улучшение межведомственного взаимодействия (также подкрепленного соответствующими соглашениями) играют большую роль в развитии статистики миграции, но часть проблем лежит в невозможности извлечь необходимые статистические данные из существующих баз данных ввиду их технологического устройства и состояния, поэтому большое значение имеют нормативные акты, определяющие создание и эксплуатацию информационных систем, в которых, в том числе, собираются сведения о миграционном статусе населения. Показано, что хронические и новые проблемы федерального статистического наблюдения за миграцией, которое ведет Росстат, происходят в большой степени из-за несовершенства информационных ресурсов МВД России. По этой причине нет возможности корректно выделять долгосрочных мигрантов из общего потока, а первичная информация (как и в 1930-е годы) собирается на бумажных носителях и вручную вводится сотрудниками территориальных органов статистики в базу данных. В работе также рассматриваются вопросы сотрудничества с международными организациями в сфере, относящейся к разработке статистики миграции и опыт взаимодействия в рамках межгосударственных интеграционных объединений.

Исследованию проблем правового обеспечения отдельных направлений миграционной политики посвящены главы 6-9. Анализ законодательства РФ, определяющего порядок предоставления убежища, и попыток его реформирования (глава 6) выявил отсутствие комплексного подхода к регулированию вопросов предоставления убежища иностранным гражданам, в рамках которого устанавливались бы единые процедурные механизмы для предоставления различных видов убежища и соответствующего ему статуса. В главе говорится о том, что Федеральный закон «О беженцах» посвящен реализации одной формы права на убежище, а именно статусу беженца. Временное убежище, рассматриваемое как временная замена статусу беженца или как форма дополнительной защиты на основании гуманитарных причин, не признается в качестве самостоятельного вида государственной защиты, действующей в рамках института убежища. К недостаткам закона «О беженцах» авторы также относят отсутствие закрепления в нем четких процедур предоставления государственной защиты в случае массового экстренного прибытия на территорию РФ иностранных граждан, ищущих убежище. Решение данных вопросов передается на подзаконный уровень, что снижает гарантированность такой защиты. Также отмечаются проблемы, связанные с отсутствием надлежащего механизма распределения лиц, получивших убежище, между субъектами РФ.

Глава 7 содержит обзор нормативной правовой базы, регламентирующей вопросы, связанные с осуществлением трудовой деятельности иностранных граждан в РФ. Рассматриваются аспекты политики установления квот и преференций в отношении допуска иностранцев на рынок труда, выдачи разрешительных документов на работу, противодействия нелегальной трудовой миграции. Подчеркивается, что повышение качества оказания государственных услуг, их доступность для иностранных граждан способствует сокращению нелегальной занятости.

Законодательная основа политики в отношении соотечественников, добровольно переселяющихся в РФ, обсуждается в главе 8. По мнению авторов, отсутствие четкой регламентации на уровне федерального закона, его декларативность способствовали тому,

что основным регулятором общественных отношений, связанных с добровольным переселением соотечественников, стали документы стратегического характера (программы). Другой особенностью, выраженной в последние годы, стала дифференциация правового положения отдельных категорий соотечественников. В работе подчеркивается значимая роль субъектов РФ, которые обладают правом реализации собственных программ добровольного переселения и установления требований к их участникам, и отмечается распространённая практика использования Государственной программы добровольного переселения соотечественников для восполнения дефицита трудовых ресурсов определенных регионов. Ставится вопрос о необходимости обновления Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», предусматривающего переоценку понятийного аппарата, включение положений, определяющих элементы правового статуса участников Государственной программы, а также иных категорий соотечественников, желающих возвратиться в Российскую Федерацию, и общих положений, составляющих концептуальную основу добровольного переселения.

В 9 главе освещаются проблемы правового регулирования образовательной миграции в РФ, в частности изменение условий въезда, пребывания и трудоустройства иностранных граждан, приехавших в Россию учиться. Авторы главы отмечают, что иностранные студенты являются приоритетной миграционной группой, в связи с чем в отношении них реализуется широкий перечень мер стимулирующего характера в целях повышения привлекательности получения образования в российских образовательных организациях. Также в главе 9 рассмотрены вопросы разграничения и использования понятий «учебная миграция», «образовательная миграция».

В главе 10 обсуждается нормативное правовое регулирование и сложившаяся правоприменительная практика в области контроля (надзора) соблюдения миграционного законодательства. Исследуются теоретические аспекты контроль-надзорной функции государства, в частности, расхождение трактовки содержания понятий «контроль» и «надзор». Выявляются недостатки действующего механизма осуществления миграционного контроля (надзора) и новых законодательных решений, предусмотренных проектом федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства». Авторы делают вывод, что предлагаемые меры также не обеспечивают должную подотчетность, подконтрольность, транспарентность контрольно-надзорной деятельности, сохраняют избыточное использование усмотрения при применении мер административного принуждения.

Монография завершается рассмотрением вопросов установления ответственности за нарушение миграционного законодательства. В результате анализа изменений правового регулирования мер противодействия незаконной миграции делается вывод о формировании тенденции криминализации и ужесточения уголовных санкций за нарушения миграционного законодательства и расширении охранительных норм КоАП РФ, прежде всего в области защиты Государственной границы РФ и режима пребывания в государстве. В работе обсуждаются наиболее дискуссионные вопросы криминализации и квалификация некоторых из них. Также рассматривается опыт зарубежных стран в сфере регулирования мер уголовно-правовой защиты государственных границ в целях противодействия незаконной миграции.

Книга, безусловно, вызовет интерес исследователей и специалистов, занимающихся изучением миграции и отечественной миграционной политики, её правового обеспечения и институциональных основ. Работа может быть полезна представителям органов управления, практикующим юристам, преподавателям, аспирантам и студентам, а также широкому кругу заинтересованных читателей.

Литература

- Андриченко Л.В. (Ред) (2024). Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития. Москва: Норма, ИНФРА-М. 280 с. ISBN 978-5-00156-352-5 (Норма).
<https://doi.org/10.12737/2123874>
- Брик А.Д. (2014). Эволюция российского миграционного законодательства: проблемы и противоречия. *ЮПю*, 3(64). <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-rossiyskogo-migratsionnogo-zakonodatelstva-problemy-i-protivorechiya>
- Хабриева Т.Я. (2019). *Миграционное право: сравнительно-правовое исследование*. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 400 с.